

# Сибирскій

# НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 9.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благов. пер.

1901.



## Сибирскій

## НАБЛЮДЕНІЯ

Дозволено цензурою. Томскъ, 4 октября 1901 года.

К. КНИГА 2.

ТОМСКЪ



Библиотека Томскаго университета. Томскъ, 1901 г.





# Благовѣщенскъ.

(Часть II, — см. VII кн. тек. года).

Вся будущность Амурской области зависитъ всецѣло отъ ея колонизаціи. Поэтому изъ года въ годъ въ нее направляются сотни переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Въ Благовѣщенскѣ за городомъ расположенъ цѣлый рядъ барачныхъ для прибывающихъ сюда переселенцевъ, гдѣ они живутъ пока не получаютъ земельного участка. Въ 1900 году въ область прибыло 444 семьи въ числѣ 3851 души обоего пола. Въ 1901 году ожидается болѣе 500 семей, т. е. свыше 4000 чел. Ежегодный приростъ городского населенія, вслѣдствіе пріѣзда новыхъ лицъ, за послѣднее трехлѣтіе выразился въ числѣ 800 человѣкъ въ годъ въ среднемъ. Кромѣ того, естественный приростъ въ среднемъ за этотъ же періодъ 150 человѣкъ.

Городское самоуправленіе наше характерно своимъ составомъ. Въ числѣ гласныхъ есть 5 учителей (1 народный), 1 фельдшеръ, 1 писецъ, остальные купцы и золотопромышленники. Городской голова, учитель гимназіи, одинъ изъ членовъ управы — тоже учитель. Городскимъ хозяйствомъ уже нѣсколько трехлѣтій заведуетъ одинъ и тотъ же членъ управы П. П. Поповъ, который и создалъ все то, чѣмъ можетъ гордиться нашъ городъ. Мы познакомимъ читателя со смѣтою городской думы на 1901 годъ, изъ которой видно, на какія стороны хозяйства тратились извѣстныя суммы и изъ какихъ источниковъ составляются доходы города.

Изъ прилагаемой таблицы видно, что главное вниманіе городское самоуправленіе обращаетъ на народное образованіе (25,5 %) и медицинскую часть. И, дѣйствительно, едва-ли гдѣ въ Россіи найдется другой такой городъ, который тратилъ-бы на народное образованіе ровно четверть своихъ расходовъ. И это въ то время какъ смѣта составлена съ дефицитомъ болѣе 70 тысячъ. Можно себѣ представить, какъ бы поставилъ городъ народное образованіе не будь у него дефицита. Городъ содержитъ на свои средства ремесленное училище, нѣсколько начальныхъ школъ, библіотеку, музей, народныя чтенія, воскресныя школы и имѣетъ нѣсколько стипендій въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прилагаю табличку процентныхъ отношеній приходныхъ и расходныхъ статей, составленную на основаніи смѣты городской управы на 1901 годъ.

Смѣта приходовъ и расходовъ Благовѣщенскаго городского общественнаго самоуправления.

ПРИХОДЪ	Сумма	%
Оцѣночный сборъ съ недвижимостей . . . . .	42750	20,8
Сборъ съ торговли и промысловъ . . . . .	19080	9,3
За аренду городскихъ земель , . . . .	41133	20
” ” ” ” зданій . . . . .	34087	17
За пользованіе городскими сооруженіями . . . . .	27380	8
Больничный сборъ . . . . .	21800	8
Прочіе доходы . . . . .	8200	

Всего . . . 194430 —



РАСХОДЪ	Сумма	%
Содержаніе городского самоуправления . . . . .	39552	17,2
„ „ „ полиціи . . . . .	15008	7
„ „ „ пожарныхъ командъ . . . . .	27623	12
Благоустройство города . . . . .	13260	5,6
Народное образованіе . . . . .	57980	25,5
Медицинская и ветеринарная часть . . . . .	39155	18
Разные расходы . . . . .	75512	—
Всего . . . . .	268190	—

Дефицитъ равняется 73760 р.

Городу разрѣшенъ заемъ въ 66 тысячъ рублей, который и пойдетъ всецѣло на покрытіе дефицита, вызваннаго послѣдними военными событіями на Амурѣ и въ Китаѣ. Кромѣ того, недавно городъ вошелъ съ ходатайствомъ о возмѣщеніи ему Китайскимъ правительствомъ тѣхъ расходовъ, которые вызваны были военными событіями послѣдняго времени, достигшихъ 68000 р. Для увеличенія доходовъ предположено ввести рядъ новыхъ налоговъ, но они пока не прошли еще законодательнымъ порядкомъ.

Съ 1886 года существуетъ въ Благовѣщенскѣ мѣщанское самоуправленіе. Для ознакомленія съ его дѣлами цитирую смѣту общества на 1901 годъ.

Смѣта мѣщанскаго самоуправления на 1901 г: содержаніе управы—3,969 р. 20, школы—2310 р., канцеляріи 375 р., на выпускъ газетъ и книгъ—122 р., лѣченіе мѣщанъ и на выдачу пособій неспособнымъ къ труду мѣщанамъ—594 и ежегодный взносъ въ школьный капиталъ 500 р. Вмѣстѣ съ другими мелкими расходами, всего предполагается расхода 9072 р.

Въ 1899 г. расходы составляли—8375 р., а въ 1900—10857 р.

Приходъ предполагается: по ст. 1—сборъ съ лицъ, уходящихъ на заработки и выѣзжающихъ—4730 р. 82 к.; по ст. 2—сборъ съ лицъ, приписывающихся къ мѣщанскому сословію—3424 р. 32 к.; по ст. 3. арендная плата за землю, принадлежащую обществу—331 р. 53.; по ст. 4—ежегодное пожертвованіе г. Касьянова, попечителя мѣщанской школы, на ея нужды—500 р. Итого 9136 р. 67 к.

Въ 1899 году приходъ составлялъ—9773 р. 26 к., а въ 1900 г. 9692 р. 40 к. Такимъ образомъ, всѣ расходы по мѣщанскому обществу покрываются случайными поступленіями и не приходится дѣлать разверстки взносовъ на мѣщанъ.

Общество имѣетъ собственную начальную школу, прекрасно обставленную учебными пособиями, имѣющую 5 учителей.

Постановку въ городѣ медицинскаго дѣла можно признать, хотя и съ натяжками, удовлетворительной. Такъ, въ распоряженіи населенія имѣется 5 больницъ (городская 30 кр., благотворительнаго общества 25 кроватей, краснаго креста 10 кроват., Министерства путей сообщенія на 10 кров.; въ послѣднюю принимаются лишь служащіе М. П. С.; кромѣ того, частные больные принимаются за особую плату въ мѣстный военный лазаретъ). При каждой больницѣ организованы и амбулаторные приемы больныхъ. Помимо этого на счетъ города содержится еще одинъ спеціальный амбулаторный покой съ приемомъ до 10 человѣкъ въ сутки. Повидимому эти больницы и амбулаторіи удовлетворяютъ настоящую потребность, такъ какъ если не въ той, такъ въ другой есть свободныя кровати. Особенное переполненіе больными бываетъ лишь въ періоды наиболѣе свирѣпствующихъ эпидемій. Во время военныхъ событій на Амурѣ,



когда оказалось много раненыхъ, пришлось устроить временные лазареты; тогда же расширена была и городская больница. Докторовъ въ городѣ очень мало и большинство изъ нихъ по горло заняты, занимая разныя должности при общественныхъ и другихъ учрежденіяхъ. За посѣщеніе берутъ очень дорого и едва ли найдутся два или три доктора, посѣщающіе время отъ времени бесплатно.

Санитарнаго устройства нѣтъ и санитарныхъ мѣръ не принимается, хотя и существуетъ въ городѣ санитарно-исполнительная комиссія, но она ничего не дѣлаетъ, а дѣла, между прочимъ, очень много. Мѣстныя прачешныя, бани, хлѣбопекарни и проч. и проч. отличаются именно своей грязью и незнаніемъ требованій самой элементарной гигиены. Дворы и площади представляютъ клоаки грязи, отбросовъ и нечистотъ, особенно весной. На улицахъ—тоже. Есть мѣста, гдѣ едва можно ходить отъ удушливаго запаха гніющихъ веществъ. Бочки водовозовъ не осматриваются и не дезинфицируются, между тѣмъ это крайне необходимо, такъ какъ весь городъ пьетъ Амурскую воду, которая лѣтомъ бываетъ очень загрязнена. И много, еще есть отрицательныхъ сторонъ въ этомъ отношеніи въ Благовѣщенскѣ. Благовѣщенскъ нельзя назвать здоровымъ городомъ. Окруженный болотами съ гніющими въ нихъ органическими тѣлами, городъ время отъ времени превращается въ очагъ тифозныхъ и лихорадочныхъ заболѣваній. Это бываетъ чаще осенью. И пока болота не будутъ осушены, а это сдѣлать легко, всѣ мѣропріятія къ оздоровленію города не дадутъ желанныхъ результатовъ.

*Пути сообщенія*—больное мѣсто нашего края. Особенно ясны стали недостатки путей сообщенія во время послѣднихъ военныхъ событій и бомбардировки города. Самымъ удобнымъ способомъ передвиженія въ смыслѣ скорости, дешевизны и удобства является, конечно, пароходство. Волными путями Амурская область богата. Не считая самага Амура, являющагося естественнымъ и главнымъ путемъ во всемъ Приамурьѣ, не считая такихъ огромныхъ его лѣвыхъ притоковъ, какъ Зея и Бурея, вся область густо изсѣчена мелкими, но судоходными рѣками. Всѣхъ судовъ въ Амурскомъ бассейнѣ считаютъ до 300, но посѣщаютъ Благовѣщенскъ не болѣе 150, грузоподъемностью до 3-хъ милліоновъ пудовъ. Въ городѣ около 40 пароходовладѣльцевъ. Главныя операціи, которыя приходится совершать на Амурѣ—это доставка грузовъ и рабочихъ на пріиска и обратно. Поэтому и большинство пароходовъ, особенно мелкихъ владѣльцевъ, грузовые и буксирные. Перевозкой пассажировъ и почтъ спеціально занимаются только два общества, имѣющія вмѣстѣ до 70 пароходовъ, приспособленныхъ къ требованіямъ пассажировъ и плавающихъ по точному срочному расписанію. Пароходы другихъ владѣльцевъ тоже принимаютъ пассажировъ если имъ по пути, но путешествіе на нихъ сопряжено съ хлопотами, лишеніями и неудобствами. Фрахтъ сравнительно высокій, что объясняется съ одной стороны огромностью разстояній (отъ Благовѣшенска до Хабаровска 852 вер., до Стрѣтенска 1150 вер.), съ другой—нѣкоторой дороговизной какъ рабочихъ рукъ, такъ и, вообще, матеріаловъ.

Конст. Куртеевъ 2.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)



# Глаза.

(Психологическій этюдъ).

Послѣ извѣстной катастрофы, пожара въ Е—скомъ театрѣ, Алексѣевъ чувствовалъ себя очень скверно. Онъ сталъ неузнаваемъ для своихъ знакомыхъ. Онъ поблѣднѣлъ, осунулся, на лбу его старыя морщины углубились и яснѣе обозначились пути, по которымъ пройдутъ новыя; углы губъ опустились; на лицо легла странная тѣнь... Это была тѣнь пережитаго въ эту страшную ночь пожара.

Яснаго отчета о катастрофѣ, въ которой онъ участвовалъ, онъ не могъ себѣ отдать: онъ помнилъ только обрывки ужасныхъ сценъ, которыя прошли передъ его глазами, помнилъ отдѣльные моменты кошмара, захватившаго сразу толпу людей... Вотъ мелькаетъ передъ нимъ, передъ его внутренними, скрытыми въ немъ глазами женская головка, обрамленная бѣлокурыми, кудрявыми волосами... ясные глаза... такое свѣжее, пріятное лицо... такая сіяющая красота! Но, вотъ, эти ясные глаза наливаются кровью, широко раскрываются съ выраженіемъ ужаса; еще секунда, и они страшно выпучены, точно хотятъ выскочить изъ орбитъ; жилы на красивомъ, какъ бы изваянномъ изъ мрамора, лбу вздуты и посинѣли; ротъ раскрытъ, на губахъ пѣна. Лицо багровѣетъ, потомъ блѣднѣетъ, какъ у мертвеца, голова склоняется на бокъ, опускается на грудь. И это мертвое лицо, мертвая голова, возвышающаяся надъ толпою, движется, идетъ, стремится къ выходу на улицу, вмѣстѣ съ другими живыми людьми... Ее несетъ на своихъ гребняхъ волна, бушующая, гремящая, стонущая людская волна; катящаяся лавина живыхъ существъ...

Вотъ огромнаго роста дѣтина съ бѣшенымъ лицомъ, съ взъерошенными волосами, съ стиснутыми отъ ярости зубами, расталкиваетъ своими мускулистыми руками толпу. Его увѣсистый кулакъ, какъ молотъ, опускается на беззащитные плечи слабыхъ женщинъ, на хрупкія тѣла подростковъ. Они скользятъ и падаютъ, дико взвизгивая, подъ ноги толпы... Странно, что среди этого шума и крика Алексѣеву казалось, что онъ слышитъ хрустѣніе человѣческихъ костей подъ ногами. Это хрустѣніе какъ бы отдавалось въ его собственныхъ костяхъ болью и холодомъ и онъ близокъ былъ къ потерѣ сознанія. Но онъ дѣлалъ надъ собой нечеловѣческія усилія и не терялъ сознанія, а могъ еще наблюдать вокругъ себя. Огромный дѣтина почти протолкался къ окну, къ которому толпа несла и Алексѣева, но ему загородилъ дорогу толстый господинъ съ лысой головой и тройнымъ подбородкомъ. Алексѣева вдругъ охватило непонятное, демоническое любопытство узнать, какъ поступитъ огромный дѣтина съ



неожиданнымъ препятствіемъ. Любопытство и наблюдательность не оставляли его на краю гибели, въ то время, какъ страхъ за свою жизнь поднималъ дыбомъ волосы на его головѣ, обливалъ его лицо холоднымъ потомъ... Казалось, въ немъ жило и дѣйствовало въ этотъ моментъ нѣсколько человѣкъ, одаренныхъ самостоятельной волей: одинъ изъ нихъ наблюдалъ, другой обобщалъ наблюденія, третій дрожалъ за свою жизнь и толкалъ локтями, колѣнами, грудью другихъ людей.

Они подѣлили между собою всю эту трудную работу спасенія своей шкуры, требовавшую напряженія всѣхъ силъ, и исполняли ее такъ хорошо, какъ будто были заранѣе обучены этому.

Онъ не отрывалъ глазъ отъ того мѣста, гдѣ столкнулись два крупныхъ тѣла, загораживающія одно другому путь, и ждалъ, что будетъ. Въ мгновеніе ока огромный дѣтина, отбросившись назадъ всѣмъ тѣломъ, насколько позволяла напиравшая сзади живая стѣна, поднялъ ногу и изо всѣхъ силъ оттолкнулъ ею толстаго господина. Ударъ пришелся ему въ животъ; толстякъ качнулся какъ подрубленный стволъ, но не уступилъ позиціи, и дѣтинѣ пришлось повторить свой ударъ. Потомъ онъ вспрыгнулъ кому то на плечи и очутился на окнѣ. Скоро его крупная плечистая фигура исчезла изъ вида: онъ бросился внизъ или ему подали веревочную лѣстницу пожарные.

Эта звѣрская расправа сильнаго съ слабымъ показалась Алексѣву весьма естественной. Ему даже смѣшно стало при видѣ того, какъ толстякъ вдругъ осѣлъ и съежился отъ удара, точно прорванный пузырь. Онъ находилъ это забавнымъ, хотя все это могли продѣлать, ежели нужно, надъ нимъ самимъ.

Теперь послѣ того, какъ нервы его успокоились и прошло неестественное напряженіе силъ, и онъ возвратился къ здоровымъ человѣческимъ чувствамъ, ему ужаснымъ казалось все это... Но тогда онъ обратился въ животное... Онъ могъ чувствовать и мыслить, какъ человѣкъ, но какъ то въ сторону, точно не для себя, а такъ — вообще; но дѣйствовалъ онъ, какъ звѣрь... Но что-же? Онъ поступалъ такъ, какъ всѣ другіе, бывшіе съ нимъ въ той же залѣ; не уѣчше, не хуже: его толкали и онъ толкалъ: всякій въ этой обезумѣвшей толпѣ спасалъ свою жизнь на счетъ другого. Его сосѣдъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ и дружески бѣсѣдовавшій съ нимъ въ антрактахъ, обмѣнивавшійся съ нимъ замѣчаніями во время представленія и чокавшійся въ буфетѣ, теперь напрягалъ всѣ силы, чтобы столкнуть его подъ ноги толпѣ, а самому занять его мѣсто. Любезный сосѣдъ хотѣлъ, чтобы растоптали Алексѣва; Алексѣвъ желалъ, чтобы растоптали сосѣда. Въ этотъ моментъ онъ весь былъ поглощенъ спасеніемъ своей жизни. Но теперь онъ стыдился своихъ тогдашнихъ чувствъ, которыя были общими почти для всѣхъ людей, бывшихъ въ залѣ театра



въ ту ночь. *Sauve qui peut*—таковъ былъ лозунгъ всѣхъ; каждый хотѣлъ спастись и забывалъ о другомъ. Никто не хотѣлъ пожертвовать чѣмъ нибудь другому; думалъ и чувствовалъ иначе лишь тотъ, кто былъ внѣ опасности.

Положеніе Алексѣева было лучше, чѣмъ положеніе многихъ другихъ людей, бывшихъ съ нимъ вмѣстѣ въ залѣ театра. Онъ былъ въ этомъ роковомъ мѣстѣ одинъ и его муки не усиливались сознаниемъ, что дорогія ему существа, можетъ быть, въ этотъ моментъ гибнуть подъ ногами толпы, а онъ не имѣетъ силы помочь имъ, а долженъ во что бы то ни стало спасать свою жизнь. А сколько имѣли въ этой толпѣ женъ, дѣтей, мужей, сестеръ и должны были заботиться и думать о другихъ въ такую минуту жизни, когда можно было думать и заботиться только о себѣ. Отецъ звалъ сына, мать—дочь, братъ—сестру; сынъ—отца... Алексѣевъ никого не звалъ, не искалъ; гонимый инстинктомъ самосохраненія, онъ шелъ впередъ, бодро расталкивая толпу, помышляя только о себѣ самомъ. Такимъ преимуществомъ надъ многими другими онъ былъ обязанъ случаю. Если бы въ тотъ день его сынокъ не заболѣлъ внезапно и его жена и съ нею старшая дѣвочка пошли бы въ театръ, то, можетъ быть, были бы задушены, смяты толпой, и теперь онъ отыскивалъ бы ихъ...

Онъ долженъ былъ радоваться и благодарить судьбу и за свое спасеніе: въ такой давкѣ, среди столькихъ жертвъ, онъ остался цѣлъ и невредимъ. Правда, другіе умерли,—были затоптаны, задушены. Онъ могъ пожалѣть о ихъ безвременной кончинѣ, пожертвовать что либо ихъ осиротѣвшимъ семьямъ, какъ дѣлали другіе, а все-таки—радоваться. Наконецъ, онъ долженъ былъ понять цѣну жизни! Но онъ не радовался, а былъ грустенъ, задумчивъ.

Не всѣ спаслись! Не отъ того ли ему было такъ тяжело? Но какое ему дѣло до всѣхъ? Не онъ виноватъ въ томъ, что они погибли. Онъ самъ сталъ жертвой паники и спасалъ свою жизнь цѣною жизни другихъ. И почему онъ долженъ былъ быть хладнокровнѣе, чѣмъ всѣ другіе? Нѣтъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ сдѣлать такое простое и вполне естественное заключеніе, что-то противъ воли поднималось въ немъ, давило, угнетало его, какъ угнетаетъ сознание дурнаго поступка, совершеннаго когда то въ прошломъ, въ припадкѣ слѣпой страсти, непонятнаго теперь въ спокойномъ настроеніи безумія. Было одно воспоминаніе, неотступно слѣдовавшее за нимъ и мѣшавшее ему быть веселымъ и спокойнымъ. Онъ помнилъ глаза женщины, съ мольбою глядѣвшіе на него. Эта женщина бросилась ему на грудь, ища спасенія, но онъ бросилъ ее подъ ноги обезумѣвшей отъ страха толпѣ и ее растоптали. Онъ отвергъ мольбу глазъ и глаза его преслѣдовали...



Въ ночь пожара онъ былъ, все-таки, очень обрадованъ своимъ спасеніемъ и не думалъ о томъ, что говорили эти молящія глаза существа погибшаго подъ его ногами. Впечатлѣніе, которое они сдѣлали на него, было неотразимо и онъ уже тогда предчувствовалъ, что оно будетъ мучить его. Радость спасенія жизни, радость свиданья съ семьей давали ему силы противиться впечатлѣнію молящихъ глазъ.

Когда онъ пришелъ домой, жена его уже была одѣта, чтобы бѣжать на пожаръ и чуть не упала въ обморокъ при видѣ его. Радость не помѣшала ей, съ обычною мелочностью, обратить вниманіе на беспорядочность его костюма. Онъ былъ безъ шляпы; сюртукъ его былъ прорванъ подмышками, одна пола оторвана; сапоги и брюки внизу были запачканы какою то буроватою жидкостью. Можетъ быть, они были забрызганы кровью и мозгомъ того сосѣда, который такъ любезно разговаривалъ съ нимъ въ антрактахъ?

Жена упала ему на шею и обнимала его со слезами на глазахъ.

— Слава Богу! ты спасся... Какой ужасъ! Господи, что бы было, если бы мы пошли съ тобою? При одной мысли объ этомъ мнѣ становится дурно.. Леля! обними же папу... покрѣпче... А костюмъ то твой, костюмъ!

Ни однимъ словомъ она не высказала участія къ тѣмъ другимъ, которые не вернулись домой, которыхъ дѣти не обнимутъ и, можетъ быть, не узнаютъ въ грудѣ раздавленныхъ и обгорѣлыхъ труповъ. Слишкомъ большая радость дѣлала ее черствой. Онъ спросилъ о здоровьѣ сына.

— Докторъ говоритъ, что ничего серьезнаго нѣтъ, сообщила она. — Небольшой жаръ отъ разстройства желудка... Надо благодарить Бога, что мальчикъ заболѣлъ и удержалъ меня дома. Это перстъ Божій!...

Алексѣевъ пошелъ въ спальню дѣтей, поцѣловалъ спящаго мальчика, приложилъ свои руки къ его горячему лбу. Потомъ онъ облилъ себѣ голову холодной водою, умылся и переодѣлся. Ему подали ужинъ; онъ выпилъ рюмку коньяку и съѣлъ кусокъ мяса. Слѣдовало освѣжить себя сномъ, но, какъ ни былъ онъ разбитъ и усталъ, спать онъ не могъ. Страшный кошмаръ пожара давилъ его; его тянуло къ горящему зданію. Онъ возвратился къ человѣческимъ чувствамъ и желалъ спасти погибающихъ, которыхъ за часъ передъ тѣмъ толкалъ подъ ноги толпѣ.

Онъ поднялся съ дивана и торопливо надѣлъ пальто.

— Ты куда? спросила его жена. Смотри Вася не дѣлай глупостей; не забывай, что у тебя дѣти. Богъ спасъ тебя для нихъ...

Онъ успокоилъ жену и вышелъ на улицу.



Была звѣздная ночь. Нѣжный туманъ поднимался за рошей, расположенной на берегу рѣки, и разстилался надъ водою. Было спокойно и тихо въ этой части города. Тутъ можно было мечтать, наслаждаться ароматомъ цвѣтушихъ липъ, причудливыми тѣнями деревъ въ лунномъ свѣтѣ... Въ другой части города огненной полосой на краю неба свѣтило зарево пожара. Эта ясная ночь показалась Алексѣеву какой то ужасною несправедливостью къ нему. Въ ней было столько красоты и столько равнодушія къ людямъ! Ему хотѣлось, чтобы вся природа ужасалась катастрофой; чтобы нахмурились лѣса и рощи, грозно зашумѣла, запѣнилась рѣка и безконечные ряды темныхъ тучъ загромодили небо, чтобы звѣзды погасли и скрылась луна въ глубинѣ тучъ, а вѣтеръ завылъ похоронныя пѣсни,—чтобы, вмѣсто лѣтней, ясной ночи, сдѣлалась осенняя ночь, темная, туманная, сырая...

Мимо него торопливо пробѣгали люди, гулъ тревожныхъ, взволнованныхъ голосовъ доносился изъ переулковъ, извозчики проѣзжали быстро, а не обыкновенной мелкой трусцой. Все показывало, что Алексѣевъ приближался къ мѣсту пожара. Вскорѣ до его слуха донесся не отрывистый, а непріятный гулъ, какъ жужжаніе гигантскаго улья.

Онъ теперь проходилъ эти улицы съ иными чувствами, чѣмъ два часа тому назадъ. Тогда онъ былъ охваченъ однимъ животнымъ чувствомъ радости, и ничего не хотѣлъ знать о судьбѣ всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ любезно бесѣдовалъ въ антрактахъ, которыхъ потомъ видѣлъ тѣснимыхъ толпою, попираемыхъ ногами, задушенныхъ, но все еще двигавшихся впередъ на плечахъ толпы. А теперь, когда всякая опасность для него миновала, ему какъ то стыдно становилось передъ самимъ собою за эту радость. Когда страхъ смерти миновалъ, ему жалко стало всѣхъ погибшихъ; онъ почти жалѣлъ о томъ, что не погибъ самъ, спасая ближнихъ; онъ презиралъ себя за то, что не подалъ помощи слабымъ. Онъ припоминалъ глаза, съ мольбою и надеждой устремленные на него, и его вдругъ охватывало желаніе броситься въ огонь и спасти когонибудь изъ тѣхъ, кого онъ въ припадкѣ безумія отталкивалъ отъ оконъ и дверей горящаго зданія. Онъ готовъ былъ сдѣлать глупость, о которой говорила ему жена.

Но теперь уже никому не нужна была его жертва: все, что могло спастись—спаслось; все, что не могло спастись—погибло и уже не молило о спасеніи...

Пожаръ былъ локализованъ. Зданіе догорало. Съ грохотомъ падали балки; листы желѣза съ трескомъ отрывались отъ стропиль и, сопровождаемые снопами искръ, скользили внизъ. Толпы зрителей смотрѣли на эти опустошенія стихій: никому она теперь не грозила смертью. Темныя фигуры пожарныхъ бѣ-



гали, суетились вокругъ горящаго зданія; ихъ огромныя тѣни шевелились на стѣнахъ сосѣднихъ домовъ, ярко освѣщенныхъ пожаромъ. Бочки съ водой то и дѣло прѣзжали; пустыя торопливо мчались къ рѣкѣ съ грохотомъ и звономъ, громыхая по мостовой.

Среди крика пожарныхъ и солдатъ и шума, производимаго машинами, по временамъ слышались рыданья. Какая нибудь осиротѣвшая семья, не найдя отца, брата или сестры среди раненыхъ или труповъ, вытащенныхъ на улицу, бродила около зданія въ слѣпой надеждѣ узнать что нибудь, что могло бы поколебать роковую увѣренность... Стонали обезумѣвшіе отъ горя люди и напрасно искали родныхъ и знакомыхъ, которыхъ, можетъ быть, они сами часа два передъ этимъ сбили съ ногъ въ давкѣ и бросили подъ ноги людскому стаду. Кому изъ нихъ онъ могъ помочь, въ комъ пробудить надежду?.. Онъ не хотѣлъ бесполезно терзаться, слушая плачъ и стоны, и ушелъ домой, все еще благодарный судьбѣ за спасеніе своей жизни, но грустный, подавленный чужою печалью...

## II.

На слѣдующій день Алексѣевъ, повидимому, совершенно успокоился и принялся за свои обыденныя занятія. Всѣ знакомые и сослуживцы посѣтили его и поздравляли. Онъ недоумѣвалъ, къ чему все это нужно. Это стѣсняло его. Зачѣмъ они это дѣлаютъ, поздравляютъ его, когда въ эту минуту, можетъ быть, на развалинахъ театра происходятъ раздирающія душу сцены: дѣти ищутъ останки своихъ родителей, родители дѣтей; на пожарищѣ, среди дымящихся развалинъ, стоитъ плачъ и стонъ. Объ этомъ всѣ могли прочесть въ мѣстной газетѣ. Какъ объ этомъ сообщается кратко и сухо!... Розыскали и узнали, кто кого могъ. Похороны предполагаются очень торжественныя: весь городъ будетъ провожать останки жертвъ на кладбище.

„А, очень хорошо!“ сказалъ себѣ Алексѣевъ и тоже пошелъ на кладбище. Онъ слушалъ рыданья и плачъ и наружно оставался спокойнымъ, хотя и упрекалъ себя въ этомъ равнодушіи къ плачевной судьбѣ ближнихъ. Неужели животная радость о спасеніи своей шкуры такъ еще сильна въ немъ?.. „Объ этомъ надо подумать, непременно подумать, но не теперь, а потомъ“. Онъ какъ бы собирался съ силами обдумать все это.

Но нѣтъ, это не радость дѣлала его такимъ черствымъ.. Среди всѣхъ родныхъ своихъ и знакомыхъ, радвавшихся его спасенію, онъ одинъ не радовался и грустилъ...

— Грѣшно радоваться; не надо забывать, что другіе не такъ счастливы, какъ ты, Тонечка! говорилъ онъ женѣ, когда



послѣдняя черезъ чуръ неумѣренно по его мнѣнію проявляла свои чувства къ нему.

Жена въ этихъ случаяхъ дѣлала постное лицо и произносила нѣсколько словъ соболѣзнованія: „бѣдные люди, какъ жаль“...

Этими словами и вздохами она отдавала дань чужому горю...

Онъ былъ черствымъ и равнодушнымъ къ горю и радости другихъ потому, что былъ занятъ мыслями о самомъ себѣ и о всемъ пережитомъ имъ въ ночь пожара... Онъ замѣчалъ въ себѣ присутствіе какихъ-то новыхъ мыслей, вѣрнѣе—зародышей мыслей. Многіе вопросы жизни, которые онъ считалъ для себя рѣшенными, представлялись ему теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, показывали ему совсѣмъ новыя стороны... Онъ охотно отказался бы отъ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ; было очень скучно и мучительно рѣшать ихъ въ другой разъ; но умъ противъ воли разбирался въ нихъ. Днемъ онъ былъ молчаливъ, задумчивъ и какъ то неестественно спокоенъ; оживлялся онъ немного только по вечерамъ. Жена объясняла эту задумчивость мужа пережитыми волненіями и высказала свои предположенія врачу, посѣщавшему ихъ домъ.

Врачъ ничего не сказалъ, а сталъ ходить къ нимъ чаще и и наблюдалъ Алексѣева незамѣтно для него. Разъ онъ такъ пытливо взглянулъ на Алексѣева, что тому сдѣлалось неловко; но и врачу тоже сдѣлалось неловко.

— Вамъ бы разсѣяться, сказалъ врачъ. Поѣзжайте въ деревню или куда нибудь, а то просто путешествовать; наберитесь новыхъ впечатлѣній. Вы похожи на человѣка, котораго гложетъ что-то...

Но Алексѣевъ не могъ справиться со старыми впечатлѣніями. Ночью, когда все засыпало кругомъ, они начинали оживать въ немъ. Подолгу онъ не могъ заснуть, а лежалъ и смотрѣлъ въ темноту. Изъ темноты выдѣлялись какія-то фигуры: ряды черныхъ монаховъ съ факелами въ рукахъ, пестрыя, нестройныя толпы какихъ-то странныхъ существъ, фантастическихъ гномовъ, солдаты, обозы, процессіи.... Они шли куда то и влекли его съ собою. Они шли то тихо, какъ призраки, какъ выходцы изъ могилъ; то шумно съ крикомъ и звономъ. Онъ слышалъ этотъ звонъ не ушами, а воспринималъ умомъ, и оттого онъ былъ еще страшнѣе... Это было похоже на шабашъ вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ. Они говорили что-то непонятное, сразу замолкали и исчезали въ темнотѣ, а потомъ опять молча выходили изъ нея, какъ изъ могильной ямы. Они, эти видѣнья и призраки, то рассыпались по огромному темному полю, которому не было конца, то собирались въ толпу, помѣщаясь на мизинцѣ одного чудовища, наполнявшаго собой пустоту и размахивающаго рукой въ



тактъ маятника часовъ; то ему казалось, что онъ самъ летитъ куда-то вмѣстѣ съ ними и освѣщаетъ имъ темноту своими глазами; то, что всѣ они вдругъ бросаются на него и впиваются въ него, какъ пѣвки...

Онъ припоминалъ, что подобное состояніе онъ переживалъ въ дѣтствѣ, когда хворалъ лихорадкой. Но тогда онъ не боялся ночныхъ видѣній, а скорѣе съ любопытствомъ слѣдилъ за ними, пока не засыпалъ.

Теперь онъ боялся ихъ, потому что они не усыпляли его, а волновали... Они приводили его къ тому мѣсту, гдѣ онъ не желалъ быть; переносили его къ тому времени, котораго онъ не хотѣлъ вновь переживать.

Онъ входилъ противъ своей воли съ толпою своихъ ночныхъ видѣній въ театральнѣй залъ, гдѣ онъ съ такимъ напряженіемъ силъ боролся за свою жизнь въ ночь пожара. Передъ нимъ мелькали знакомыя лица, съ знакомымъ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, съ искривленными или закушенными отъ страха и злобы губами. Онъ опять мысленно переживалъ все это. Опять наблюдалъ, ужасаясь и смѣясь въ одно и тоже время, какъ парень огромнаго роста работаетъ кулаками, локтями, колѣнами; какъ онъ, отбросившись назадъ всѣмъ тѣломъ, какъ-бы продѣлывая какой-то трудный атлетическій фокусъ, наноситъ толстому господину, котораго судьба столкнула съ нимъ на одной дорогѣ къ спасенію, ужасный ударъ ногою въ животъ; какъ падаютъ въ обморокъ женщины; какъ задушенные люди движутся къ дверямъ на плечахъ живыхъ...

Онъ ворочался въ постели, вставалъ и прохаживался по комнатѣ, пилъ холодную воду, чтобы не думать о томъ, что было дальше. Но, улегшись, черезъ мгновеніе онъ опять видѣлъ себя во власти ночныхъ призраковъ. Его опять подхватывали странныя процессіи монаховъ, солдаты, обозы, фантастическія фигуры, напоминавшія изваянія идоловъ буддійскихъ храмовъ, и вели назадъ, въ театральнѣй залъ, и ставили опять на то мѣсто, гдѣ случилось то, о чемъ онъ боялся подумать... Но, вѣдь, онъ не уйдетъ отъ этого: рано или поздно, а надо будетъ обдумать все пережитое, и онъ, какъ человѣкъ, бросающійся очертя голову на встрѣчу неизбежной опасности, принялся припоминать то, о чемъ раньше боялся подумать.

Вотъ онъ уже пробивается къ выходу, еще минута и онъ спасенъ! Но кто-то загородилъ ему этотъ выходъ, кто-то взглянулъ ему въ глаза съ мольбою и закричалъ ему: „спасите“! Это была женщина, такая же молодая и красивая, какъ та, которую онъ только что видѣлъ на плечахъ толпы (толпа принесла ее уже мертвую туда, куда она не могла пробиться живой). Глаза женщины, живые и темные, съ такимъ умоляющимъ



выраженіемъ глядѣли на него, что поколебали въ немъ животный инстинктъ, желаніе душисть и толкать другихъ, чтобы спастись самому. Онъ теперь ясно припоминалъ эти глаза отдѣльно отъ лица и вмѣстѣ съ лицомъ. Локоны каштановыхъ волосъ на бѣломъ красивомъ лбу, темныя брови, полныя щеки съ ямочками, смертельно блѣдныя тамъ, гдѣ долженъ быть румянецъ, прямой, изящный носъ—все это онъ могъ безъ труда вызвать въ памяти, когда припоминалъ выраженіе глазъ, съ мольбой и съ надеждою остановившихся на немъ тогда. Неизгладимый слѣдъ они оставили въ его душѣ; ему казалось, что они смотрятъ на него теперь. Видно глаза этой женщины прочли въ его глазахъ что-то такое, что заставило ее довѣриться ему. Она обхватила его шею своими мягкими, теплыми руками и прижалась къ его груди. Одно мгновеніе онъ почувствовалъ въ себѣ рѣшимость спасти ее: собрать послѣднія силы, взять молодую женщину на руки и вмѣстѣ съ нею пробиваться къ дверямъ.

Но кто-то вдругъ больно толкнулъ его въ плечо и въ его воображеніи всталъ образъ огромнаго дѣтина въ тотъ моментъ, когда тотъ ударомъ ноги готовился опрокинуть толстяка, заграждающаго ему путь. Ему (Алексѣеву) было теперь совсѣмъ не смѣшно, когда подобный ударъ, казалось, ожидалъ его самого... Непреодолимое чувство страха, животный инстинктъ самосохраненія ослѣпили его. Онъ не разсуждалъ болѣе и не чувствовалъ, какъ человѣкъ—это была критическая минута... категорическій императивъ... Оттолкнуть слабое существо, ищущее защиты въ немъ, и спастись или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ? Страхъ убилъ въ немъ надежду и поставилъ ему этотъ вопросъ, исключившій всѣ другіе вопросы. Онъ рѣшилъ его инстинктомъ, а не умомъ: человѣкъ уступилъ въ немъ мѣсто звѣрю. Онъ оттолкнулъ молодую женщину, стараясь не глядѣть ей въ лицо; съ гнѣвомъ, почти съ бѣшенствомъ онъ освободился отъ ея объятій... Она запаталась и упала на грудь кому то другому изъ толпы, а онъ съ удвоенной энергіей принялся прокладывать себѣ дорогу и не видѣлъ, какъ поступилъ съ оттолкнутой имъ женщиной другой изъ толпы.

О! это была такая неудобная ноша въ этотъ мигъ.

Онъ убѣждалъ себя, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что онъ находился во власти той же непреодолимой силы, которая двигала всею толпой. Онъ могъ поступить только такъ, какъ, приказывалъ ему инстинктъ самосохраненія; поступить иначе было выше его силъ. Кто могъ упрекнуть его въ томъ, что онъ спасалъ только себя, а не другихъ?

Такъ онъ оправдывалъ себя, когда, наконецъ, толпа выбросила его невредимаго и здороваго на свѣтъ Божій изъ горящаго зданія.



Но теперь, въ бессонную ночь, когда знакомые глаза глядѣли на него изъ темноты, онъ совсѣмъ не оправдывалъ себя...

О, эти глаза имѣли такихъ сильныхъ союзниковъ въ немъ самомъ, въ его совѣсти.

Почему онъ такъ увѣренъ, что если бы онъ взялъ подъ свою защиту человѣка, искавшаго въ немъ опоры, то непременно погибъ-бы? Можетъ быть, тогда его силы удвоились бы и онъ, спасая себя, спасъ бы и своего ближняго. Какая это была бы отрада, какое радостное воспоминаніе на всю жизнь? Но нѣтъ: его силъ не хватило бы на двухъ, и онъ погибъ бы. Онъ такъ чувствовалъ тогда, а теперь онъ чувствовалъ иначе.. Въ этомъ совѣсть и упрекала его, что онъ тогда не чувствовалъ такъ, какъ теперь. Значить, все смѣлое, доброе честное въ немъ никуда не годится, когда въ критическій моментъ все это измѣнило ему. Въ немъ нѣтъ почвы для добраго дѣла, нѣтъ силъ для великодушнаго поступка!..

При этой мысли онъ почти жалѣлъ о томъ, что остался цѣлъ. Ему было больно терять уваженіе къ себѣ, разочаровываться въ себѣ, разрушать иллюзію своего превосходства надъ толпой.

Всю жизнь онъ считалъ себя честнымъ, мягкимъ отзывчивымъ человѣкомъ и, вотъ, теперь жестокой опытъ поколебалъ въ немъ это мнѣніе о себѣ. Ему казалось, что онъ находится въ положеніи человѣка, у котораго рушились всѣ надежды, который потерялъ все, что имѣлъ, и теперь съ посохомъ въ рукахъ, съ сумой черезъ плечо стоитъ на порогѣ неизвѣстнаго будущаго. Что онъ найдетъ въ немъ?..

Можетъ быть, ему грозятъ еще болѣе непріятныя открытія въ области своего „я“, послѣ которыхъ тошно станетъ глядѣть на свѣтъ? Ему не хотѣлось быть въ такомъ положеніи и онъ искалъ для себя оправданій... Вѣдь, онъ спасалъ себя не ради себя одного, какъ черствый эгоистъ, а ради своей семьи, ради своихъ малолѣтнихъ дѣтей, которыя бѣдствовали бы безъ него, голодали бы, сдѣлались бы добычею нищеты и порока.

Но, можетъ быть, во имя того же самаго, ради своихъ малолѣтнихъ дѣтей, молила его о помощи неизвѣстная молодая женщина?.. Она погибла. Онъ былъ увѣренъ, что она погибла, хотя не видѣлъ ея гибели.

Если бы она не предчувствовала своей близкой гибели, ея взглядъ не имѣлъ бы такой силы; если бы она осталась жива, ея взглядъ не тяготѣлъ бы теперь на немъ съ такимъ укоромъ... Укоръ мертвыхъ страшнѣе укора живыхъ, потому что отнимаетъ надежду искупленія. Теперь, можетъ быть, дѣти той, которая искала въ немъ опоры, съ рыданіями ходятъ по пепелищу, отыскивая свою мать?..



## Ш.

Однажды ночью послѣ долгаго копанья въ себѣ и своихъ воспоминаніяхъ онъ заснулъ тревожнымъ тяжелымъ сномъ. Во снѣ онъ почувствовалъ, что кто-то коснулся его и пробудилъ его... Онъ проснулся въ самомъ дѣлѣ и зажегъ свѣчу; въ комнатѣ никого не было, но ему казалось, что кто-то невидимо присутствуетъ въ ней и слѣдитъ за нимъ. Онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ тѣхъ же умоляющихъ глазъ, которые такъ часто въ послѣднее время оживали въ его воспоминаніяхъ. Напрасно онъ убѣждалъ себя, что все это плодъ его воображенія, ощущеніе больныхъ нервовъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ. Онъ испытывалъ то странное ощущеніе, которое заставляетъ насъ безошибочно угадывать на себѣ чей-то взглядъ и оборачиваться, чтобы посмотрѣть на того, кто сзади на насъ смотритъ... Что это за таинственная сила дѣйствуетъ въ насъ тогда?

Алексѣевъ поворачивалъ голову въ разныя стороны, какъ бы стараясь встрѣтиться съ глазами, которыя на него смотрятъ, но не встрѣчался съ ними. „Тотъ“ невидимый, что смотрѣлъ ему въ лицо, прятался отъ него, забѣгалъ какъ разъ въ противоположную сторону той, въ какую смотрѣлъ Алексѣевъ. Но лишь только онъ опускалъ глаза или устремлялъ ихъ въ одну точку, „тотъ“ подходилъ къ нему и пристально въ упоръ глядѣлъ на него и заставлялъ его опять поднимать глаза и отыскивать его въ пространствѣ.

Онъ взялъ книгу и сталъ читать ее, думая успокоиться и побѣдить странное ощущеніе. Читалъ онъ внимательно и понимая слова, но не понималъ мыслей, выраженныхъ ими.

Наконецъ, онъ бросилъ чтеніе и началъ быстро шагать изъ угла въ уголъ по комнатѣ. А „тотъ“, что смотрѣлъ на него глазами женщины, которую онъ бросилъ подъ ноги толпѣ, слѣдилъ за нимъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя во власти этого невидимаго, но ощущаемаго всѣмъ своимъ существомъ призрака. Онъ еще могъ произвольно мѣнять свое мѣсто въ комнатѣ или внѣ ея, но не могъ произвольно думать, о чемъ хотѣлъ. „Тотъ“ говорилъ ему: „ты не долженъ этого думать; думай вотъ о чемъ!“. И онъ напрасно пытался думать свои собственные мысли: о своихъ дѣтяхъ, о женѣ, о дѣлахъ; думать объ этомъ было все равно, что ловить руками дымъ. Они ускользали отъ него, свои собственные привычныя думы, а приходили другія; точно „тотъ“ невидимый вкладывалъ ему въ мысли, въ клѣтки его мозга то, что хотѣлъ самъ...

„Послушай“, спрашивалъ онъ, „зачѣмъ ты до сихъ поръ жилъ на свѣтѣ? зачѣмъ ты учился и мыслилъ? Къ чему ты го-денъ? Ты даже не въ силахъ помочь твоему ближнему въ бѣдѣ;



ты лишился высшаго наслажденія въ жизни и пріобрѣлъ вѣчный укоръ!..“ „Тоть“ говорилъ совсѣмъ его словами, но эти слова говорили больше того, что заключалось въ нихъ, точно эти слова были только тѣныю другихъ словъ, болѣе правдивыхъ, болѣе выразительныхъ, скрытыхъ гдѣ то въ глубинѣ души и еще неразгаданныхъ. Разгадать ихъ—это такая мучительная работа и „тоть“, кто смотритъ на него знакомыми глазами, задаетъ ему эту работу, запрещаетъ ему откладывать ее на будущее время.

Онъ сталъ думать о жизни вообще. Что это за штука такая и въ чемъ ея смыслъ? Какъ найти этотъ смыслъ для себя среди этихъ безконечныхъ противоположностей, которыми полна жизнь? Разлагающійся трупъ животнаго на пестромъ коврѣ цвѣтовъ; отвратительный запахъ гнили и нѣжный ароматъ розъ; цвѣтущія нивы и бушующее море; воркующіе голуби и волкъ, терзающій слабаго ягненка; соловьи, наполняющіе рощу звучными пѣснями, и коршуны, уносящіе ихъ въ когтяхъ себѣ на обѣдъ... Все это уживается рядомъ... Смерть, рожденіе, болѣзни, любовь, кровопролитіе, поцѣлуи—все это моменты одного и того же процесса. Все въ этомъ процессѣ, что онъ считалъ раньше обыкновеннымъ и понятнымъ по опыту всякому живому существу, теперь ему казалось очень сложнымъ и требующимъ объясненія...

Страшная загадка смерть! Какъ это происходитъ, что существо, только что двигавшееся, мыслившее, отражавшее въ себѣ міръ, перестаетъ двигаться, думать и гнѣть. Зачѣмъ и какою силою оно жило и двигалось? Зачѣмъ и какою силою оно перестало жить?.. Теперь, когда онъ задалъ себѣ вопросъ зачѣмъ, для какой цѣли онъ живетъ, передъ нимъ стали эти странные вопросы и требовали разрѣшенія. Онъ не въ силахъ былъ ихъ разрѣшить до сихъ поръ, но, можетъ быть, ему поможетъ разрѣшить ихъ тотъ, что смотрѣлъ на него глазами, которые пріобрѣли надъ нимъ такую страшную власть?.. Что же надо сдѣлать для того, чтобы эта власть кончилась? „Надо думать“, отвѣчали ему глаза и опять связывали въ его умѣ порванную нить размышленій...

А. Ключе.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



# Сибирскіе чиновники былого времени.

(Продолженіе, — см. кн. I-VI и VIII т. г.)

## Глава XII.

Николай Николаевичъ Муравьевъ — личность, слишкомъ видная, слишкомъ выдающаяся въ исторіи Сибири, вообще, и въ исторіи сибирскаго чиновничества въ частности. Поэтому мы не можемъ не остановиться пространнѣе на этомъ памятномъ сибирскомъ администраторѣ.

Н. Н. Муравьевъ слылъ большимъ либераломъ. Передъ назначеніемъ своимъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибири онъ былъ губернаторомъ въ Тулѣ. Это былъ первый изъ русскихъ губернаторовъ, который поднялъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. По его внушенію, девять помѣщиковъ подписали составленный имъ адресъ Государю объ освобожденіи крѣпостныхъ. Императоръ Николай Павловичъ былъ очень доволенъ, но продолжать это дѣло повелѣлъ съ крайней осторожностію и, прежде всего, находилъ необходимымъ собрать большее число помѣщичьихъ подписей подъ адресомъ; а такъ какъ этого не удалось достигнуть, то на томъ дѣло и стало. Но Государь не забылъ либерала-губернатора и въ 1848 году, когда Н. Н. Муравьевъ былъ еще молодымъ генераль-маіоромъ, послалъ его управлять Восточною Сибирью.

Это назначеніе было своего рода событіемъ, говоритъ покойный М. И. Венюковъ. Разные *gros bonnets* въ Петербургѣ находили, что это скандалъ. Въ Омскѣ, когда генераль-губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ узналъ, что у него сосѣдомъ будетъ молодой человѣкъ, 38 лѣтъ, каковымъ былъ тогда Муравьевъ, то пришелъ въ азартъ. Увидавъ явившагося на дежурство чиновника Б—ва, онъ закричалъ ему:

— Поздравляю тебя, Б—въ, — ты министр!

А когда Б—въ, молодой ечловѣкъ, вытаращилъ отъ удивленія глаза, то прибавилъ:

— Ты не вѣришь? Вотъ тебѣ доказательство: Муравьевъ, такой-же мальчишка, какъ ты, сдѣланъ генераль-губернаторомъ..!

Какъ-бы то ни было, вѣсть о назначеніи Муравьева генераль-губернаторомъ Восточной Сибири была встрѣчена сочувственно сибиряками, которые ожидали отъ молодого энергичнаго администратора обузданія не въ мѣру развившихся своихъ вольныхъ инстинктовъ сибирскаго чиновничества. Чиновники трепетали.



Надежды сибирскаго общества до нѣкоторой степени оправдались. Тотчасъ по прїѣздѣ въ Иркутскъ молодой генералъ-губернаторъ энергично принялся за искорененіе чиновничьихъ беззаконій, преслѣдованіе взяточничества и пр.

Прежде всего онъ принялся за обузданіе чиновниковъ горнаго вѣдомства, въ средѣ которыхъ злоупотребленія свили прочное гнѣздо.

Большимъ мѣстомъ золотопромышленности того времени была погоня за, такъ называемыми, „казенными остатками“. По дѣйствовавшему тогда закону, заявителю золотосодержащей площади отводилось пространство въ 5 верстъ длины и 100 саж. ширины; мѣста, остававшіяся за этими предѣлами, считались „казенными остатками“ и уже въ видѣ монаршей милости раздавались разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Мѣста эти нерѣдко были богаче золотомъ, чѣмъ отведенныя площади.

Эти „казенные остатки“,—говоритъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Муравьева Б. В. Струве \*),—„составляли предметъ самой гнусной, постыдной эксплуатаціи. Никогда и нигдѣ подкупъ не проявлялся въ такой нахальной формѣ и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ дѣлѣ золотопромышленномъ. Самыя высокопоставленныя лица не гнушались участвовать въ подобныхъ спекуляціяхъ. Цѣлыя шайки безчестныхъ людей были заняты подыскиваніемъ причинъ для зачисленія того или другаго прїиска, на основаніи закона, „казеннымъ остаткомъ“. Сегодня это зачисленіе совершалось, а завтра уже поступаетъ къ Царю ходатайство о предоставленіи права разработки этого прїиска какому-либо высокопоставленному лицу, или компаніи, въ которой это лицо негласно участвуетъ.“

Погоня за казенными остатками и, вообще, за богатыми прїисками вызывала множество тяжбъ, возникавшихъ по самымъ ничтожнымъ предлогамъ.

Борьбу съ золотопромышленными злоупотребленіями Муравьевъ началъ съ самаго вѣзда въ Восточную Сибирь. По прибытіи въ Красноярскъ, онъ немедленно поручилъ Струве разсмотрѣть знаменитое въ свое время Ольгинско-Платоновское золотопромышленное дѣло. Знакомство съ этимъ и съ другими дѣлами привело Муравьева къ убѣжденію, что поклоненіе богатству составляетъ отличительную черту не только отдѣльныхъ чиновниковъ, но и цѣлыхъ коллегіальныхъ учрежденій—присутственныхъ мѣстъ. Въ виду этого, чтобы сразу показать свое отношеніе къ дѣлу, онъ не только отказался отъ предложеннаго ему въ Канскѣ жившими тамъ богачами-золотопромышленниками Мошаровыми обѣда, но даже нарушилъ данное имъ прежде

\*) Цитируемъ по книгѣ Сукачева: „Иркутскъ — его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири.“



обѣщаніе захватить къ нимъ. Въ Иркутскѣ, на первомъ-же пріемѣ, самому вліятельному въ золотопромышленныхъ дѣлахъ лицу, начальнику золотого стола главнаго управленія Мангазееву, онъ прямо заявилъ свою надежду, что тотъ не останется служить, и когда оказалось, что служба Мангазееву, какъ принадлежащему къ горному вѣдомству, обязательна, то приказалъ, не смотря на цвѣтущее здоровье этого чиновника, снабдить его необходимымъ для выхода въ отставку медицинскимъ свидѣтельствомъ.

Познакомившись съ золотопромышленными злоупотребленіями, Муравьевъ тотчасъ-же (25 марта 1848 г.) отправилъ Государю Императору обстоятельную записку, въ которой, со свойственной ему прямоотой, высказалъ свой справедливый взглядъ на данный предметъ.

Этотъ характерный документъ настолько интересенъ, что мы приведемъ изъ него выдержки (по Струве).

„Золотопромышленность, недавно еще возбуждавшая всеобщее вниманіе къ неисчерпаемымъ богатствамъ Восточной Сибири, клонится уже къ упадку,—писалъ, между прочимъ, Муравьевъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ. Пріиски съ бѣднымъ содержаніемъ оставлены безъ разработки по чрезмѣрной дороговизнѣ въ содержаніи рабочихъ, богатые пріиски вырабатываются, а новыхъ значительныхъ открытій не дѣлается. По всѣмъ вѣроятіямъ, однакожъ, можно заключить, что въ Восточной Сибири золотыя розсыпи дѣйствительно неисчерпаемы. Не смѣю разрѣшить вопроса: полезно-ли для государства, чтобы частная золотопромышленность распространялась, но я убѣжденъ въ томъ, что доколѣ она существуетъ и дозволена, то Вашему Величеству угодно, чтобы богатства эти распредѣлялись болѣе справедливо и правильно, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлается. А между тѣмъ существующій порядокъ способствуетъ къ захватамъ одними лицами большихъ золотоносныхъ пространствъ, къ захватамъ чужихъ открытій и къ разоренію промышленниковъ, не имѣющихъ розсыпей чрезмѣрно богатаго содержанія. Соображая различныя законоположенія, по этому предмету существующія, мѣстное по нимъ исполненіе, порядокъ судопроизводства, составъ и направленіе присутственныхъ мѣстъ, я осмѣливаюсь сказать, что въ настоящемъ видѣ, при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ Вашего Величества, предметъ этотъ, возбуждающій въ высшей степени наиболѣе свойственную человѣку слабость—корысть и любостяжаніе, будетъ источникомъ несправедливостей, неправосудія и общаго развращенія нравовъ во всѣхъ состояніяхъ, до него касающихся. Если-бы споры и тяжбы между частными открывателями и владѣльцами пріисковъ, обыкновенно, о старшинствѣ и неопредѣленности первоначальныхъ заявокъ и неправильности



въ измѣреніи отведенныхъ площадей могли оканчиваться въ пользу одной или другой стороны, то дѣло это подходило бы подъ общій порядокъ судопроизводства въ цѣломъ государствѣ; на золотоносныхъ-же розсыпяхъ, при всякомъ спорѣ, возникающемъ между частными лицами отъ вышесказанныхъ причинъ, является, въ силу существующихъ узаконеній, третья сторона, со своими уже правами на открытую розсыпь: это—казна, и дѣло немедленно запутывается все болѣе и болѣе.

По всей строгости существующихъ узаконеній, весьма рѣдкій золотой пріискъ могъ-бы оставаться за настоящимъ своимъ открывателемъ или владѣльцемъ. Почти вездѣ есть отступленія, достаточныя для того, чтобы по законамъ пріискъ обратить въ казну, но казна до сихъ поръ объявляла обыкновенно свои права на пріиски *Богатаго содержанія и по особымъ только случаямъ*. Ваше Величество! я здѣсь, какъ старшій блюститель законовъ и первый защитникъ казны, долженъ-бы, не ожидая доносовъ, искательствъ и споровъ, сдѣлать строгую провѣрку, по первоначальнымъ заявкамъ, всѣмъ золотоноснымъ площадямъ, отведеннымъ въ частное владѣніе, и большая часть ихъ, на основаніе узаконеній, была-бы зачислена въ казну; но я уже сказалъ выше, что новыя открытія не дѣлаются и частная золотопромышленность клонится къ упадку вслѣдствіе тѣхъ особыхъ случаевъ, коими казна воспользовалась, чтобы отобрать отъ частныхъ лицъ только *нѣкоторые* пріиски“...

Записка эта удостоилась одобренія Государя, что удвоило силы Муравьева въ борьбѣ съ золотопромышленными злоупотребленіями и золотопромышленники Восточной Сибири, благодаря энергичному молодому генераль-губернатору, вздохнули свободнѣе, избавленные отъ ухищреній и корыстолюбія горныхъ чиновниковъ...

Борьба Муравьева съ ненавистнымъ ему взяточничествомъ и чиновничьими злоупотребленіями не всегда достигала благопріятныхъ результатовъ, хотя средствомъ для этой борьбы онъ избралъ мѣру, которая сама по себѣ могла казаться цѣлесообразной: онъ привлекъ на службу новыхъ людей, образованныхъ, молодыхъ, съ общественнымъ положеніемъ, дававшимъ право надѣяться, что въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей они внесутъ иныя начала. Восточная Сибирь впервые увидѣла у себя на службѣ цѣлую фалангу лицъ съ высшимъ образованіемъ. Со школьной скамьи попавшіе въ Иркутскъ, они быстро достигали высокихъ должностей. Энергія, свойственная молодости, быть можетъ, ускоряла ходъ дѣлъ, но рядомъ съ ней задоръ, безтактность, незнаніе мѣстныхъ условій, самомнѣніе этихъ администраторовъ надѣлали много хлопотъ Муравьеву. Были между этими молодыми администраторами и достойные люди, но



Муравьевъ, по слабости, свойственной многимъ выдающимся дѣятелямъ, любилъ наущничество, возводилъ даже эту свою склонность въ принципъ, объясняя тѣмъ, что безъ нея начальнику обойтись нельзя, тѣмъ болѣе въ такомъ краѣ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, „нравственные начала попораны и лихоимство и взяточничество такъ развиты“. Этимъ недостаткомъ генераль-губернатора пользовались тѣ, которые ничѣмъ инымъ выслужиться не могли, для удаленія со своего пути болѣе способныхъ. Пользоваться этою слабостью Муравьева было тѣмъ удобнѣе, что онъ, какъ человѣкъ до крайности пылкій, нервный, раздражительный, страдавшій болѣзною сердца, позволялъ себѣ нерѣдко такіа выходки, которыя сразу и безповоротно рвали самыя лучшія отношенія. Такъ именно разошелся онъ съ пользовавшимися лучшею репутаціею, образованными, безкорыстными чиновниками Стадлеромъ, Зоринымъ, Струве и другими. Немногочисленная кучка способныхъ сотрудниковъ рѣдѣла, за то съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе наполнялись ряды приближенныхъ всеѣмъ иной категоріи. Личное нахожденіе генераль-губернатора въ Иркутскѣ хотя до нѣкоторой степени сдерживало этихъ лицъ, но за то каждое возвращеніе его съ болѣе или менѣе дальней поѣздки сопряжено было съ разборомъ натвореннаго въ его отсутствіе, и притомъ съ разборомъ, часто направленнымъ къ обѣленію его любимцевъ. А обѣлять приходилось многихъ и во многомъ. Призванные имъ искоренять взяточничество, оказывались иногда причастными къ чрезвычайно грязнымъ дѣламъ, оказывались сами взяточниками; молодежь, по профессіи своей предназначенная укрѣплять въ обществѣ понятія о законности и правѣ, быстро усвоивала себѣ пріемы и повадки Трескина и Лоскутова, въ то время уже и въ Сибири отошедшіе въ область преданія...

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, управленіе Н. Н. Муравьева Восточною Сибирью не лишено было и печальныхъ сторонъ. Особенно памятными въ этомъ отношеніи являются два дѣла, въ свое время прогремѣвшихъ по всей Россіи.

Эти два дѣла—Занадворновское и Неклюдовское—чрезвычайно характерны: въ нихъ яркими чертами вырисовывались нравы тогдашняго высшаго восточно-сибирскаго чиновничества. Дѣла эти,—въ передачѣ автора изданной иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ книги „Иркутскъ“—закljučаются въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Мужъ одной изъ наслѣдницъ круннаго иркутскаго золотопромышленника Е. А. Кузнецова,—Занадворновъ, находившійся при немъ во время смерти, обвинялся въ утайкѣ и присвоеніи значительной части оставшагося послѣ Кузнецова капитала. Кромѣ того, противъ него было возбуждено преслѣдованіе по обвиненію въ томъ, что онъ, вѣхавши на пріиски, пустилъ палъ и сжегъ огромное пространство тайги, лишивъ тѣмъ окрестныхъ тунгусовъ мѣста ихъ звѣроловаго промысла. Нужно замѣтить предварительнo, что генераль-губернаторъ былъ сильно недоволенъ на За-



надворнова за грубо выраженный отказъ на просьбу его продолжать, по примѣру Кузнецова, пожертвованія на амурскія экспедиціи. Слѣдствія по обоимъ дѣламъ велъ чиновникъ Молчановъ. Ему же было поручено и разсмотрѣніе дѣла по производствѣ слѣдствія. Сильно уповавъ на силу своего богатства, Занадворновъ не стѣснялся, гдѣ былъ случай, бранить Муравьева и на одномъ изъ большихъ обѣдовъ распространился о томъ, что Муравьевъ преслѣдуетъ мелкое взяточничество, а между тѣмъ его приближенные берутъ взятки уже не мелкія, а крупныя, и въ доказательство этого заявилъ, что Молчановъ взялъ съ него 20,000 рублей, что теперь назначенъ другой слѣдователь, Бибииковъ, который требуетъ, чтобы онъ, Занадворновъ, ѣхалъ въ непроѣздное время въ тайгу, на мѣсто пожарища, вѣроятно, съ цѣлью получить столько же. Узнавъ объ этомъ, Муравьевъ въ полномъ собраніи совѣта Главнаго Управленія потребовалъ отъ Занадворнова, чтобы тотъ подтвердилъ имъ сказанное, и когда Занадворновъ не только отъ словъ своихъ не отказался, но въ присутствіи самого Молчанова подтвердилъ, что онъ, дѣйствительно, далъ ему 20,000 руб. и что послѣдствіемъ этого было разсмотрѣніе дѣла въ не подлежащемъ отдѣленіи, то Муравьевъ, не обративъ вниманія на послѣднее обстоятельство никакого вниманія, обратился къ Молчанову и, какъ рассказываютъ, спросилъ его *не какъ начальникъ, а какъ дворянинъ дворянина*, дѣйствительно-ли это такъ. Молчановъ отвергъ взведенное на него обвиненіе, причемъ онъ, какъ говорятъ, усердно просилъ Муравьева никакого дѣла по этому поводу не возбуждать. Но Муравьевъ поступилъ иначе. Немедленно, прямо изъ засѣданія Совѣта, Занадворновъ, какъ обвиняющійся въ оклеветаніи должностного лица, былъ отправленъ въ тюрьму. Знакомые его, люди болѣе или менѣе значительные, въ томъ числѣ даже нѣкоторые члены совѣта Главнаго Управленія, стали, было, его тамъ посѣщать. Узнавъ объ этомъ, Муравьевъ назначилъ у себя общій пріемъ, во время котораго объявилъ, что сочтетъ своимъ личнымъ врагомъ всякаго, кто будетъ поддерживать сношенія съ Занадворновымъ. Послѣ такого заявленія Занадворновъ былъ всѣми покинутъ. Жена его подала жалобу въ Сенатъ. Указомъ послѣдняго Занадворнова предписано было освободить. Муравьевъ сенатскаго указа не исполнилъ и, опираясь на необходимость упроченія авторитета власти, испросилъ Высочайшее повелѣніе содержать Занадворнова въ тюрьмѣ до окончанія производившагося о немъ дѣла..

Сенатъ, когда на разсмотрѣніе его черезъ много лѣтъ перешло все производство, оправдалъ Занадворнова...

Неклюдовское дѣло совсѣмъ въ другомъ родѣ.

На Пасхѣ 1859 года одинъ изъ состоявшихъ при генералъ-губернаторѣ чиновниковъ, нѣкто Неклюдовъ, и членъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири Беклемишевъ нанесли другъ другу тяжкія оскорбленія. Вскорѣ послѣ этого, а именно 16 апрѣля, между ними состоялась дуэль, на которой Неклюдовъ былъ убитъ. Муравьевъ въ это время находился на Амурѣ, должность его въ Иркутскѣ правилъ губернаторъ Венцель; дуэль происходила на Какуевской заимкѣ, рано утромъ. Происшествіе это всполошило весь Иркутскъ. Рассказываютъ, что объ имѣющей быть дуэли знали всѣ власти, начиная отъ губернатора, и, чѣмъ могли, способствовали ей; что пистолеты принадлежали исправлявшему должность губернатора предсѣдателю губернскаго правленія Извольскому, а полицеймейстеръ Сухотинъ съ высокой колокольни Успенской церкви наблюдалъ за ходомъ поединка; что Неклюдовъ не хотѣлъ драться и, покидая службу въ Сибири, торопился уѣхать, но чуть-ли не силой былъ задержанъ. Проведя все время своего непродолжительнаго



служенія въ командировкахъ и почти никого въ Иркутскѣ не зная, онъ не могъ найти секундантовъ, пока друзья Беклемишева, Молчановъ и Шелеховъ, не предложили ему своихъ услугъ.

Распространился говоръ, что дуэли никакой не было, что Неклюдовъ прямо убитъ. Народъ толпами ходилъ въ квартиру Неклюдова и, когда его хоронили, весь городъ провожалъ его на кладбище. Въ городѣ поднялся сильный ропотъ на начальство за оставленіе на свободѣ Беклемишева и секундантовъ и за потворство имъ во время дуэли. Вскорѣ послѣ этого, на какомъ-то парадномъ обѣдѣ, преосвященный Евсеій рѣзко и неодобрительно высказался по поводу волновавшаго городъ происшествія и высказался, конечно, не въ пользу мѣстнаго начальства. Полицеймейстеръ и участвовавшія въ дуэли лица не разъ подвергались уличнымъ оскорбленіямъ. Въ городѣ появился цѣлый рядъ направленныхъ противъ нихъ рукописныхъ стихотвореній и памфлетовъ.

Вернувшись съ Амура, Муравьевъ на первомъ же приѣмѣ обрушился на все иркутское общество, въ особенности-же на молодежь и купечество, за произведенныя по поводу дуэли демонстраціи. Къ преосвященному Евсеію онъ сталъ прямо во враждебныя отношенія, окончившіяся переходомъ перваго въ другую епархію. Назначено было два слѣдствія: одно объ уличныхъ манифестаціяхъ, другое—о дуэли. Первое кончилось ничѣмъ, такъ какъ не было добыто никакихъ данныхъ для привлеченія кого бы то ни было къ отвѣтственности; второе привело къ результату, прямо неожиданному.

Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и на основаніи экспертизы, произведенной надъ трупомъ Неклюдова, иркутско-верхоленскій окружный судъ единогласно обвинилъ Беклемишева и секундантовъ въ умышленномъ убійствѣ и постановилъ мнѣніе объ осужденіи всѣхъ ихъ къ каторжнымъ работамъ.

Муравьевъ, державшій сторону своего любимца Беклемишева, былъ недоволенъ такимъ приговоромъ. Дѣло перешло въ губернский судъ, въ которомъ мнѣнія судей раздѣлились: двое отвергли обвиненіе въ убійствѣ, третій—Ольдекопъ—остался при особомъ мнѣніи, подтверждавшемъ правильность приговора первой инстанціи. Дѣло перешло далѣе въ Сенатъ. Утверждаютъ, что принимались всѣ мѣры, чтобы повліять на рѣшеніе Сената въ желательномъ смыслѣ. И, дѣйствительно, Сенатъ приговорилъ Беклемишева только къ годовому заключенію, а секундантовъ—къ кратковременному аресту. Затѣмъ,—что всего главнѣе,—признавъ въ дѣйствіяхъ иркутско-верхоленскаго окружнаго суда и совѣтника губернскаго суда Ольдекопа *неправосудіе*, предоставилъ генералъ-губернатору возбудить противъ нихъ уголовное преслѣдованіе. Немедленно всѣ они, по приказанію Муравьева, были



заключены подъ стражу. Надъ ними было наряжено слѣдствіе и судъ. Исполнителемъ воли Муравьева былъ одинъ изъ его чиновниковъ, извѣстный впослѣдствіи дѣятель, Милютинъ, назначенный товарищемъ предсѣдателя Иркутскаго губернскаго суда.

Къ счастью, дѣло о несчастныхъ судьяхъ окончилось благополучно. За нихъ вступился министръ юстиціи. Ольдекопъ, въ вознагражденіе за несправедливое преслѣдованіе, былъ назначенъ прокуроромъ въ Казань, а члены окружнаго суда освобождены изъ подъ стражи и дѣло о нихъ прекращено.

Въ обоихъ этихъ дѣлахъ важно не то, взялъ или не взялъ Молчановъ взятку съ Занадворнова, убилъ-ли Беллемишевъ Неклюдова по правиламъ чести, или вопреки этимъ правиламъ, — а то положеніе, въ которое сталъ въ обоихъ случаяхъ правитель края, выдающійся и по своимъ заслугамъ, и по личнымъ своимъ свойствамъ. Оба эти дѣла характеризуютъ личный составъ среды, окружавшей этого государственнаго дѣятеля, и наглядно показываютъ, при содѣйствіи какихъ лицъ ему приходилось работать на пользу края, проводить свои полезныя, но тотчасъ по выходѣ изъ его собственныхъ рукъ извращавшіяся начинанія. Слабость къ приближеннымъ, въ которыхъ онъ почему-нибудь вѣрилъ, самолюбивое и энергичное отстаиваніе ихъ — были больнымъ мѣстомъ Муравьева, много вредившимъ и ему лично, и его общественной и государственной дѣятельности...

На сибирское общество оба эти дѣла произвели самое невыгодное впечатлѣніе. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуется слѣдующее письмо *Θ. Н. Львова* (петрашевца) къ декабристу *Завалишину*:

„Вамъ, вѣроятно, извѣстно, — пишетъ *Львовъ*, — что въ Иркутскѣ разыгрывается въ настоящее время самое вопіющее дѣло, — это судъ надъ судьями по дѣлу *Неклюдова*, который имѣетъ характеръ личной мести администраціи за показаніе малѣйшаго признака самостоятельности въ судьяхъ. Страшно подумать, что преступникъ (*Беклемишевъ*) и секунданты, просидѣвъ комфортабельно нѣсколько недѣль въ острогѣ, ускакали въ Петербургъ за губернаторскими и предсѣдательскими мѣстами, а судьи до приговора еще томятся шесть мѣсяцевъ въ самомъ тяжеломъ заключеніи въ острогѣ за свое судейское мнѣніе и надъ ними производится такой строгій, инквизиціонный судъ, какъ будто-бы они были государственные преступники въ блаженные времена *Анны Іоанновны*“ ..

Не можемъ не отмѣтить отношеніе *Муравьева* къ печатному слову.

16 мая 1857 г. появилась первая въ Иркутскѣ газета — офиціальныя „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“. *Муравьевъ*, тогда уже графъ, осыпанный милостями государя за окончательное укрѣпленіе за Россіей Амурскаго края, поощрялъ и смѣло поддерживалъ этотъ органъ печати. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ редакціей было заявлено, что она уполномочена печатать всякаго рода статьи, касающіяся пользы края, а также



и обличенія всяческихъ злоупотребленій. Пересматривающій теперь „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“ Муравьевскихъ временъ, отпечатанныя избитымъ, аляповатымъ шрифтомъ, на сѣрой, чуть не оберточной бумагѣ, поражается полнымъ контрастомъ содержанія ихъ неофициальной части съ тѣмъ, что обыкновенно представляютъ собой этого рода изданія. „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“, по своимъ живымъ, бойкимъ и интереснымъ статьямъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣшно замѣняли собой органъ частной періодической печати. Министерство внутреннихъ дѣлъ указывало даже на *неприличіе* такого рода направленія въ официальномъ органѣ, но графъ Муравьевъ продолжалъ разрѣшать помѣщеніе обличительныхъ статей, даже самъ принималъ ихъ къ свѣдѣнію, и „Вѣдомости“ сдѣлались грозой всѣхъ взяточниковъ, казнокрадовъ и кулаковъ.

Сочувственно относился графъ Муравьевъ и къ первому возникшему въ Иркутскѣ частному органу—„Амуру“. Генераль-губернаторъ самъ его цензуровалъ и настолько довѣрялъ редакціи, что, не читая, подписывалъ цензурные листы. Въ числѣ сотрудниковъ газеты находились начальникъ его штаба Кукель и многія другія видныя должностныя лица. Отношеніе Муравьева къ печатному слову можетъ служить примѣромъ для многихъ и многихъ изъ нынѣшнихъ администраторовъ...

Вообще, не смотря на всѣ ошибки, промахи, увлеченія, имя графа Муравьева-Амурскаго навсегда останется среди немногихъ, яркимъ блескомъ выдающихся на сумрачномъ горизонтѣ прошлаго Сибири, именъ.

### Глава XIII.

Преемникомъ графа Муравьева на генераль-губернаторскомъ посту былъ его ближайшій помощникъ, генераль Корсаковъ. Десятилѣтнее управленіе Корсакова ничѣмъ не выдѣлилось въ интересующемъ насъ отношеніи—это было время затишья. По отъѣздѣ Муравьева большинство близкихъ къ нему лицъ, такъ быстро имъ выдвинутыхъ, покинуло службу свою въ Сибири. Ихъ замѣнили чиновники—дѣльцы, тѣ самые, которые, начавъ свою службу еще при генераль-губернаторѣ Рупертѣ, представляли при его преемникѣ ту разумную рабочую силу, безъ которой никакое дѣло идти не можетъ. Остался кое-кто и изъ „муравьевскихъ“—но ихъ было немного. Что-же касается общей массы чиновничества, то тутъ, какъ и на все ксное, пребывающее въ застоѣ, время Корсаковскаго управленія могло дѣйствовать только развивающимъ внутреннее разложеніе способомъ. Время дѣлало тоже свое дѣло. Прежнее патріархальное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ замѣнилось болѣе



ухищренными приёмами, большею требовательностью и изобретательностью, клонившимися къ той же цѣли, но обходившимися дороже. Развитіе золотопромышленности сильно повліяло на складъ восточно-сибирской жизни, вообще, и чиновничьей въ частности, и, совмѣстно съ питейнымъ дѣломъ и казенными поставками и подрядами, служило тучною почвою для наживы, развитія любостяжательныхъ инстинктовъ и удовлетворенія ихъ.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что преемнику генераль-губернатора Корсакова сенатору Н. П. Синельникову, занявшему генераль-губернаторскій постъ въ 1871 году, пришлось прежде всего приняться за энергичную и притомъ соотвѣтствовавшую его личнымъ наклонностямъ борьбу все съ тѣми-же споконъ вѣку свившими себѣ въ Сибири прочное гнѣздо и только видоизмѣнявшимися чиновничьими злоупотребленіями. Тотчасъ-же по пріѣздѣ сенатора Синельникова въ Сибирь на мѣсто своего служенія, въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появился длинный рядъ грозныхъ, требовательныхъ и по своему краснорѣчивыхъ циркуляровъ начальника края къ начальникамъ губерній и областей. Рѣдкій нумеръ обходился безъ циркуляра, по содержанию своему могшаго замѣнить передовую статью, посвященную внутренней жизни края и его управленію. Одновременно съ изданіемъ циркуляровъ шла быстрая и энергичная кара виновныхъ.

Дѣятельности сенатора Н. П. Синельникова мы посвятимъ впереди особое мѣсто; теперь-же скажемъ только, что и его труды мало измѣнили сибирскую чиновничью среду, съ ея темными, вѣками упрочившимися привычками и традиціями...

Такимъ образомъ, многіе сибирскіе генераль-губернаторы, не смотря на искреннее желаніе улучшить порядокъ управленія, обезпечить населеніе отъ чиновничьихъ безчинствъ и своеволія, все-таки слишкомъ мало могли сдѣлать въ этомъ направленіи. Режимъ генераль-губернаторской власти въ Сибири вызвалъ поэтому слѣдующій приговоръ:

„Что можетъ сдѣлать одинъ сановникъ, не знающій края, неопытный въ сибирскихъ дѣлахъ, передъ кучею злоупотребленій, вѣками утвержденныхъ, когда за рутину стоитъ весь подчиненный ему персоналъ, когда съ существованіемъ старыхъ порядковъ связаны матеріальные интересы всего чиновничества? Сибирскій генераль-губернаторъ не оскверняетъ себя взяткой, а любимцы его ведутъ интригу и подтасовываютъ назначенія. Цѣлый сонмъ исправниковъ, засѣдателей и пр., распоряжающихся по своему—сильнѣе генераль-губернатора. Они дѣлаютъ беззаконія ежегодно, ежедневно, въ тысячахъ селъ и деревень, безъ всякаго опасенія. Рискъ попасться—самый ничтожный; изъ сотни тысячъ беззаконій донесется одно. Да и попробуйте уличить, найти свидѣтелей для опытнаго „старого воробья“, хит-



раго на увертки и казуистику! Сибирскій засѣдатель и исправникъ привыкъ схватить кушъ—а тамъ хотя и подъ судъ: онъ обезпеченъ, дѣлается домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ.

Прямой интересъ мѣстной бюрократіи и политика ея состоятъ въ томъ, чтобы предубѣдить пріѣзжаго начальника края противъ мѣстнаго общества и населенія, чтобы закрыть дорогу къ жалобамъ и доступъ къ правдѣ.

И этого не разъ добивалось мѣстное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь пристрастна къ ябедничеству. Такая политика практикуется съ Пестеля и Трескина въ Сибири. „Ябедникъ!“ Извѣстно, что значило прослать въ Сибири ябедникомъ: это тоже самое, что доносчикомъ на начальство, протестантомъ, крамольникомъ, который не терпимъ въ обществѣ, и всякій пойметъ, чего это стоило при всемогуществѣ сибирской власти. Ябедникамъ угрожаютъ острогъ и высылка въ мѣста отдаленныя, и не разъ сибирскіе челобитчики и искатели правды платились такимъ образомъ. Наконецъ, сибирское чиновничество, ведя интригу, старается увѣрить, что сибирское общество незрѣло, недоразвито, невѣжественно, грубо, что ему требуются „ежевыя рукавицы“, и, такимъ образомъ, играя властью и огромными полномочіями начальника, созданными на страхъ ему, обращаютъ его силу въ другую сторону. Такое предубѣжденіе и борьба съ обществомъ внушались въ Сибири самымъ лучшимъ сановникамъ, пріѣзжавшимъ принести пользу краю. Что же выигрывала отъ этого власть въ Сибири? Во первыхъ, она оставалась одинокою, разъединенною съ обществомъ, которое жило само по себѣ и питало только страхъ къ этой власти, не умѣвшей вникать въ его нужды. Во вторыхъ, управитель Сибири чувствовалъ полное свое безсиліе, находился безъ почвы и внѣ жизни населенія. Испытавъ горечь уединенія, убѣдясь въ бессодержательности, притворствѣ и низости чувствъ мѣстной бюрократіи, окружавшей его, онъ спѣшилъ, какъ Сперанскій, поскорѣе оставить эту неблагодарную страну“...\*)

Н. А. Гурьевъ.

(До слѣдующей книжки).

\*) Ядринцевъ. „Сибирь, какъ колонія“. Изданіе 2-е Спб. 1892. Стр. 523—524.



# Изъ міра грезъ.

## I

Тихія струны звенятъ,  
 Счастье и нѣгу сулятъ;  
 Слушать же ихъ въ тишинѣ  
 Больно, мучительно мнѣ:  
 Старыя раны болятъ,  
 Ноетъ усталая грудь!..  
 Громче пусть струны звенятъ—  
 Прошлаго имъ не вернуть!

\* \* \*

Дышетъ истомою ночь...  
 Думы тяжелыя—прочь!  
 Дайте хоть разъ отдохнуть,  
 Дайте забыться, заснуть!  
 Тихія струны звенятъ,—  
 Счастья восторги сулятъ...  
 Ночь ароматомъ полна,  
 Въ небѣ застыла луна...

## II.

Не унывай!.. Какъ солнца средь ненастья,  
 Дождемся мы свободнаго труда;  
 Настанетъ день для братства и для счастья,  
 А мракъ и тьма исчезнутъ безъ слѣда...

\* \* \*

Заблещетъ свѣтъ въ любомъ глухомъ селеньи  
 И обновится жизнь кормильца-мужика...  
 Пускай въ душѣ исчезнутъ всѣ сомнѣнья,—  
 Смотри: свѣтлѣй стаетъ,—заря не далека!..



## Въ былые дни.

(Сцены изъ сибирской жизни въ 3-хъ картинахъ).

### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Троегубовъ, Данило Кузьмичъ, купецъ, лѣтъ подь 50, жирный, борода лопатой.

Оекла Ивановна, его жена, полная женщина.

Степанъ Данилычъ, ихъ сынъ, лѣтъ 25—26.

Михаилъ Григорьевичъ, окружный исправникъ, лѣтъ за 40, молодцевать.

Петръ Петровичъ, начальникъ конвойной команды, лѣтъ за 60, храбрится, но слабъ ногами.

Сквалыгина Анна Пократьевна, вдова титулярнаго совѣтника, суха, желчна, лѣтъ подь 50.

Казиміръ Антоновичъ, окружный казначей, дряхлый параличный, плѣшивый старикъ лѣтъ подь 70, едва двигаетъ ногами.

Леночка, его жена, лѣтъ 25—26, полная, красивая, румяная женщина.

Пискаревъ, Николай Николаевичъ, писецъ изъ казначейства, лѣтъ 22—23.

Стражникъ, земской полиціи.

Лукерья, кухарка въ домѣ Троегубовыхъ.

Егоръ Федоровичъ, гласный думы.

Гласные и гости, человѣкъ 5—6, безъ словъ.

Дѣйствіе происходитъ въ сибирскомъ городкѣ \*\*\*.

### Картина 1.

Прилично меблированная комната. Направо отъ зрителей столъ, на немъ двѣ тарелки — съ огурцами и съ медомъ; ножикъ, ложка. Слева въ простѣнкѣ столъ, надъ нимъ зеркало; справа и слева двери; входная дверь въ срединѣ; обстановка въ общемъ пестрая; картины, изображающія пустыри и монастыри; стѣнные часы — старомодные.

### ЯВЛЕНІЕ 1.

#### Троегубова и Сквалыгина.

Троегубова. (Сидитъ за столомъ направо отъ зрителей; рѣжетъ огурцы, мажетъ ихъ медомъ и ѣстъ). И никакой пользы мнѣ отъ этихъ лѣкарствъ нѣту... Шестую стклянку вотъ ужъ допиваю, а все и подъ ложечкой сосетъ, и въ головѣ круженіе...

Сквалыгина. (Вяжетъ кружево.) Такъ оно и быть должно... Не слушаетесь меня, все у своего доктора лѣчитесь—вотъ оно и круженіе...

Троегубова. Да у кого-ужъ лѣчиться-то, коли не у доктора?

Сквалыгина. Да развѣ Густавъ Федорычъ докторъ? онъ, матушка моя, окружной врачъ,—да... Я сама читала, что онъ окружной врачъ... А эти врачи только мертвецовъ потрошить и умѣютъ, къ тому они и предоставлены...

Троегуб. А какъ-же у него исправница-то лѣчится? Вѣдь кабы онъ лѣчить не умѣлъ, исправница-то у него не стала-бы лѣчиться...



Сквалыг. (Махнувъ рукой). Пошла-а, поѣхала... Исправни-цѣ то и лѣчиться не отчего... Нѣшто при ея канплекціи можетъ какая хвороба прилипнуть,—какъ-же!.. Что вы это говорите!.. Да ее хоть коноваль, хоть кто лѣчи,—ничего ей не сдѣлается...

Троегуб. Такъ зачѣмъ-же къ ней докторъ каждый день ѣздить?..

Сквалыг. Ну—про это разное говорятъ... Извѣстно, можетъ, и врутъ, а можетъ—и не врутъ... Густавъ Федоровичъ-то у исправницы часа по 3 высиживаетъ,—все ее выпрашиваетъ, а она его чайкомъ, кофейкомъ, наливочкой потчуетъ...

Троег. (Послѣ паузы). Охъ, чуется мое сердце, что не дожить мнѣ до Рождества Христова... И сны такіе вѣще снятся: то, будто, въ банѣ моюсь, то, будто, полы у насъ въ домѣ моютъ... А нынче ужъ до того я испугалась: думала сейчасъ и духъ вонъ... (Таинственно.) Иннокентій-то праведный со стѣны сорвался, да вдребезги...

Сквал. (Всплескнувъ руками.) Ахъ, чтобъ его!..

Троег. Не къ добру это, мнѣ матушка говорила не къ добру...

Сквал. А вотъ послушайте меня, сходите къ Абраму Мо-сеичу,—вотъ и хворь какъ рукой сниметъ...

Троег. Да, вѣдь, онъ аптекарь!

Сквал. Такъ что-жъ, что аптекарь!.. Онъ и лѣчить можетъ, потому у него всѣ зелья подъ руками... Мнѣ еще покойничекъ мужъ про него сказывалъ... Какъ запалить, говорить, лѣкарство,—такъ слышать, что оно по всѣмъ жиламъ побѣжало... Хорошія лѣкарства давалъ!..

Троег. А все отъ смерти не воспользовалъ.

Сквал. Ничего не подѣлаешь! Такъ, видно, на роду написано...

Троег. Вотъ и мнѣ народу написано помирать!.. Не хочешь-ли огурчиковъ съ медкомъ? (Ѣсть). Больно вкусно!

Сквал. Нѣтъ, у меня отъ нихъ изжога... И вамъ вредно.

Троег. Ну, что за вредно, ничего... Вотъ если квасу, либо молока послѣ выпить,—ну, тогда подкатится, а то ничего... (Ѣсть). Молчи, схожу ужъ я къ твоему аптекарю... Только не вылѣчиться мнѣ,—хлопотъ много, то да другое,—и не доспишь, и не допьешь, и не доѣшь... Теперь вотъ выборы на головѣ... Самъ-то, Данила Кузьмичъ, въ головы ладится,—а это дѣло не шуточное... Теперь всѣмъ угодить надо... И исправнику, и помощнику, и купечеству... того угости, тому въ займы дай, того обласкай, этого не упущай изъ виду,—бѣда, мать моя...

Сквалыг. Знаю, знаю я,—и не говорите... Тоже и я, какъ покойникъ-то живъ былъ, этакъ-же маялась... Надо, бывало, перевестись куда либо, мѣстечко подходнѣе получить,—сейчасъ,



это, вся знать у насъ соберется... Расходы тоже не маленькіе были... столоначальники, казначеи—въ губерніи-то все втридорога... Расходъ былъ огромяднѣйшій, а хлопотъ и того больше...

Троег. Теперь вотъ Степку унять надо... А съ нимъ сладу нѣтъ. Ну, у простого кулца сынъ белендрясъ—еще туда-сюда, а у головы нѣшто это можно...

Сквал. Женить-бы его, Ѳекла Ивановна, вотъ и остепенился-бы...

Троег. Женить? Да нѣшто за него пойдетъ путняя?.. Вѣдь про его озорство весь городъ знаетъ. Тамъ окна выхлещить, тамъ подерется, тамъ протоколъ, тутъ мировая... Нѣтъ женить его не время... Пусть ужъ сперва перебѣсится... (Шепотомъ). Самъ-то Данило-то такой-же ухорѣзъ съ молоду былъ,—а потомъ остепенился...

Сквал. И то резонъ. А вотъ Леночку—ту пора пристроить...

Троег. Съ ней не горе... Она любого жениха перельститъ...

Сквал. (Съ усмѣшкой.) Да, кажется, ужъ и перельстила.

Троег. (Тревожно). Кого-жъ это?

Сквал. (Покачивая головой.) Вотъ такъ матушка родимая!.. Да неужто вы и взаправду ничего не знаете?..

Троег. Чего знать-то, али сплетни каки пошли?..

Сквал. Не сплетни, сама своими глазами каждый день ихъ вижу, по улицамъ разгуливаются...

Троег. Съ кѣмъ это?

Сквал. Съ кѣмъ? Извѣстно, съ господиномъ Пискаревымъ...

Троег. Ну такъ что-жъ: Пискаревъ смирный парень и родители у него не кто-нибудь... Крестный-то протоіереемъ въ городѣ... Пушай разгуливаются...

Сквал. Не хорошо это, чтобы люди видѣли... Вы то сообразите... Мужъ вашъ городскимъ головой будетъ, а дочь у него съ писаремъ шляется... Конфузъ одинъ...

Троег. Какъ это такъ „шляется“?

Сквал. Вы на меня не серчайте... всѣ такъ скажутъ! А я къ тому говорю, что Леночкѣ Пискаревъ не подъ пару... Ну что онъ—писарь изъ казначейства... Да того гляди и оттуда выгонютъ, потому нехорошими дѣлами заниматься сталъ...

Троег. Какими-же это не хорошими дѣлами?..

Сквал. Будто, не знаете... Весь городъ говоритъ... Еще съ новаго года затѣяли... Учительница ихъ подбиваетъ,—чтенія какія-то устраиваютъ, народъ собираютъ... И Леночка тутъ...

Троег. (Спокойно.) Ну, матушка, слышала ты звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ... На чтеніяхъ-то и протоіерей бываетъ, да и читаютъ-то все одно только божественное...

Сквал. (Зло.) Какъ-же, божественное, рассказываете...



Троег. Конечно, божественное, — всё это знают... кабы другое что — такъ нѣшто начальство-то дозволило-бы...

Сквал. А все вашъ Пискаревъ не пара Леночкѣ... Писарь — такъ писаремъ и помретъ... Масло лампадное вотъ какъ ихъ встарину звали... выгорить до тла и ничего отъ него кромѣ чада не останется... (Входитъ Лукерья и прибираетъ тарелки.)

Троег. Конечно, Пискаревъ для Леночки не шибко завидный женихъ, а только ничего я про него дурного не слыхала...

Сквал. Ну, и пусть его будетъ смирнымъ парнемъ... А Леночкѣ отъ него отшатиться надо... Ей нуженъ высокоблаародный мужъ, потому приданое у нея, слава Богу, есть, обличностью тоже Богъ не обидѣлъ... Ей, безпремѣнно, высокоблаароднаго надо...

Троег. А гдѣжь мы его возьмемъ-то. Здѣсь ихъ и нѣту вѣдь... Коли что, такъ Леночку въ губернію везти надо, а развѣ это дешево стоитъ.

Сквал. Поискать, такъ, можетъ, и здѣсь отыщется.

Троег. Да ты что — ужъ не посватать-ли парактаешься?

Сквал. А почему не такъ!..

Троег. Нѣтъ, однако, кого-жъ это?..

Сквал. (Встаетъ, смотритъ на стѣнные часы, словно спохватившись.) Ахъ, ты батюшки свѣты!.. Первый часъ въ исходѣ, а я тутъ все разтабариваю... Ахъ, ты оказія (Собираясь, торопливо). Прощайте, Оекла Ивановна, я вѣдь хотѣла къ вамъ только на минуточку зайти, а тутъ вышло на — поди! Засвиданія!

Троег. (Удерживая Сквалыгину за рукавъ.) Нѣтъ ужъ, ты, матушка моя, теперича постой. Пока я тебя не допытаю, — не выпущу...

Сквал. Ахъ, что вы это, Оекла Ивановна, — мнѣ, ей Богу, некогда... Шла я тутъ къ одному благодѣтелю, обѣщаль мнѣ займы красненькую дать, а я тутъ замѣшкалась.. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы не держите меня, а то я его дома не застаю.

Троег. (Силой усаживая Сквалыгину.) Ты, матушка, не юли... Коли хорошее слово выскажешь, — красненькую-то мы и здѣсь найдемъ... Говори-ка вотъ лучше насчетъ твоего высокоблаароднаго, кто онъ есть такой?

Сквал. Вотъ ужъ не ожидала я, что вы такой полицейскій крючекъ, Оекла Ивановна. (Жеманится.) Спроста вамъ и слова не скажи...

Троег. Вашу простоту мы хорошо знаемъ... Тутъ тебѣ юлить нечего...

Сквал. Да мнѣ что юлить-то... Я правду говорю... Хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ...

Троег. А вотъ ты Расскажи-ка. Можетъ, красненькую-то впередъ дать?



Сквал. Что мнѣ красненькая,—я отъ васъ и такъ не обижена, завсегда за васъ Бога молю.. Вовсе я не антиресуюсь деньгами...

Троег. Ладно, ладно, пой, соловушка, а дѣльце не забывай!.. Ну кто онъ такой?

Сквал. Петръ Петровичъ!

Троег. Маіоръ, что-ли?

Сквал. (Озираясь, шопотомъ.) Онъ, матушка, онъ... Иду это я наведни мимо команды, а онъ у окна сидитъ, усики покручиваетъ... Поклонился мнѣ... Ну, иду я мимо.. Вдругъ сзади меня унтеръ, словно изъ земли, выросъ... „Васъ, говоритъ, господинъ начальникъ команды требуютъ!“.. Чего, думаю, ему надо,—а сама иду за унтеромъ-то... Въ команду пришла, тутъ самъ маіоръ меня встрѣтилъ,—въ канцелярію пропустилъ... Затворилъ двери, да и говоритъ...

Троег. (Нетерпѣливо.) Ну—ну, что говоритъ?

Сквал. Не помню я доподлинно-то, а только говоритъ онъ, что вотъ скоро въ подполковники выйдетъ, на пенсію,—купить себѣ домикъ и будетъ жить да поживать... Пенсіи-то у нихъ не то что у нашего брата гражданскихъ—у нихъ большущія пенсіи...

Троег. Постой! Ну, что дальше говорилъ?

Сквал. Подполковницу мнѣ, говоритъ, безпремѣнно надо. На старости лѣтъ, говоритъ, хочу, чтобы приголубить было кому, чтобъ, значить, въ полномъ покоѣ и счастья вѣкъ скоротать... Умру, говоритъ, все ей останется... А ежели, говоритъ, дѣточки пойдутъ,—въ тѣ поры ихъ на казенный счетъ учить станетъ...

Троег. Ну—а дальше что?

Сквал. Дальше—про Леночку намекнулъ... Хорошая, говоритъ, барышня... Дородная, статная,—такую, говоритъ, мнѣ и надо... А я, говоритъ, ея отцу и въ головы пролѣзть помогу, потому у меня, говоритъ, весь городъ друзья-пріятели... кто по картамъ, кто по военной поставкѣ, кто опять такъ себѣ...

Троег. Старъ онъ шибко...

Сквал. Ну—что за старъ,—ему еще и 60-ти нѣту...

Троег. (Задумчиво.) Подумать надо, да и самого повидать... За Леночку я покойна, она противъ воли родителей не поидетъ,—въ страхъ божьемъ воспитана...

## ЯВЛЕНИЕ 2.

Тѣ-же и Степанъ Троегубовъ (съ подвязанными щекой и глазомъ.)

Степанъ Троегубовъ. (Входя.) Опять эта кикиморатуть... (Ходитъ по комнатамъ. Сквалыгина ежится. Обѣ—Сквалыгина и Троегубова—внимательно разсматриваютъ Степана). Чего вы на меня шары то выпучили,—аль не признали?



Троег. (Строго.) Ты, Степанъ, эту привычку оставь... Нѣшто съ матерью такъ говорить слѣдуетъ, а?

Степанъ (Махнувъ рукой.) Ахъ, отстаньте хоть вы-то отъ меня... (Ходить еще быстрее.) Тутъ родитель все время въ лавкѣ пилить, тутъ вы опять привяжетесь, — какъ за языкъ повѣшанные, право!

Троег. (Укоризненно.) Стыдно, стыдно тебѣ такія рѣчи говорить... Хоть бы Панкратовны постыдился...

Сквал. (Быстро.) Я, Оекла Ивановна, уйду-съ... Что вамъ мѣшать!..

Троег. (Усаживая Сквалыгину.) Сиди... сиди... При мнѣ онъ тебѣ слова не посмѣетъ сказать (Степану.) Гдѣ это тебѣ Богъ красоты-то прибавилъ, а? ну-ка сказывай, безпутный?

Степанъ. (Махнувъ рукой.) Отстаньте... Все вамъ знать надо... Зачѣмъ при людяхъ-то пытаете, — конфузъ одинъ...

Троег. (Печально.) Бесовѣстный ты, бесовѣстный... Не жалѣешь ты отца съ матерью... Ужъ вгонишь ты меня въ гробъ, вгонишь!..

Степанъ (Быстро останавливаясь передъ Троегубовой.) Кто, — я? Да вы, мамаша, съ ума спятили... При чемъ я тутъ? (ходить.)

Троег. Какъ при чемъ... Да, вѣдь, ты съ 17 лѣтъ дебоширишь... Сладу съ тобой нѣтъ, — отецъ-то вонъ выгнать хочетъ, а я, вѣдь, мать, мнѣ то каково все это знать да видѣть!

Степанъ. Пустое!.. А коли и выгонитъ, — я не пропаду... Мнѣ ужъ давно въ вашихъ хороминахъ тошно... глаза-бы мои ни на что не глядѣли... Въ работники наймусь, кули на пристани таскать буду, да только бы мнѣ вашихъ рацей не слышать (Остановясь предъ Сквалыгиной). Вотъ вы, Анна Панкратовна, я знаю, — все на ихъ руку тянете, потому иначе нельзя... язычкомъ кормитесь, — а и вы, я думаю, коли бы у васъ сынъ былъ, не стали бы его такъ конфузить да на заперти держать, какъ они меня...

Троег. (Иронически) Тебя и удержишь... Да ты всѣ цѣпи перегрызешь. А на счетъ конфуза, такъ ты насъ всѣхъ пере-конфузишь...

Степанъ. (Горячась). Оно и видать... Нѣтъ, вы меня конфузите-съ на каждомъ шагу... Протянешь руку за рюмкой вина въ гостяхъ, а бы, либо папаша сейчасъ натацію: „больше одной не пей, а не то...“ Знаемъ мы это „не-то“... Давиться я разъ изъ-за этого самаго „не то“ насмѣлился, да, вишь, веревка лопнула.., эхъ! (махнувъ рукой, опять ходить.)

Сквал. (Тихо.) Не раздражайте его, Оекла Ивановна, а то онъ еще больше остервится, да еще и меня отчитывать примется... не раздражайте...



Троег. (Тихо.) Да, вѣдь, дитю то свое... болить сердце-то... какъ ину пору не взѣвшись... (Вздыхаетъ и охаетъ). Охъ, охъ!.. вотъ опять подъ ложечкой защемило... подъ сердце-то ровно клубокъ подкатывается... Охъ, охъ!.. (Стонетъ).

Степанъ. (Участливо.) Вотъ и вамъ вредно раздражаться-то.. Ужъ сидѣли-бы вы со своими клубками на своей половинѣ, а то туда-же антимонію разводить лѣзутъ...

Троег. (Вставъ, беретъ Сквагыгину подъ руку.) Охъ, охъ!.. Изводитъ онъ меня, окаянный, совсѣмъ изводитъ... Умру безъ покаянія? Охъ! Анна Панкратовна помоги мнѣ въ свою комнату проползти. (Идетъ съ Сквагыгиной подъ руку въ дверь налѣво, но останавливается и грозитъ пальцемъ Степану.) Иди, иди въ свою комнату, не попадайся на глаза отцу съ этакой рожей,—вѣдь, опять у васъ баталія произойдетъ... Спрячься ты, сдѣлай милость, пожалѣй меня... (Троегубова и Сквагыгина уходятъ; Сквагыгина оставляетъ на столѣ свою работу).

### ЯВЛЕНИЕ 3.

Степанъ (одинъ; садится, оглядываясь, и закуриваетъ).

Степанъ. Фу, обалдѣлъ я съ ними совсѣмъ! что тятенька, что маменька--оба лучше.. Одинъ пилить съ утра до ночи, а другой--ходу не даетъ... Все строгости... Курить—и то кури крадучись... Въ праздникъ и то погулять не смѣй... Тьфу! (Ходитъ.) А ежели возьмешь на чтонибудь сотню, другую—цѣлый ковардакъ подыметъ... Аршинъ переломить объ тебя не задумается... Нынче счета изломалъ... Хорошо еще, что не въ мою голову угодалъ, а въ Васькину... А то гирей пустить... Вотъ те и родитель! (Горячась.) А, вѣдь, мнѣ жить хочется... Я молодой человекъ, не дѣвка красная,—мнѣ и то и другое подай, а они объ этомъ и не думаютъ!.. Имъ что, у нихъ деньжищъ куры не клюютъ,—теперь вонъ направо налѣво во такъ и пошвыриваютъ,—теперь вонъ весь городъ на гулянку зоветъ... А я ничего не смѣй!.. Конфузъ одинъ!.. Тьфу! (Поправляетъ повязку, идетъ къ входной двери.) Эй, Лукерья, Лукерья Митревна... Оглохла, что-ли? (Входитъ Лукерья).

### ЯВЛЕНИЕ 4.

#### Степанъ и Лукерья.

Степанъ. (Доставая изъ кармана деньги и записку.) Ну-ка, Луша, найди-ка когонибудь во дворѣ, да спосылай въ аптеку... Тутъ вотъ прописано, дадутъ смазь...

Лукерья. (Зорко смотритъ на Степана). Гдѣ это тебѣ разважили?



Степанъ (Досадливо.) Ахъ, да отвяжитесь вы всѣ отъ меня... Гдѣ... извѣстно гдѣ... А тебѣ какое дѣло?...

Лукерья. Опять, поди, на войнишкѣ смазали?..

Степанъ. Ну и смазали... Тебѣ что—завидно, что-ли?

Лукерья. Мнѣ не че завидовать... Слава Богу, когда мужъ то живой былъ, почище твоихъ фонари-то нашивала... (Вздыхнувъ.) Кто-жъ это тебя? Поди, опять Егорка?

Степанъ. (Оживленно). Иди ты со своимъ Егоркой... Что мнѣ твой Егорка? Онъ мнѣ на одну руку, я его слѣвши уберу.

Лукерья. (Насмѣшливо). Видать... Ишь ты красивый какой издался!

Степанъ. Чего видать? А ты вотъ спроси-ка, спроси у Ермолая: онъ видѣлъ, какъ я на прошлой недѣли этого самого Егорку саданулъ... Все рождество вдребезги... А то Егорка!

Лукерья. Ну, такъ кто-жъ, коли не Егорка? Ловчая его никто на войнишкѣ не дерется.

Степанъ. Много ты знаешь... Коли не знаешь, такъ ужъ молчала-бы... Говорю не Егорка (останавливаясь). А вотъ видишь-ли ты... (Оживляясь.) Шли стѣна на стѣну... До самого конца прошли, къ бугру подходить стали, а тутъ и тово... Выскочилъ на меня парень... здоровенный такой... Нарочно его съ пасѣки выписывали... Ну и царапнулъ онъ меня... Повѣришь-ли—не то брызги, не то камни самоцвѣтные изъ глазъ посыпались... лихо, шельмецъ, смазалъ... Послѣ ему—что вина пропоилъ... Бабайкой звать, изъ черкесовъ будетъ...

Лукерья. И ништо тебѣ, озорному... ништо... кабы я твоя мать, либо жена была, такъ я бы тебѣ...

Степанъ. (Зажимая ей ротъ). Ну-ну-ну-ну, ты не заѣдайся...

Лукерья. (Отстраняя руки Степана). Чего мнѣ заѣдаться-то, я правду говорю... Постыдился бы ты... Вѣдь, Данило Кузьмичъ, видать, шишкой здѣся будетъ, а ты что?..

Степанъ. Ну—будетъ, либо нѣтъ,—это не нашего съ тобой ума дѣло... Ты, вотъ, спосылай-ка, Лукерьюшка, въ аптеку-то, а я пока тутъ побуду,—у маменьки деньженокъ перехватить надо,—будто, на примѣръ, на излѣченіе... Вотъ пережду пока Кикимора Понкратовна уйдетъ. (Лукерья уходитъ).

явление 5.

Степанъ (одинъ)

Степанъ. (Подходя къ окну). Аблай, Пестря!.. Усь, усь его... Чужой!.. Усь, усь!.. (Свистить). Ишь, дармоѣды проклятые... Хозяйское добро не жалко... Пестря... Шарикъ!.. возьми его... Сенька, науськай собакъ на этого жигана... Ишь онъ къ завознѣ лѣзетъ... Чортъ этакой!.. Слямзнетъ еще чегонибудь...



да ребяташекъ гони по шеѣ, ни щепочки имъ не давай... (Входятъ Леночка и Пискаревъ).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Леночка, Степанъ и Пискаревъ.

Леночка. Фу, Боже мой, какъ я устала! Ну, и жара!.. (Снимаетъ шляпку, кладетъ на столъ зонтикъ).

Пискаревъ. (Снимая фуражку.) А я, представьте, нисколечко не усталъ.

Леночка. (Подойдя къ зеркалу). Да, вѣдь, вы мужчина, вамъ стыдно было-бы сознаться въ этомъ (охорашивается.)

Степанъ. (Дѣлая въ окно знаки.) Усь, Аблайка, дави его... жми!.. Ахъ вы дьяволы этакіе... Сенька, тебѣ я говорю или нѣтъ!.. Дави, дави, якорь васъ! хозяйское добро не бережете... Вездѣ мнѣ самому надо... Ну—погодите, коли такъ!.. (Бѣжитъ къ средней двери, схватываетъ со стола зонтикъ Леночки.)

Леночка. (Повернувшись.) Степанъ! Степанъ! Что ты,—съ ума сошелъ, что-ли?..

Степанъ. (Опомнясь, бросаетъ зонтикъ. Пискаревъ поднимаетъ его, отряхиваетъ, дуетъ на зонтикъ и кладетъ на столъ.) А чортъ бы васъ побралъ!.. Вѣчно эти бабы причиндалы... (Убѣжалъ).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Леночка и Пискаревъ.

Леночка. (Опять охорашивается). Вотъ бѣшенный-то... съ жару, что-ли?.. Въ прошлый разъ онъ вотъ этакъ-же... сидѣлъ, сидѣлъ у меня въ комнатѣ, да вдругъ и увидѣлъ, что на улицѣ какой-то его пріятель идетъ... Перекинулся мой Степанъ въ окно,—ужь о чемъ они говорили—я, право, не знаю... Только вдругъ—схватилъ у меня прессъ-папье съ письменнаго стола и швырнулъ его за окошко... хохочетъ. Въ самый, говоритъ, затылокъ угодалъ!.. Чудакъ!

Пискаревъ. (Снисходительно улыбаясь). Однако, я думаю, что эти чудачества вашему братцу не дешево стоятъ (садится).

Леночка. Ему что; вотъ папашѣ—тому дѣйствительно не дешево. (Подходитъ къ столу, достаетъ карты).

Пискаревъ. А, вѣдь, все это можетъ очень печально окончиться, если Степанъ Данилычъ не уймется...

Леночка. (Садясь къ столу, тасуетъ карты.) Ну—у папаши вся палиція—знакомые люди... опять-же вотъ говорятъ, что папашу головой выберутъ...



Пискаревъ. А знаете-ли, что я вамъ скажу?.. Вѣдь, это очень хорошо будетъ, если папашу вашего въ головы выберутъ...

Леночка. Почему?

Пискаревъ. Да какъ-же... Софья Петровна все хлопочетъ, чтобы ей школу ремонтировали, а теперь все только тормазы... Съ вашимъ папой говорить можно... Вы, наконецъ, на него повліяете... онъ и посодѣйствуетъ...

Леночка. (Оживленно.) А я совсѣмъ другое придумала... Только чуръ—это пока секретъ... Никому не скажете?

Пискаревъ. Ну, вотъ еще—съ какой стати...

Леночка. То-то-же... Какъ вотъ-только уgomонится вся эта суматоха—постройка у отца кончится, въ головы его выберутъ, —я, знаете-ли, хочу устроить спектакль.. Актеровъ найдемъ... да и не очень тутъ хорошіе актеры нужны...

Пискаревъ. Но, все таки, я думаю...

Леночка. Не перебивайте... Я знаю эти спектакли.. мнѣ Софья Петрова рассказывала; когда она была учительницей въ Перегонскѣ,—она сама играла...

Пискаревъ. Да неужели?..

Леночка. Ей Богу, говорить, играла.. И какъ это весело... Репетиціи, танцы, хлопоты, суета.. Потомъ на сценѣ подрумяниться можно, чтобы покрасивѣе быть... А кто сѣдой—парикъ надѣнетъ и за молодого сойдетъ... Ахъ, это очень, очень весело...

Пискаревъ. Только не соберешь публику, народецъ здѣсь такой, что театръ считаютъ бѣсовскимъ новожденіемъ.. Мнѣ крестный говорилъ... У него случай былъ... одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ сельскаго учителя въ церковь постомъ не допускалъ за то, что учитель въ спектаклѣ гдѣ-то выступалъ и въ газетахъ о немъ, какъ о хорошемъ актерѣ, отзывались...

Леночка. Ну, все это пустяки.. Я думаю, что намъ удастся устроить спектакль.. Липочку попрошу играть, она любитъ все новое... Исправникъ билеты распродастъ... Для папашы онъ это сдѣлаетъ... Соберемъ деньги и школу отремонтируемъ...

Пискаревъ. Давай Богъ! Только я сомнѣваюсь—выйдетъ-ли чтонибудь?..

Леночка. Эхъ вы, кислятина такая... Ну и не выйдетъ, а мы въ другой разъ попробуемъ... Небойсь выйдетъ, коли захотимъ... Сборъ будетъ. Вѣдь, здѣсь не пьесу пойдутъ смотрѣть, а актеровъ. Кто какъ одѣнется, кто за кѣмъ ухаживать на сценѣ будетъ, въ самомъ дѣлѣ или нарочно...—все это такъ интересно... Вообще, здѣсь большое поле почесать языкъ на счетъ устроителей, а потомъ на цѣлый годъ сплетни... Очень хорошо!.. Но,—это дѣло будущаго... (пауза) Давайте (зѣваетъ и улыбается), чѣмъ строить воздушные замки, сразимся-ка въ



шестдесятъ шесть, а то „всякъ въ свои козыри“... (Въ двери показывается Сквалыгина. Она, притаившись, останавливается у самыхъ дверей.) Вы, какую масть выберете?

Пискаревъ. А вы какая дама? Бубновая?

Леночка. Нѣтъ, мнѣ всегда на червонную ворожатъ... Ну-съ?..

Пискаревъ. Такъ я беру себѣ червонную масть; а вы?

Леночка. А я... а я... пиковую... ха-ха-ха!

Пискаревъ. (Улыбаясь) Почему-же пиковую?

Леночка. Потому... (Таинственно) потому что я, дѣйствительно, можетъ быть, буду пиковой дамой... Это мнѣ и кикимора вывораживаетъ. (Сквалыгина дѣлаетъ движеніе.) Знаете, какая она пройдоха... Нынче Лукерья къ куму въ команду ходила, такъ и тамъ кикимору знаютъ, да что говорятъ-то...

Пискаревъ. Любопытно, что наша титулярная совѣтница въ командѣ стряпаетъ.

Леночка. Маіоръ ее свахой выбралъ, фельдфебеля къ ней посылалъ. (Сквалыгина, махнувъ рукой, скрывается). А нынче, я сама видѣла, идетъ наша Анна Панкратовна съ дозора, а сзади нея солдатъ ей туязки съ чѣмъ-то тащить... она такая важная, такъ и вышагиваетъ... Едва поклонилась...

Пискаревъ. (Машинально играя въ карты.) Чтожъ они съ маіоромъ, въ самомъ дѣлѣ, въ васъ прицѣливаются?

Леночка. (Съ усмѣшкой.) Маіоръ, я знаю, очень ко мнѣ неравнодушенъ...

Пискаревъ. Да, вѣдь, ему сто лѣтъ въ субботу, его давно пора въ инвалидный капиталъ перечислить...

Леночка. Вотъ вы и перечисляйте, а онъ возьметъ да за меня и посватается...

Пискаревъ. (Тревожно.) А вы что ему отвѣтите?

Леночка. (Лукаво.) Что мнѣ ему отвѣчать. Ему и безъ меня отвѣтятъ: „съ полнымъ, молъ удовольствіемъ“... Развѣ меня спросятъ? Вонъ Липочка Коркина вышла-же замужъ за вашего казначея,—ей 21 годъ, не больше, а ему тоже около 100 лѣтъ въ субботу...

Пискаревъ. Но, вѣдь, Липочка дура...

Леночка. Это только по вашему. Ее вездѣ теперь принимаютъ, какъ барыню... Стражники ей извозчиковъ кличутъ, изъ лавокъ покупки приказчики выносятъ, кланяются ей,—вотъ вамъ и дура...

Пискаревъ. И васъ не возмущаетъ подобный бракъ.

Леночка. Чего-жъ тутъ возмущаться-то... Не нами это началось, не нами и кончится... Сегодня Липочка выйдетъ за казначея, завтра я—за маіора... Такъ ужъ, видно, намъ на роду написано...



Пискаревъ. (Бросая карты, встаетъ; взволнованно.) Нѣтъ, это невозможно-съ!

Леночка. (Шутливо сердится). Вы что карты-то, милый человѣкъ, бросили? (Разсматриваетъ карты.) Ага! понимаю... У меня была карта на карту, а вы при печальномъ интересѣ.. поздравляю... Да сядьте... Бросимъ говорить обо всѣхъ этихъ Липочкахъ, надоѣло...

Пискаревъ. (Взволнованно.) Елена Даниловна!.. Мы съ вами не первый день другъ друга знаемъ... Вы, смѣю думать, знаете меня не съ дурной стороны... А я... а я... (Ерошитъ волосы) страшно мнѣ выговорить, что я чувствую...

Леночка. (Шутливо.) Страшно, такъ вы лучше и не говорите; я смерть какая трусиха... Я, напр., мышей видѣть не могу...

Пискаревъ. Ахъ, полноте... (Ерошитъ волосы.) Если, однимъ словомъ, вы будете замужемъ за маіоромъ...

Леночка. Ну-съ?

Пискаревъ. (Отчаянно.) Я пулю себѣ въ лобъ пушу...

Леночка. (Струсивъ, растерянно.) А васъ... васъ отпѣвать не будутъ...

Пискаревъ. И не надо... (мрачно.) Пусть схоронятъ меня, гдѣ хотятъ, но жить я уже буду не въ силахъ...

Леночка. (Въ замѣшательствѣ тасуя карты.) Слушайте... (наклоняется въ сторону.) Вы въ самомъ дѣлѣ застрѣлиться хотите, или такъ, какъ въ книгахъ—страцаете только..

Пискаревъ. (Мрачно.) Въ самомъ дѣлѣ... Къ чему мнѣ жить?

Леночка. (Робко, наивно.) Вотъ вы какой... Я и не знала... Ну какъ же я сдѣлаю, коли маіоръ за меня посватается; меня вѣдь не спросятъ, а возьмутъ да и отдадутъ ему,—тутъ ужъ ничего не подѣлаешь...

Пискаревъ. (Беретъ Леночку за руку). А вы не идите...

Леночка. А какъ я сдѣлаю это? Пустите руку-то...

Пискаревъ. Ради всего святого не идите ни за маіора, ни за кого... (горячо.) Не идите.. Я, знаете ли, перестрѣляю и этого маіора, и этихъ проклятыхъ кикиморъ, я на все пойду, но вы ни за кого не идите...

Леночка. (Въ раздумьѣ.) Вотъ вы какой... Я и не знала... Страшный... Вы еще и меня убьете... (Пытливо смотритъ на него. Въ дверяхъ снова показывается Сквалыгина).

Пискаревъ. (Горячо.) Я жизни не пожалѣю для васъ, вы для меня въ ней самое дорогое... и еслибъ я зналъ, что вы хоть немного любите меня... (Наклоняясь къ Леночкѣ). Скажите, скажите хоть одно слово...

Леночка. (Наклоняясь къ столу). Какой вы... я и не знала...



П и с к а р е в ъ. Нѣтъ, я чувствую, что вы меня любите... Да, да?.. Да говорите же, говорите (хочетъ заглянуть Леночкѣ въ глаза).

Л е н о ч к а. (Вырывая руку). Какой вы... пустите руку-то... Ну что я вамъ скажу, если я ничего не знаю... (Улыбаясь, глядитъ на него).

П и с к а р е в ъ. (Схватываетъ Леночку за руку и цѣлуетъ ея руку). Милая, дорогая моя!.. Вѣдь вы все для меня, вся жизнь... (Страстно). Во что бы то ни стало, а я добьюсь согласія на нашъ бракъ... Теперь во мнѣ столько энергіи, силы... (Весело). Теперь — я любому маіору 20 очковъ впередъ дамъ, а если мнѣ эта кикимора станетъ поперекъ дороги...

#### ЯВЛЕНИЕ 8

Л е н о ч к а, П и с к а р е в ъ и С к в а л ы г и н а.

С к в а л ы г и н а. (Затыкая уши, топчется на мѣстѣ). Гдѣ это я свое кружево покинула. (Леночка вскакиваетъ, отходитъ въ сторону). Не то на этомъ столѣ, не то у Ѳеклы Ивановны...

Л е н о ч к а (Сконфуженно). Вѣчно вы со своимъ кружевомъ... растеряха какая... (Смотритъ по столамъ). Не видать здѣсь, вѣроятно, у мамыши оставили... (Тихо, проходя мимо Пискарева). Она все видѣла и теперь бѣда!..

П и с к а р е в ъ. (Тихо.) Не беспокойтесь... (Идетъ къ Сквалыгиной). А меня-то вы и не видите, почтеннѣйшая Анна Панкратовна... Честь имѣю кланяться, — здравствуйте...

С к в а л. (Какъ ни въ чемъ не бывало). Здравствуйте, мосье Пискаревъ. (Взглядывая на Леночку). Батюшки, да и милый ангелъ нашъ Леночка тутъ, а я тебя со слѣпу то и не вижу... (Цѣлуетъ ее). А я вошла сюда, кажется мнѣ, будто здѣсь бормочетъ кто... Ну — думаю — не Данило-ли Кузьмичъ про дѣла свои съ кѣмъ совѣтуется... Взяла да уши себѣ заткнула... Оно, вѣдь, иной разъ услышишь что, такъ себѣ, ненарокомъ, — анъ, глядь, и сплетни пошли.. да еще на тебя подумаютъ, — ты, молъ, разблаговѣстила... Я ужъ теперь себѣ на умѣ: чуть что — заткну уши и спокойна... ничего не слыхала, ничего не видала...

П и с к а р. (Внушительно). Вы, собственно говоря, напрасно это дѣлаете... У насъ здѣсь не только уши, но и ротъ затыкать умѣютъ...

Л е н о ч к а. (Смущенная). А я все васъ вспоминала, Анна Панкратовна... Что это, думаю, не идетъ? и поворожить некому... Мамаша цыганокъ и во дворъ пускать не велѣла, нынче у нея любимую курицу онѣ унесли...



С к в а л. (Лаская Леночку и скося глядя на Пискарева). По-  
годи, моя милая, малость... Не до картъ мнѣ теперь, о своемъ  
дѣлѣ все хлопочу... Тяжбу затѣяла... А вотъ кончу—ну и выво-  
рожу тебѣ жениха ха-арошаго, бла-агороднаго. (Дѣловито).  
Кстати ужъ вотъ. человѣка то встрѣтила... Я вѣдь малограмотная.  
Вы, мосье Пискаревъ, не присовѣтуете-ли... Какъ мнѣ просьбу  
подписать надо: титюлярная совѣтница, или тутулярная?..

П и с к а р е в ъ. (Весело), Пишите, матушка, просто „тютю“,  
а тамъ росчеркъ... Начальство, будьте увѣрены, разберетъ. (Бе-  
ретъ шапку, подходитъ къ Леночкѣ). Ну-съ Елена Даниловна,  
я пойду... Вечеромъ, коли дождя не будетъ, сходимте-ка къ  
Софьѣ Петровнѣ, поговоримъ кое о чемъ...

С к в а л ы г. Ахъ, ужъ эта Софья Петровна... Подальше бы  
вы, молодежь, отъ нея были...

Л е н о ч к а. Зачѣмъ-же это, она славная,—добрая, умная,—  
съ ней только и душу отвести можно...

С к в а л ы г. (Таинственно). Сицилистка, говорятъ, она... Въ  
церковь не ходитъ, отъ всѣхъ сторонится, ни у исправницы,  
ни у батюшки не бываетъ.

П и с к а р е в ъ. Пустое вы все болтаете... Потому и не хо-  
дитъ въ церковь, что некогда...

С к в а л. (Съ ужасомъ). Богу молиться некогда? Да вы что,  
бѣлены, что-ли, обѣлись...

П и с к а р е в ъ. (Леночкѣ). Такъ пойдемъ?

Л е н о ч к а. Заходите, тамъ видно будетъ...

П и с к а р е в ъ. (Кланаясь). Честь имѣю кланяться, госпожа  
„тютю“...

С к в а л ы г. (Отмахиваясь) Иди ужъ, просмѣшникъ этакой...  
Только бы вамъ, молодымъ людямъ, зубы скалить, да за ба-  
рышнями ухлестывать... Иди ужъ! (Пискаревъ уходитъ).

#### ЯВЛЕНИЕ 9.

#### Л е н о ч к а и С к в а л ы г и н а.

С к в а л. (Смотритъ на Леночку въ упоръ). Ты что это, ма-  
тушка, съ ума, что-ли, спятила? (Леночка отвертывается въ сто-  
рону) нѣшто такъ хорошо? А кабы маменька твоя увидала, какъ  
вы тутъ любезничаєте, — вѣдь у нея сразу-бы тридцать клубковъ  
подъ сердце подкатилось...

Л е н о ч к а. (Отрывисто). Оставьте, это не ваше дѣло...

С к в а л. Стыдно, матушка, стыдно... Не пара онъ тебѣ...  
Отецъ твой городскимъ головой будетъ, а ты что дѣлаешь...

Л е н о ч к а. (Нетерпѣливо). А что я дѣлаю?—Правда, сплет-  
ничать я не умѣю,—но поживу-- научите...



Сквалыг. Да ты не сердись... Я говорю любя... Тебѣ благороднаго жениха надо,—а не этакую шушеру, писаришку,—тьфу!...

Леночка. Оставьте вы меня... Какое вамъ до меня дѣло...

Сквал. Какъ какое дѣло? Да вѣдь маіоръ-то мнѣ честь дѣлаетъ, я отъ его имени переговоры веду... и ты это хорошо знаешь...

Леночка. Ну—ладно, и ведите вы свои переговоры, а меня не трогайте... (Иронически, горько). Будетъ время, можетъ, и достигнете цѣли... (Нервно, порывисто). Только знайте одно: если мнѣ прикажутъ маіоршей быть—я... я не знаю, что я тогда сдѣлаю... слышите?

Сквал. Ужъ это мое дѣло, а вы помните, что я вамъ сказала (Быстро уходитъ налѣво).

#### ЯВЛЕНІЕ 10.

Сквалыгина (одна).

Сквал. (Глядя ей вслѣдъ). Ишь ты перецъ какой горошчатый... Ну, дѣточки у тебя, Оекла Ивановна! Озорныя дѣточки! У сыночка синяки съ лица не сходятъ, а эта—то и гляди утопится... (Пауза). Ну, да нѣтъ, мы тебѣ этого не позволимъ... Я—ухъ—какъ вашего брата знаю... Пойду вотъ къ маіору, да все ему и выложу,—пусть унтера предоставить, чтобы доглядывалъ... Врешь—не утопишься (Идетъ къ средней двери, въ которую входятъ Троегубовъ и исправникъ).

#### ЯВЛЕНІЕ 11.

Сквалыгина, Троегубовъ и Исправникъ.

Сквалыгина. (Низко кланяясь). Здравствуйте, Данило Кузьмичъ, здравствуйте, Михаилъ Григорьевичъ...

Троегубовъ. Здорово, кума, здорово. (Проходитъ на авансцену).

Исправникъ. Мое почтеніе! Все-ли у васъ въ добромъ здоровьѣ... Какъ живете?..

Сквалыг. Вашими молитвами, батюшка, ни шатко, ни валко, ни на сторону...

Исправникъ. А за маіора молитесь? (Садится къ столу, курить).

Сквалыг. Что вы маіора-то поддегиваете.. Конечно, и за него молюсь; я женщина бла-ародная и знакомство веду завсегда съ бла-ародными.

Троегубовъ. Такъ, такъ, кума,—рѣжь его, рѣжь.



Сквалыг. Что мнѣ его рѣзать... Я къ слову... Ну—да съ вами мнѣ тутъ дѣлать нечего... Засвиданія! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЯ 12.

Исправникъ и Троегубовъ.

Исправникъ. Коваль баба. На обухѣ рожь молотить...

Троегубовъ. Знамо дѣло, чиновница, видала, поди, видовъ-то. (Усаживается поудобнѣе). Ну такъ какъ-же, Михаилъ Григорьевичъ, мы это дѣло съ тобой порѣшимъ, а?

Исправникъ. Я уже все сказалъ. Теперь же за тобой дѣло...

Троегубовъ. Тэксь-съ!.. (Барабанить по столу). Теперича, значить, выходитъ такъ... На школу 500 рублей, чтобы въ газетахъ пропечатали... на бла-устройство 200,—значить, выходитъ, примѣрно, 700 рублей... Въ губернію пару сѣрояблочныхъ въ дышло и тебѣ воронка.—такъ, что-ли?

Исправникъ. Мнѣ воронка даромъ не надо. Я взяткъ не беру. Пора-бы, кажется, знать объ этомъ... Я за воронка хоть сейчасъ полсотни уплатить могу.

Троег. Да вѣдь онъ мнѣ четыреста рублей стоитъ,—полукровокъ вѣдь,—самъ, чай, свидѣтельство-то видѣлъ...

Испр. Ну такъ что жъ изъ того, что четыреста.. Развѣ все за свою цѣну продать можно... Вѣдь, это глядя по покупателю... (Хлопаетъ Троегубова по плечу). Ты мнѣ уступи, а я тебѣ сдѣлаю все, что надо, ужъ не безпокойся...

Троег. (Вдыхая). Да ладно ужъ... Обдѣлывай только все, какъ ни на есть получше, а воронка магоментально представлю...

Испр. Мнѣ что, мнѣ все это пустяки... Обѣду избирателей, попрошу и дѣло въ шляпѣ. Которыхъ кротостью, которыхъ строгостью, поприжать можно, если понадобится.. Да нѣтъ, тебя здѣсь всѣ знаютъ и уважаютъ. Пройдешь и головой будешь...

Троег. (Задумчиво). Ну, а это ничего, что малограмотный?

Испр. Пустяки... Головѣ этого не потребуется... Подписать свою фамилію могишь?..

Троег. Церковно-славянскими буквами, а по свѣтскому все сбиваюсь... Ужъ Оленушка смаялаясь со мной...

Испр. Ничего... А то именную печать заведи, или штемпель гуттаперчевый,—теперь они въ ходу... Губернаторъ и тотъ на предписаніяхъ не подписывается,—тамгу кладетъ...

Троег. Ну, а слыхалъ я, что голова рѣчи долженъ говорить...

Исправ. Ну такъ что-жъ, ну и говори...

Троег. (Чешетъ затылокъ). Вотъ тутъ я ничего и не доспѣю... Вѣдь, рѣчи-то эти уместенно надо говорить,—а мнѣ грамота не далась...



Испр. Эхъ, братъ, не то ты поешь... Да нѣшто Андрей Спиридоновичъ, нынѣшній-то голова, умнѣе тебя... Да вѣдь онъ тремъ псамъ корму не раздастъ, не то что ему головой быть, я бы его въ стражники не взялъ... А, вѣдь, вотъ, поди, слыхалъ, и рѣчи говорятъ, и депутатомъ ѣздить... Разъ у одного полнаго генерала ручку цѣловать полѣзъ,—такъ со стыда гласные-то—поумнѣе сгорѣли... Ты только секретаря себѣ путнаго заведи, а не мямлю какую, какъ недавно посадили... Этого смахнуть надо. (Таинственно). Есть, братъ, слухъ, что онъ въ газеты пишетъ, а намъ такихъ не надобно... Ихъ, братъ, писателей-то этихъ, отовсюду прутъ, потому зловердство отъ нихъ и все прочее...

Троег. Такъ-съ... это дѣвствительно... (барабанить по столу).

Испр. Я тебѣ дамъ секретаря... Шельма мужикъ и умница. Только ты его къ кассѣ не допускай, на руку малость тово... Чуть что—цапнетъ и улизнетъ. (Таинственно). Въ двухъ волостяхъ писаремъ подъ чужимъ именемъ служилъ, тысячъ на 5 эти волости огрѣлъ, а изъ воды сухъ вышелъ... Деляга парень...

Троег. Да ужъ дѣлай какъ ни на есть получше...

Испр. Рѣчи онъ тебя со словъ выучивать будетъ...

Троег. Какъ это со словъ?

Испр. Да, вѣдь, скворцевъ и сорокъ, милый другъ, выучиваютъ-же, а ты, слава Богу, человѣкъ... Отшлифуемъ, только не скупись...

Троег. Да я что, я не постою за деньгами... Охота мнѣ больно головой-то быть и въ цѣпи этой самой посидѣть.

Испр. И на цѣпи посидишь, погоди, придетъ время. (Оба смѣются).

Троег. (Вдругъ тревожно). Только-бы то дѣло какъ не выплыло...

Испр. Какое?

Троег. Да про сидѣльца то...

Испр. (Подумавъ, воспоминаетъ). А помню... помню... Такъ что же это дѣло вспоминать,—вѣдь, оно кончено... Вѣдь, тебѣ его приносилъ столоначальникъ.

Троег. Приносилъ и въ печкѣ мы это дѣло вмѣстѣ съ нимъ сожгли, а только у меня тутъ сумлѣніе...

Испр. Какое-же тутъ можетъ быть сумлѣніе? Дѣло объ этомъ убійствѣ шло по почтѣ сюда; получилъ его столоначальникъ Ахметджани,—затѣмъ, утратилъ его и пошелъ подъ судъ... Тебѣ то что?

Троег. Какъ что. Да, вѣдь, Ахметджани-то дѣло при моихъ глазахъ сжегъ..

Испр. Ну, и прекрасно..

Троег. Ничего тутъ прекраснаго нѣтъ... Мерзавецъ твой Ахметджани и больше ничего... Взялъ три тысячи, и надулъ!



Испр. Какъ надулъ, можетъ-ли это быть?..

Троегуб. Стало быть, можетъ... (Озираясь, шепотомъ). Дѣло-то настоящее обо мнѣ онъ спряталъ, а мнѣ копѣи съ него принесъ... Мнѣ гдѣ было распознать, я малограмотный, а при-совѣтовать кого попросить,—не насмѣлился...

Испр. Пустяки!.. У меня цѣлая переписка есть объ утратѣ этого дѣла столоначальникомъ Ахметджани... И не вѣрь ты тому что не настоящее дѣло сожегъ... Вѣдь, мнѣ все извѣстно... Ахметджани мнѣ солгать не посмѣетъ, поселюга вѣдь: я его въ бара-ній рогъ согну... Плюнь ты на это дѣло.

Троег. (Успокаиваясь). Ну, смотри, я на тебя, Михаилъ Григорьевичъ, надѣюсь,—ужъ не дай въ обиду...

Испр. Ну—вотъ еще! (Мнется). Видишь-ли, что я хочу тебѣ поговорить... тутъ—казенныя деньги были у меня... немного. тысячи двѣ съ хвостикомъ... Ну, и вотъ видишь-ли ты, шуллеръ одинъ къ намъ сюда прѣхалъ...

Троег. Это тотъ, что отсюда 7 тысячъ увезъ?

Испр. Не семь, меньше немного, а все увезъ, бестія. Да ты постой. Ты выслушай... Поѣхалъ я его накрывать. Засталъ въ собраніи. Играетъ, подлець, чисто... Заинтересовался я, ну поставилъ карточку... Бьетъ, мерзавецъ... Я другую,—бьетъ! потомъ третью... хлестко, мерзавецъ, бьетъ... Такъ я ему 2000 и про-садилъ...

Троег. Да—ну, казенныхъ-то?

Испр. (Разводя руками). Ничего не подѣлаешь! Обыграть я его, каналью, хотѣлъ... (Мнется). Ну, арестовалъ, съ Тимкой въ полицію отправилъ,—думалъ—прѣду и всѣ свои денежки отберу, не тутъ-то было. Тимка его на всѣ четыре стороны отпустилъ... Убѣгъ, говоритъ, ваше высокородіе... Вѣдь, вотъ какіе продажные люди... Далъ я ему феферу,—потому, вѣдь, десятку, всего десятку съ шуллера негодяй взялъ.

Троег. За такое дѣло и вдругъ десятка. (Пожалъ плечами). Дешево-же у васъ въ полиціи нынче все стало...

Испр. Вотъ поди-жъ ты! (Мнется). Ну вотъ что, Данило Кузьмичъ, ужъ ты меня выручи... дай ты мнѣ эти 2000... не такъ, а подъ вексель (пауза). Я все для тебя сдѣлаю и голо-вой ты у меня будешь...

Троег. (Поглаживая бороду). Тэкъ-съ... тэкъ-съ... (Пауза). А годъ-то нынче знаешь какой? На ярмаркѣ ничего не продалъ... Сало дешево было, муку въ цѣнѣ шибко сбили... торговлишка идетъ плохо... А тутъ вотъ теперь туда да сюда подавай... го-родскому головѣ, ой-ой-ой, сколько расходовъ...

Испр. Да, вѣдь, я подъ вексель прошу, подъ вексель...

Троег. Что вексель,—я бы и такъ далъ, кабы были, а то вишь.., (Разводитъ руками. Пауза). Коли ежели рубликовъ 500-



600, а остальные перехватимъ гдѣ нибудь,—теперь время хорошее, на чугунку народъ все денежный ѣдетъ...

Испр. Да на кой мнѣ чортъ твои 500 р.? я взятку не беру,—слава Богу, не первый день меня знаешь... Занять—это ничего, а взять взятку—душа не принимаетъ, сохрани и помилуй...

Троег. Тэкъ-съ!.. (Барабанить по столу и зѣваетъ). И что это какой морокъ на дворѣ... Тайга, что-ли, горитъ...

Испр. Такъ не дашь?

Троег. Подумать надо. (Пауза). Бродягъ этихъ самихъ развелось—что грибовъ,—вотъ и палятъ...

Испр. Такъ подумай, а я пойду. (Встаетъ). Надо еще сегодня мѣсть пятнадцать объѣхать, а все о тебѣ, Данило Кузьмичъ, хлопочу... (Протягиваетъ Троегубову руку). Ну—до свиданія.

Троег. (Встаетъ, провожаетъ Исправника). Я, ежели что, такъ со Степаномъ Данилычемъ тебѣ пришлю... завтра, а то на дняхъ какъ нибудь... Кланяйся Палагеѣ Петровнѣ.. (Исправникъ уходитъ. Троегубовъ, въ раздумьи, стоитъ посреди комнаты).

ЯВЛЕНИЕ 13.

Троегубовъ (одинъ).

Троег. (Усмѣхаясь). Всѣмъ дай!.. Такъ и рвутъ дьяволы... Последнее выудить готовы... (Пауза). Только бы дѣло это проклятое опять наружу не выплыло... Просадилъ я въ него не мало...

А что какъ этотъ армяшка въ самомъ дѣлѣ не настоящія бумаги, а такъ ерунду какую сжегъ... (Задумывается). Вотъ она, темнота-то наша... Кабы грамотный былъ, не объегорили-бы... Оленушкѣ показать стыдно было... Безпремѣнно надо возлѣ себя нашему брату крапивное сѣмя держать,—вродѣ, будто, аблаката... (Махнувъ рукой). Э. будь, что будетъ! Не я первый, не я послѣдній... (Разглаживая бороду, смотритъ въ окно). Вѣдь, этакій домъ, какъ я строю, въ городѣ первымъ будетъ... Дворецъ! одно слово! (Облокотился). А славно, кабы выгорѣло... Буду головой, все начальство изъ губерніи у меня останавливаться будетъ... И всѣмъ я стану ворочать по своему... На меня въ тѣ поры протоколъ не напишешь, шалишь, Фирсовна... Все это я магоментально не допущу... Въ мундирѣ ходить буду, сабля на боку болтается, цѣпь побрякиваетъ,—важно... (Мечтая). Въ коммерціи совѣтники проскачу,—чья виноторговля? коммерціи совѣтника Троегубова,—знай нашихъ... (Входитъ Степанъ и становится бокомъ, повязкой къ входной двери).



## ЯВЛЕНИЕ 14.

Троегубовъ. (Оглядываясь). Ты что это безъ дѣла шляешься?

Степанъ. (Въ замѣшательствѣ). Да вотъ тутъ... счета не найду..

Троег. (Сурово). Кассу ты безъ счетовъ ловко учитываешь... Въ прошлый разъ для какой модели сотельную ахнулъ?

Степанъ. На Аѳонъ посылалъ,—обѣтъ давалъ...

Троег. Я тебѣ покажу, какой такой Аѳонъ есть... Дубина чертова... арысина этакая.. На пьянство твое, что-ли, я деньги то скапливалъ... Вотъ помани мое слово... умру, не будетъ тебѣ ни гроша... Я, братъ, все магоментально на Оленушку переведу, а ты по мнѣ хотъ подъ заплотомъ околѣй... (Замѣчая повязку). Кто это тебя раскрашивалъ?

Степанъ. Такъ... Въ потьмахъ, на притолку налетѣлъ...

Троег. То-то на притолку... А протокола не было?

Степанъ. Не было,—вотъ лопни у меня глаза...

Троег. И лопнуть, потому родителейъ не считаешь... Ладно, коли не врешь, что протокола не было... А то опять платить... И сколько ты у меня на эти безчестья денегъ растрешь, уму непостижимо... (Мѣняя тонъ). Ну, ладно пока... Слышь, Степанъ, завтра пораньше утречкомъ съѣзди ты въ Подосенское... Писаря, старосту повидай, смажь ихъ хотъ по красненькой, угости, да самъ много не пей... Чтобъ мнѣ они магоментально съ крестьянъ 2000 рублей собрали. Помнишь, хлѣбъ мы имъ въ долгъ отпускали. Слава Богу, 1½ года ждемъ, будетъ...

Степанъ. Это, папаша, за ту муку, что въ команду не взяли...

Троег. За нее самую. Я ихъ мангазею даромъ наполнять не обязанъ,—такъ и скажи... Ничего, отдадутъ, народъ денежный,—другимъ я бы и не повѣрилъ,, (Ходя по комнатѣ, соображая). Потомъ возьми эти 2000 рублей и свежи ихъ исправнику... Самому ему въ руки отдай, безъ свидѣтелей... Векселя не бери, не надо... Съ этихъ чертей все равно ничего не получишь, двадцатники.. Понялъ?

Степанъ. Чего тутъ не понять, понялъ... Только, папаша, скоро эти 2000 мнѣ не выходить,—сами знаете...

Троег. Ну что-жъ пробудь тамъ дня 2—3, по крайности касса безъ тебя цѣла будетъ... Только смотри—всѣ чистоганомъ передай...

Степанъ. Что вы, что вы, да нѣшто я позволю себѣ смухловать...

Троег. Я такъ, къ слову.. Еще бы ты меня обманывать сталъ... Этого только не доставало... Ужъ это послѣднее дѣло... Я бы тебя и на глаза не пушалъ... Нѣтъ, Степка, ужъ хотъ



этимъ-то мошенствомъ ты меня не раздражай,—одно у меня вѣдь про тебя хорошее слово для людей: всѣмъ говорю: мотыга, разбойникъ у меня Степанъ, а парень честный... Ну, я къ матери пойду... А ты, пожалуйста, все это магоментально... (Уходитъ).

#### ЯВЛЕНИЕ 15.

Степанъ (одинъ).

Степанъ. (Приложивъ палецъ ко лбу, быстро выходитъ на авансцену). Вотъ повалило-то... Про подглазицу не догадался и порученіе далъ... Прямо-таки это счастье... Тутъ думай, не думай, а сто рублей деньги... Папаша даетъ исправнику взятку,—это къ ворожеѣ не ходи,—вѣрно. Въ прошлый разъ одному тутъ чиновнику я же пятьсотъ рублей возилъ да сотню и прикарманилъ... Ничего, онъ и 400 взялъ, да еще коньяку подалъ и на крыльцо провожать вышелъ... И лихо же я на эту сотнягу въ „Америкѣ“ козырнулъ... Стекла долой и стражника за трешницу съ лѣстницы спустилъ... (Потирая руки). Живетъ!.. Изъ этихъ 2000—рубликовъ 600 ахнуть не грѣхъ... А исправникъ—хоть и не жалуйся: папаша ему ни въ жисть не повѣритъ, а я сиротой прикинусь... (Повертываясь въ ту сторону, куда ушелъ Троегубовъ). Спасибо тебѣ, родитель дорогой! У тебя голова умная, да и у меня не безъ мозга... Нѣтъ, братъ, не помру я подъ заплотомъ, а и самъ городскимъ головой буду. Вотъ что!..

ЗАНАВѢСЪ).

Сибирякъ.

(До слѣдующей книжки).

## ЗВУКИ.

Есть звуки: врываються въ душу они  
И къ людямъ любовь пробуждаютъ,  
И бодрость въ ненастные, трудные дни,  
И вѣру, и силу вливаютъ...

\* \* \*

Отъ нихъ на глаза навернется слеза,—  
Изъ сердца она навернулась;  
Душа загорѣлась, вспорхнула душа,—  
Изъ мрака душа встрепенулась!..

Пав. — ловъ.



## По Алтаю.

(Окончаніе, — см. кн. VІІІ за т. годъ).

Теченіе Біи въ томъ мѣстѣ, гдѣ высится каменная стѣна Кипяткъ, очень быстрое и вода несется на эту каменную твердыню, при чемъ вода съ такою силою ударяется о камень, что отскакиваетъ отъ него волною, покрытою пѣною и брызгами, на нѣсколько сажень.

Проплыть мимо этого камня нужно много умѣнья. Плыть правой стороной Біи нельзя—мели, лѣвой или серединой—разобьетъ о камень, потому что лѣвая сторона рѣки и середина несутся прямо къ камню, и отъ этого теченія никакъ не отобьешься. Опытные вожаки дѣлаютъ такъ: не доѣзжая камня, они подплываютъ къ самому берегу, лѣвому, конечно, и, затѣмъ, пробираются впередъ возлѣ самаго камня.

Конечно, плоты сильно качаетъ и обдаетъ пѣною и брызгами прибоя, но, тѣмъ не менѣе, ударить о камень не можетъ, такъ какъ плоты прижались къ камню вплотъ. И горе тому вожаку, который пожелаетъ плыть теченіемъ. Онъ лишится непременно и плота, и товара...

Версты на три или на четыре ниже „Кипятку“ стоитъ и знаменитый „Сычъ“. Это—каменный мысъ, выдающійся съ праваго берега въ Бію сажень на 10-ть, вышиною не болѣе 4-хъ или 5-ти аршинъ. Мысъ этотъ очень не широкъ и похожъ формою своею на литовку. Камень этотъ для плотовъ опасенъ тѣмъ, что быстрая струя теченія Біи несется какъ разъ къ его вершинѣ, и плотъ, сильно ударившись о камень, разбивается, а потому опытные вожаки проплываютъ мимо его подъ лѣвымъ берегомъ Біи.

Теперь болѣе опасныя мѣста на Біи мы проплыли; но только плохо одно, что объ Иванѣ нашемъ съ задними плотами нѣтъ ни слуху, ни духу.

Если-бы онъ по слѣдамъ нашимъ ѣхалъ благополучно, то, во всякомъ случаѣ, былъ бы у насъ на виду, а если его нѣтъ—то, значитъ, что нибудь да не такъ. По предположеніемъ вожака, онъ, должно быть, гуляетъ въ пригонѣ, потому что если бы у него что нибудь разбило, хотя одинъ оплотокъ, то *въстники несчастія* насъ уже бы теперь догнали. Въстники эти—разбросанные теченіемъ бревна; они несутся внизъ чрезвычайно скоро.

Порѣшили остановиться и подождать. Причалили къ берегу, какъ разъ противъ займки, состоящей изъ большаго крестоваго дома, одна половина котораго только еще отстраивается. Михайло сошелъ съ плоту, взялъ коня и верхомъ поѣхалъ къ пригону—выручать свой плотъ. Зять пошелъ на займку проситься ночевать, а я, взявши двухстволку, вмѣстѣ съ рабочимъ,



умѣвшимъ хорошо исполнять обязанности охотничьей собаки, отправились вдоль по берегу. Не прошло и получаса, какъ мы убили шесть штукъ молодыхъ утятъ и седьмого стараго селезня. На ужинъ и намъ, и рабочимъ хватить; поэтому мы вернулись на плотъ и принялись чистить дичь.

Погода немного и зять съ займочникомъ-хозяиномъ пришли къ намъ на плотъ—приглашать насъ въ домъ. Оказалось, что займочникъ былъ Бійскій мѣщанинъ, купившій эту займку всего только другой годъ; прежній-же владѣлецъ ея прожилъ тутъ пять лѣтъ, но, *не моги ни чего подѣлать*, и домъ продалъ, и самъ перебрался на Лебедь: тамъ больше проживаетъ алтайцевъ да и народъ попроще,—значить, найдется кого *колпашить*...

Новый займочникъ, однако, мѣстомъ не нахвалится. Рыбка ни зимой, ни лѣтомъ,—только не лѣнись,—не переводится; дичи весной и осенью—сколько хочешь; травы отличныя,—коси, сколько нужно, а о пастбищахъ и говорить нечего. Въ огородахъ все родится отлично. Чего-же еще нужно? Зимой заѣзжіе обозные платятъ хорошо,—живи честно лишь и всегда полонъ домъ будетъ.

Вечеръ былъ теплый и тихій, а потому мы и порѣшили пить чай на плоту, а затѣмъ, купивши у хозяйки зелени разной и смѣтаны, мы тутъ-же на плоту и приготовили ужинъ изъ убитой дичи, половину которой отдали рабочимъ. Поужинали тутъ-же на плоту отлично; а спать отправились въ домъ займочника; ночевать-же на рѣкѣ дѣтямъ—сыро, а въ возкѣ—всѣмъ тѣсно.

Поутру мы встали часовъ въ пять и Михаила съ Иваномъ и съ плотами мы застали уже тутъ. Оказалось, что Иванъ, дѣйствительно, гулялъ въ пригонѣ часовъ, должно-быть, шесть, т. е. до тѣхъ поръ, пока его не выручилъ оттуда Михайло. Дѣло, по его словамъ, было такъ: когда они, оттолкнувши отъ Пригоннаго камня передній конецъ плота, начали грести, то весломъ захватили нечаянно за камень такъ сильно, что весло переломилось пополамъ. Пока они бѣгали за другимъ весломъ на другой конецъ плота, послѣдній уже подхватило теченіемъ и понесло-бы, пожалуй, если бы они перестали грести лѣвымъ весломъ. Такъ при помощи его ихъ завернуло въ пригонъ, и они начали въ немъ кружиться; изъ двухъ золь, конечно, выбралъ меньшее: лучше безъ вреда для плота покружиться, чѣмъ разбить плотъ о плиту.

Изъ пригону этого они съ тремя веслами никакъ выбиться не могли и вышли только тогда, когда вожакъ, сдѣлавши на берегу новое весло привезъ его имъ на лодкѣ.

Чтобы поскорѣе выѣхать, мы порѣшили не пить чай на займкѣ, а перенесли полусонныхъ дѣтей на плотъ и уложили ихъ: которыхъ по меньше—въ возокъ, а побольше—въ каютку и поѣхали далѣе въ путь дорогу.



Берега рѣки живописны, а въ особенности—правый. Огромная гора—„Большой Иконостасъ“ спускается въ Бію отвѣсной скалой и видомъ своимъ нѣсколько похожа на иконостасъ, у котораго середина (*царскія врата и двѣ мѣстныя иконы по бокамъ*) нѣсколько выдвинулась впередъ; понамарскія-же двери стоятъ откосами; далѣе-же параллельно царскимъ вратамъ—идутъ въ углубленіи заклиросныя образа.

Царскія врата, иконы и двери мѣстами какъ будто бы украшены: карнизами, колоннами и рѣзьбой; мѣстами-же голы, какъ будто бы и рѣзьба, и карнизы отъ времени отвалились; однимъ словомъ, гора эта напоминаетъ руины существовавшаго когда-то здѣсь калоссальнаго *каменнаго иконостаса*.

Противоположный Иконостасу берегъ довольно низокъ и покрытъ огромною травою. Гора-же отходитъ на той сторонѣ версты двѣ отъ берега. Въ огромной травѣ, покрывающей этотъ берегъ, водится масса водяной дичи. Да, вообще, по берегамъ Біи въ камню, гдѣ она заселена очень мало такая масса водяной дичи, что на каждой верстѣ съ береговъ во время прохода плота срывается не по одному выводку, и охотнику съ хорошей собакой или даже съ лодкой можно здѣсь хорошо поохотиться. Стрѣлять-же съ плоту безъ собаки и лодки нѣтъ никакого разсчета, потому что изъ 10-ти убитыхъ можно поймать много 4-хъ, а 6 непременно уйдутъ.

Между Турочакомъ и Большимъ Иконостасомъ съ правой стороны впадаетъ въ Бію самый большой ея притокъ р. Лебедь, славный своими золотоносными розсыпями.

Лебедь хотя и горная рѣка, но течетъ далеко тише Біи и, по впаденіи ея, течетъ верстъ 6 или 7 подъ правымъ берегомъ почти отдѣльной рѣкой: Бія бѣшено мчится впередъ, а Лебедь катитъ свои бѣловатыя воды покойно и тихо.

Малый Иконостасъ, начинающійся верстахъ въ 4-хъ отъ Большаго ниже, похожаго на иконостасъ ничего не имѣетъ и почему онъ названъ иконостасомъ—не знаю; а думаю потому, что эта каменная стѣна, прямо опускающаяся въ воду, имѣетъ на своей поверхности нѣсколько выступовъ и углубленій, а главное—массу обломковъ,—похожихъ на обломки карнизовъ и колоннъ. Общій видъ Малаго Иконостаса съ рѣки очень красивъ. Размѣрами эта гора нѣсколько меньше и ниже Большаго Иконостаса. Теченіе Біи здѣсь хоть и очень быстрое, но прибоевъ къ скаламъ нѣтъ.

Гора Ожи (собственно три горы, стоящія одна на другой) тянется верстъ на двѣнадцать правымъ же берегомъ рѣки Біи. Съ рѣки видна только одна нижняя гора; верхнія же двѣ, какъ стоящія съ большими уступами отъ краю, невидны. Цѣльною стѣною она, какъ Иконостасы, не тянется вдоль рѣки, а мѣ-



стами—то прямо упадаетъ въ воду, то отдаляется отъ берега на нѣсколько даже сотъ сажень; при чемъ скаты ея покрыты хвойнымъ лѣсомъ въ большинствѣ случаевъ; голыхъ же мѣстъ — неособенно много.

Видъ съ рѣки на эту гору мѣстами очень красивъ.

Ожами у Осинниковъ и оканчиваются большія каменные горы на правомъ берегу Бѣи. Ниже—высокія каменистыя горы отходятъ отъ берега все далѣе и далѣе и, вмѣсто нихъ, берега Бѣи являются наносными глинистыми или песчаными увалами; камень-же показывается только кое-гдѣ. Положимъ, увалы эти мѣстами и довольно высоки; но, тѣмъ не менѣе, это уже не тѣ каменные твердыни, которыми мы любовались до Осинниковъ.

Прошли мы и займку Шаврова, стоящую на довольно крутомъ, но мягкомъ берегу Бѣи, прошли мы и Балыксу, гдѣ Бѣя раздѣляется на два рукава. Наконецъ, показалась и д. Ожинская.

Стоитъ она на высокомъ и крутомъ правомъ берегу Бѣи.

Деревня, повидимому, большая, потому что въ длину по берегу рѣки тянется болѣе версты.

Въ этой деревнѣ мы и порѣшили переночевать, хотя останавливаться на ночлегъ было еще и рано. Порѣшили-же мы остановиться потому, что оставалось до конца пути 100 верстъ, а между-тѣмъ, ниже Ожинской деревни другихъ селеній, стоящихъ у самаго берега Бѣи, близко нѣтъ. Онѣ находятся по сторонамъ отъ берега верстъ за 5-ть—за 6-ть и намъ пришлось бы тащиться пѣшкомъ нѣсколько верстъ; ночевать же на плоту съ дѣтьми сыро.

Гора, на которой стоитъ Ожиновка, не по высотѣ своей, а по пространству, ею занимаемому, довольно большая. Состоитъ она изъ разнаго рода наносовъ—желѣзной руды, сѣраго колчедану, каменнаго угля и прочаго. Нѣтъ ничего мудренаго, что гора эта въ недалекомъ будущемъ будетъ играть какую либо видную роль.

Утромъ въ Ожиновской мы встали рано, со свѣтомъ, какъ говорятъ, и отправились далѣе, надѣясь добраться до Бѣйска въ тотъ же день, такъ какъ до него оставалось менѣе 100 верстъ. Но вышло, что намъ довелось еще ночевать и въ с. Енисейскомъ, всего какихъ нибудь верстахъ въ 20 отъ города.

### Отъ Ожиновской до Бѣйска.

Бѣя, наискось отъ Ожиновской, теченіе свое мѣняетъ совершенно: изъ сильно быстрой горной рѣки, какой она была до сихъ поръ, становится положительно неузнаваема. Плотъ плыветъ черепашьимъ шагомъ, а подуетъ сильный противный вѣтеръ—такъ причаливай къ берегу. Иначе вѣтромъ понесетъ назадъ. Пра-



вый берегъ идетъ довольно высокимъ глинистымъ уваломъ, а лѣвый—низокъ и отлогъ. Сама рѣка здѣсь разбивается иногда на два, а иногда и на три рукава. Которымъ пройти съ плотомъ удобнѣе—неизвѣстно, такъ какъ глубина этихъ рукавовъ мѣняется ежегодно. Нынѣшнее лѣто плоты, напримѣръ, хорошо могутъ проходить средней протокой, а на будущую весну протока эта обмелѣетъ и проходъ по ней сдѣлается невозможень.

Подъ берегомъ, на которомъ стоитъ, напримѣръ, Тихвинская община, года три тому назадъ Бія была довольно глубока, не только для плотовъ, но и для большихъ тяжелыхъ посудинъ. Нынѣ же образовавалась тамъ мель, такъ что шаговъ за полтораста отъ берега можно безопасно отойти въ рѣку ребенку, потому что вода не достигнетъ даже его колѣнъ. И проходить съ плотами нужно дальней протокой.

Надолго-ли образовалось эта мель, конечно, неизвѣстно, такъ какъ, повторяю, мели эти мѣняются здѣсь почти каждый годъ.

Русло Біи здѣсь составляютъ мелкіе ефеля, которые вода передвигаетъ съ мѣста на мѣсто и часто, и очень скоро; а потому послѣ каждой большой воды здѣсь въ Біѣ вы встрѣтите перемѣну въ глубинѣ ея.

Отъ д. Ожинской до села Енисейскаго мы плыли съ ранняго утра и до поздней ночи,—это всего какихъ-нибудь пятьдесятъ верстъ. Остановились мы въ селѣ Енисейскомъ на самомъ краю деревни у Михайловой хаты, потому что ѣхать въ средину деревни было уже поздно—темно. Пока причаливали плоты и мы сошли на берегъ, было уже около полуночи, а потому мы ночевали въ горницѣ у сосѣда Михайлова. Поутру отправились въ Бійскъ.

Течение Біи здѣсь еще тише и намъ, чтобы проѣхать село Енисейское, правда, село большое, нужно было употребить времени почти два часа. Къ деревнѣ Малой Грениевой мы подѣхали часа въ 3—4 пополудни,—проѣхали, значить, всего 7 или 8 верстъ.

Въ Грениевой нашъ салъ отъ Михайловыхъ плотовъ отдѣлили и дали послѣ въ вожаки Ивана съ его командой, а его плоты соединили съ Михайловыми.

Отъ Грениевой до Тихвинской Общины будетъ версты 4 и мы ихъ плыли не менѣе 3-хъ часовъ. Къ самому берегу у обители мы подойти не могли, а остановились сажень за 15, которыя и нужно было проходить до берега бродомъ. Михайло съ своими восемью плотами добрался до Бійска уже на закатѣ солнца.

Такимъ образомъ, онъ, значить, во весь день сдѣлалъ всего лишь верстъ 20.



И дѣйствительно, какая громадная разница: одни и тѣ же плоты въ сутки отъ заимки подъ Турочакомъ и до Ожинской прошли болѣе 120 верстъ, а на другой день отъ Енисейска до Бійска сдѣлали только 20 верстъ.

Ни продавать, ни гнать мнѣ мой салъ въ городъ не довелось, потому что настоятельница общины, нуждаясь въ лѣсѣ, взяла у меня его за себя съ обязательствомъ уплатить Михайлу (вожаку) 10 руб., и мнѣ было хорошо—безъ хлопотъ—и не безъ выгодно.

Скоро или нѣтъ, конечно, опредѣлить трудно, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что Бія будетъ однимъ изъ лучшихъ транзитныхъ путей не только для восточнаго Алтая, но и для торговли съ Китаемъ. Не все же надъ нашей матушкой Сибирью будетъ царить огромный кулакъ нашихъ знаменитыхъ титъ-титычей, которые, какъ китайцы, измѣнить порядокъ, заведенный ихъ прадедами, ни за что не согласятся. Они привыкли, на примѣръ, ѣздить въ Кобдо черезъ села Алтайское, Ангудай—Чуло,—ну, и, не смотря ни на какіе доводы, измѣнить этотъ проторенный путь ни за что не согласятся. Да и какъ согласиться: вѣдь, ихъ продѣды, дѣды и отцы тутъ вели свои дѣла, тутъ и капиталыцы нажили,—такъ какъ же измѣнить-то этому пути....

Провѣрить то, что имъ говорятъ другіе о выгодѣ вновь предполагаемаго тракта, они не хотятъ. Они даже примутъ подобное предположеніе за оскорбленіе себѣ.—„Какъ! неужели отцы наши и мы были дураки? Неужели мы выбрали не лучшій и удобнѣйшій путь? Этого—не можетъ быть!“

Вотъ пока всѣ ихъ доводы. Но все идетъ впередъ, слѣдовательно—и этимъ *разумнымъ* доводамъ будетъ конецъ.

Бія даже въ настоящее время безъ всякихъ затратъ и исправленій въ теченіе всего лѣта, не говоря *ничего* о ея ежегодномъ трехмѣсячномъ полноводіи, *судоходна*, начиная отъ Бійска до Кузеньскаго порога. Отъ Кузеньскаго же порога до Телецкаго всего 30 верстъ, на протяженіи которыхъ можно устроить отличный колесный путь,—только нужно разобрать три бома, такихъ, какой въ 1898 году разобранъ у Кебезеня въ теченіе 4-хъ дней, 25-и человѣками, съ затратою 15 ф. пороку.

Одинъ какой нибудь пароходикъ на Телецкомъ сдѣлалъ бы громадный переворотъ (въ перевозкѣ и при томъ—онъ могъ бы работать не только въ продолженіи всего лѣта, но въ южной части озера, верстъ на 60, и цѣлую зиму, когда Телецкое не замерзаетъ. Работать-же отъ мая до февраля, т. е. въ теченіе 10 мѣсяцевъ, можетъ въ южной части ежегодно, а въ сѣверной части мѣсяцевъ 8. Въ настоящее же время, если который годъ Телецкое не замерзаетъ, то сообщеніе на 4 мѣ-



сяца почти совершенно прекращается. Теперь охотниковъ употребить на проѣздъ шестидесяти верстъ — недѣлю двѣ или три — мало; тѣмъ болѣе, что все это время доведется сохраняться отъ непогоды или гдѣ нибудь подъ скалой, или подъ лодкой и питаться тѣми запасами, которые возмешь съ собой. Ну, а въ случаѣ ихъ недостачи — и поголодать.

Я знаю хорошо, что не только Бійскіе коммерсанты, но и всѣ г.г. недалъновидные скептики, привыкшіе считать себя всезнающими, будутъ говорить противъ устройства на Телецкомъ пароходства. Первые, конечно, будутъ защищать свои хищническіе интересы (будь пароходъ въ Гаушманѣ — за пудъ соли 2 руб. не возмешь, а въ настоящее время это дешевая цѣна), а послѣдніе — свое собственное „я“. Они будутъ утверждать, что пароходу на Телецкомъ нечего будетъ дѣлать и онъ не окупитъ свое содержаніе — и они будутъ неправы, потому что груза и работы на Телецкомъ найдется достаточно.

Хорошо-бы, если бы осуществилось высказанное въ 1898 году А. К. Некрасовымъ желаніе завести паровой катеръ, который бы ходилъ постоянно между Бійскомъ и Кузенскимъ порогомъ. Отъ Кузенскаго же порогу до Телецкаго остается всего 30 верстъ, на протяженіи которыхъ можно-бы было проложить колесную дорогу и скоро, и недорого. Да, хорошо-бы это было, потому что, глядя на то, какіе пароходъ сталъ-бы имѣть заработки, явились-бы, несомнѣнно, и подражатели, а слѣдовательно — доставка тяжелыхъ грузовъ къ Телецкому будетъ доступна всякому, а коль скоро это случится, то, само собой, нашлись-бы люди, которые устроили небольшой пароходъ и на Телецкомъ озерѣ.

Съ устройствомъ парохода на Телецкомъ сношенія сибиряковъ съ западной границею Китая будутъ много облегчены; тѣмъ болѣе, что и Гаушманъ — рѣка, многоводная лѣтомъ, — я думаю, будетъ служить хорошимъ транзитнымъ путемъ для перевозки тяжелыхъ грузовъ. Впрочемъ, о пути отъ Бійска до Кобдо черезъ Телецкое озеро я поговорю когда-нибудь въ другой разъ.

П. Дмитріевъ.



# Лошадь.

(Разсказъ извозчика.)

Я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ на Томскій вокзалъ и взялъ единственнаго извозчика въ городъ. Ёду—жара ужасная, пыль убійственная; задыхаюсь до тошноты.

— Поѣзжай скорѣе!—кричу извозчику.

— Но! протянулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ. Лошадь не послушалась этого „но“ и продолжала трусить съ ноги на ногу. Меня это раздражало, и я съ большей энергіей сказалъ извозчику:

— Ты лошадь, что ли, и просишь тумака, какъ она кнута?

— Знамо лошадь и слава Богу:—дѣльнѣе и чище этой скотины и человѣка нѣтъ. Она не ругается и бѣжитъ, какъ ей полагается.

— Возмутительно!—А ты самъ то человѣкъ?—спросилъ я его.

— Знамо, называютъ такъ, а только отъ лошади я уму научился, не отъ людей; стало быть, я больше лошадь—и это много лучше. А что же, баринъ, ты, что ли, уму то меня научилъ, чтобы я жилъ такъ, какъ живу? Ужъ ты бы не научилъ, когда заставляешь гнать лошадь въ такую жару, а самому и на рессорахъ сидѣть не въ моготу. Плохой бы ты былъ учитель!

Сконфузился я и, чтобы выйти изъ неловкаго положенія передъ самимъ собою, конечно, спросилъ извозчика:

— Ну, какъ же лошадь тебя жить научила? рассказывай!

— Ротъ разѣвать неохота: пыль страшная, подавишься. Послѣ, коли встрѣтимся и поѣдемъ куда, расскажу. Куда ѣхатьто?

— Вези въ первый кабакъ: пить до смерти хочется!

— Вишь, ты! А лошадь-то!—пробурчалъ извозикъ.

Я какъ бы не слыхалъ этого и промолчалъ.

Привезъ онъ меня къ ресторану, я попросилъ его подождать, а самъ вошелъ въ ресторанъ и потребовалъ питья.

Не успѣлъ я напиться, какъ грянулъ громъ,—все потемнѣло и хлынулъ дождь.

Лилъ онъ не долго. Я вышелъ изъ ресторана. Извозикъ открылъ подстилку на сидѣньи и, какъ только я усѣлся, поѣхалъ не торопясь.

— Ну, теперь не жарко, поѣзжай поскорѣе!—попросилъ я извозчика.

— Не жарко, да грязно, тяжело. Лошадь, вѣдь, она, а не баринъ: на рессорахъ не ѣдетъ.

Меня взорвало; я крикнулъ:

— Оставь свою лошадиную философію и поѣзжай скорѣе, а то я возьму другого извозчика: тутъ не на вокзалъ, гдѣ ты былъ одинъ, а здѣсь васъ много.



— Ну, чтожъ! Коли не стыдно, возьмите, бить я васъ за это не стану, отвѣтилъ мнѣ извозникъ и вдругъ некстати продекла- мировалъ:

„Но, тащися чалка!

Я самъ другъ съ тобою

Слуга и хозяинъ—

Мы боимся бою,

А побьетъ насъ баринъ!“

— Ну и чертъ! выругался я и замолчалъ.

Такъ молча я доѣхалъ до квартиры знакомаго и расплатился съ извозникомъ.

На другой день я съ своимъ знакомымъ пошелъ псгулять въ садъ. Прошлись мы нѣсколько разъ по саду и возвращаемся домой. По дорогѣ я слышу окликъ извозника.

— Баринъ! Не угодно ли, подвезу?

Смотрю, а это вчерашній грубіянь.

— Нынче ужъ пошибче поѣду: ни жары, ни пыли, ни грязи нѣтъ. Отличная дорога!—прибавилъ онъ.

— А дерзокъ ты также, какъ и вчера?

— А развѣ я обидѣлъ васъ, баринъ? Я только правду вамъ сказалъ. Вы, пожалуйста не обижайтесь!

— Я и не обижаюсь, а посовѣтую тебѣ такъ съ пассажирами не грубіянить.

— Обиднаго я вамъ, баринъ, ничего не сказалъ, а коли не- ладно вышло, такъ я тутъ непричемъ. Учился я у лошади, а отъ ней, сами знаете, по барски не научишься говорить, а, по- жалуй, также будешь молчать, какъ и она. Какія я слышалъ слова дома, да и теперь на биржѣ: одна гадость и сквернословіе. Гдѣ же мнѣ было выучиться хорошему разговору? Но только, баринъ, я не отъ злого сердца вамъ говорилъ. Вы простите, пожалуйста.

— Ладно! Если хочешь отвезти меня на вокзалъ, то пріѣзжай завтра за мной въ десять часовъ утра. Ты знаешь, гдѣ я остановился?

— Знаю. Будьте покойны, пріѣду.

Извозникъ, дѣйствительно, сдержалъ свое слово и я поѣхалъ съ нимъ на вокзалъ. Его своеобразность и какая то лошадиная мудрость меня нѣсколько заинтересовали и я попросилъ его раз- сказать, какъ и при какихъ условіяхъ онъ выросъ. И чтобы удобнѣе было слушать, я велѣлъ ему сѣсть со мною рядомъ. Онъ пересѣлъ съ козелъ на сидѣнье и вотъ что мнѣ повѣдалъ.

„Дѣдъ мой былъ сначала маляромъ и своему ремеслу вы- училъ трехъ сыновей, а я сынъ младшаго изъ нихъ: мнѣ девят- надцать годовъ. Бабка моя умерла давно и больше отъ скверной жизни дѣда: отъ его распутства и битья, а битье его и лошади



не перенести, не то что бабѣ. Онъ былъ здоровенный, а бабка не изъ сильныхъ, ну и зачахла. Дѣду теперь за семьдесятъ, а онъ и теперь заливаешь: покою въ домѣ бабамъ не даетъ. Стыдятъ его сыновья и внуки, а онъ, безстыжій, все свое. А прибить его боятся: онъ самъ десятерыхъ сломаетъ. Да и промежду братьевъ то ладу не было: грызлись, какъ собаки; били другъ друга; били и дѣтей своихъ и братниныхъ. И теперь вспомнить тошно, какъ они жили. Въ концѣ концовъ всѣ разошлись порознь, а жизнь отъ этого стала не лучше ни у кого. Каждый дома живетъ такъ же, какъ прежде жилъ въ семьѣ: та же брань, драки взрослыхъ и битые дѣтей.—Ничего ласковаго и любовнаго между родителями и дѣтьми никогда не было, точно дѣти насильно имъ были навязаны и они имъ не разъ желали пропасть. А тутъ дѣдъ лодарь, ничего не дѣлаетъ, ходитъ по сыновьямъ и внукамъ и еще больше разстраиваетъ ихъ жизнь своимъ безпутнымъ пристаиваньемъ къ бабамъ.

Когда еще всѣ жили вмѣстѣ и сыновья стали мастерами, дѣдъ пересталъ малярничать и сталъ ѣздить извозчикомъ, вотъ какъ я теперь ѣзжу. Былъ у него хорошій чалый меринъ: умный, смирный и ласковый. Страсть, какъ любилъ я его!

Вотъ эта-то лошадь и заставила меня думать, отъ нея я и надумалъ, какъ устроить свою жизнь, чтобы она была лучше жизни моихъ родныхъ.

Я былъ самый меньшой въ семьѣ и всегда оставался дома: на работу никуда не ходилъ и все вертѣлся около лошадей, особенно съ чалымъ я не разставался. Когда дѣдъ уѣзжалъ на биржу на другой лошади, а чалаго оставлялъ дома на отдыхъ, то я цѣлый день съ нимъ возился: то хлѣбцемъ его покормлю, то попою, то верхомъ сяду и катаюсь по двору. Умный онъ былъ конь! Бывало, потянешь его за гриву, онъ опуститъ голову; я лягу на шею; онъ подниметъ меня и я переберусь къ нему на спину. Тутъ ужъ мое дѣло только держаться за гриву и погонять его ногами, а онъ возитъ меня по двору, какъ нянька носить на рукахъ. Когда онъ почувствуетъ, что я неладно на немъ сижу и, вотъ-вотъ, свалюсь, онъ легонько прислонится къ забору, чтобы я поправился. Такъ я проводилъ съ чалымъ счастливые дни лѣтъ съ семи до двѣнадцати. Мнѣ и теперь жалко его вспомнить!

Но разъ дѣдъ нечаянно пріѣхалъ съ биржи и засталъ меня верхомъ на чаломъ, да такъ исполосовалъ меня за это кнутомъ, что даже чалый убѣжалъ въ конюшню отъ моего крика и жалости, а мать и не подумала за меня заступиться. Въ ту пору я совсѣмъ былъ маленькій и не могъ убѣжать отъ дѣда. Другой разъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, дѣдъ пріѣхалъ съ биржи на чаломъ, отпрегъ его, снялъ хомутъ и потянулъ за поводъ,



чтобы отвести его въ конюшню, а чалый занялся со мною и не сразу пошелъ, замялся,—тогда дѣдъ какъ хватить его своимъ кулачищемъ по головѣ, такъ онъ и упалъ на колѣни. Я заплакалъ и вырвалъ у дѣда поводъ. Черезъ минуту чалый поднялся, вижу слезы у него на глазахъ. Я далъ ему немного водицы и самъ поставилъ въ конюшню. Съ тѣхъ поръ я еще больше полюбилъ чалаго и онъ сталъ мнѣ казаться лучше дѣда, лучше всѣхъ людей.

Я сталъ думать, какъ живетъ чалый и какъ живутъ мои родные и надумалъ: куда чалый лучше родныхъ. Онъ ѣстъ и пьетъ всегда одно и то же, работаетъ, доволенъ, веселъ, бодръ, ласковъ и улыбается, и нѣжно ржетъ, какъ увидить меня, а родные мои жрутъ всякую всячину, пьянствуютъ, лѣнтяйничаютъ, злятся, дерутся, колотятъ ребятъ и никогда отъ нихъ ласковаго слова не услышишь. И, вотъ, я надумалъ жить, какъ чалый.

По тринадцатому году меня отдали кузнецу въ ученье на четыре года. Работалъ я у него все, что заставитъ, ѣлъ и пилъ, что дадутъ, спалъ, сколько придется, и все больше молчалъ, и думалъ только про чалаго и про свою жизнь, какъ ее лучше устроить.

Случалось, что кузнецъ посылалъ меня доставить кому-нибудь заказъ или деньги за него получить, тутъ мнѣ перепали кое-какіе гроши, что хозяева давали мнѣ на пряники. Грошей этихъ я не тратилъ, а собиралъ въ одномъ потайномъ мѣстечкѣ. Черезъ три года грошей этихъ у меня накопилось слишкомъ двадцать рублей. На четвертый годъ мнѣ хозяинъ положилъ жалованья пять рублей въ мѣсяцъ и я считался подмастерьемъ. Жалованье это я тоже копилъ, такъ что къ концу моего ученья у меня было рублей восемьдесятъ денегъ. Одѣлся я, обулся, какъ слѣдуетъ, попросту и дешево, и у меня еще осталось рублей шестьдесятъ.

Когда я сталъ мастеромъ, кузнецъ назначилъ мнѣ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Деньги эти я все копилъ и дѣду не давалъ, а отецъ съ матерью и не просили, какъ бы позабыли про меня, а можетъ статься—они хотѣли, чтобы я самъ устраивался.

Прожилъ я на этомъ жалованьи у хозяина годъ, но работа была тяжелая и отдыху мало. Только въ праздники, бывало, вырвешься повидаться съ чалымъ, а родныхъ мнѣ и видѣть не хотѣлось. Не было у насъ въ семьѣ никакой суетности: всѣ жили какъ-то врозь, точно чужіе.

Кому какое горе не бываетъ, а моего горя никто и понять не можетъ.

Однажды поздней осенью прихожу праздникомъ домой, мнѣ и говорятъ: „Чалый пропадаетъ“ (издыхаетъ). Меня такъ и уда-



рило въ сердце. Кинулся я въ конюшню, — смотрю, а онъ, бѣдный, растянута пластомъ и стонетъ. Я присѣлъ къ его мордѣ, онъ немного поднялъ голову, взглянулъ на меня, вздохнулъ и голова опять упала на землю; а самъ чалый весь встрепенулся, еще больше вытянулся и ноги выпрямилъ. Жалостливо такъ посмотрѣлъ онъ на меня однимъ глазомъ, вздохнулъ и пропалъ.

Кажись неважное дѣло — лошадь пропала, а у меня все нутро опустѣло, подняться нѣтъ силъ. Пересилилъ себя, поднялся, а съ мѣста сойти немогу, точно ноги отнялись. Долго я стоялъ, отстоялся и ушелъ прямо въ кузницу. Но и тамъ мнѣ тошно было, мѣста себѣ не находилъ.

Промаялся я такъ ночь, утромъ работать надо, а работа мнѣ совсѣмъ отошнѣла. Пошелъ я къ хозяину и попросилъ разчета. Хозяинъ посмотрѣлъ на меня и, надо быть, увидѣлъ, что я самъ на себя не похожъ, и отдалъ мнѣ все, что слѣдовало. Я снялъ шапку, поклонился и молча ушелъ.

Пробродилъ я по городу цѣлый день и къ вечеру очутился въ другомъ концѣ города. Итти назадъ далеко, да и охоты не было — умаялся. Вспомнилъ я, что тутъ поблизости живетъ пріятельница матери — прачка, которую мать, какъ у насъ водится, надо быть, забыла, а я помнилъ. Ласковая она была ко мнѣ, когда приходила къ матери съ своей дочкой Надей. Съ Надей я, бывало, разговаривалъ, все показывалъ ей у себя на дворѣ и у сосѣдей, садилъ ее на чалаго и каталъ по двору, но всегда я боялся какъ бы ее не обидѣть. Когда я вспомнилъ объ этомъ, то мнѣ захотѣлось зайти къ прачкѣ и я къ ней зашелъ.

Со двора слышу плачъ и надрывное чтеніе монашки, вижу свѣчи горять, вхожу въ домикъ. На столѣ гробъ съ покойникомъ, у гроба плачетъ дѣвочка, а на лавкахъ сидятъ три бабы. Дѣвочку я узналъ и догадался, что умерла ея мать. Подошелъ я къ ней, сталъ утѣшать и спрашивать. Узналъ я отъ нея, что мать умерла вчера, что пришла хозяйка, забрала всю одежду и деньги, купила гробъ, привела монашку, а завтра въ монастырѣ мать похоронятъ.

— А какъ же ты будешь теперь жить? — спросилъ я.

— Не знаю. Какъ Богъ дастъ. Пойду въ услуженіе, куда же мнѣ больше? — сказала она.

Жаль мнѣ стало ее, бѣдную. Я совсѣмъ забылъ свое горе. Пришло мнѣ тутъ въ голову — нанять эту квартиру и поселиться вмѣстѣ съ нею. Сказалъ я ей объ этомъ и она перестала плакать.

На другой день мы похоронили мать и я снялъ у хозяйки квартиру, а сироту — Надю оставилъ у себя въ услуженіи.

Денегъ у меня было немного больше двухсотъ рублей. На сто двадцать рублей я купилъ себѣ новаго, вотъ этого чалаго, сани и сбрую, взялъ номеръ и сдѣлался извозчикомъ.



Пришлось мнѣ тутъ скрываться и обманывать родныхъ. Больше дѣдъ допытывался отъ бездѣлья, гдѣ я живу. Я ему сказалъ, что я живу работникомъ у извозчика, и сказалъ адресъ своего товарища по биржѣ.

На биржѣ я познакомился съ однимъ работникомъ извозчика. Его зовутъ Василій Голопузовъ, а меня Василій Голопузовъ. Мы были однолѣтки и подружились. Когда, бывало, случится очутимся вмѣстѣ на биржѣ, непременно или онъ ко мнѣ или я къ нему сяду на сани и разговариваемъ. Извозчики другіе смѣются, указываютъ на насъ и орутъ: „вонъ голый пупокъ съ голымъ пузомъ любезничаютъ“. Но намъ это было—наплевать. Вотъ этого-то пріятеля адресъ я и сказалъ своему дѣду.

Какъ-то разъ мой дѣдъ приходитъ къ хозяину моего пріятеля и спрашиваетъ.

— У тебя живетъ въ работникахъ Василій Голопузовъ?

Тому показалось, что старикъ спрашиваетъ про Василія Голопузова, онъ и сказалъ.

— У меня. А тебѣ, что старикъ надо?

— Внукъ онъ мнѣ,—отвѣтилъ дѣдъ.—Я хочу повидаться.

Хозяинъ-извозчикъ позвалъ Василія Голопузова и тотъ предсталъ предъ дѣдомъ, какъ листъ передъ травой.

— Что вамъ угодно, дѣдушка?—спросилъ онъ.

— Ты Василій Голопузовъ?—спросилъ дѣдъ.

— Да, Василій Голопузовъ.—отвѣтилъ тотъ;

— Ты шпана, а не Василій Голопузовъ,—закричалъ дѣдъ.—Ты щенокъ вздумалъ еще надо мной, старикомъ, издѣваться? Я тебя, какъ муху, сейчасъ раздавлю.

И дѣдъ кинулся на Василія Голопузова и хотѣлъ его побить, а самъ былъ виноватъ, что помѣшалъ Голопузова съ Голопузовымъ.

Но тутъ вступился за Голопузова его хозяинъ и заоралъ на моего дѣда.

— Ты что, старый чертъ, куражиться ко мнѣ пришелъ? Эй, ребята! крикнулъ онъ другимъ извозчикамъ. Дайте ему хорошую бучу. У кого кулаки поздоровѣе, выходи напередъ!

Сейчасъ же выскочилъ одинъ здоровякъ и—хлестъ дѣду въ морду, но не сбиль его съ ногъ.

Дѣдъ разсвирипѣлъ и такъ хватилъ силача, что тотъ, какъ снопъ, свалился.

Дальше ужъ и дѣдъ свѣту не взвидѣлъ, когда всѣ работники и самъ хозяинъ на него навалились. Совсѣмъ бы ему плохо пришлось, когда бы городской не услышалъ гвалта, не заглянулъ на дворъ и не прекратилъ драку. Однако, послѣ дѣдъ хвасталъ, что только городской помѣшалъ ему перебить всю эту шпану.



Все отъ того же бездѣлья дѣдъ часто шлялся по городу и однажды встрѣтилъ меня, когда я ѣхалъ порожнякомъ и шагомъ. Я не видалъ его и не скопошился. Онъ подскочилъ къ лошади и остановилъ ее.

— А, язви-те, щенокъ! Ты надо мной издѣваться вздумалъ и научилъ избить родного дѣда! Такъ и я тебя изобью. И онъ кинулся ко мнѣ отъ лошади на сани.

Я обомлѣлъ. Лошадь пошла рысью. Дѣдъ повалился въ сани и пересталъ ругаться.

Я опомнился и, не останавливая лошадь, чтобы ему нельзя было подняться, говорю ему.

— Меня дома тогда не было; я былъ на биржѣ, а подшутилъ надъ тобою хозяинъ. Причемъ же я то тутъ. Взыскивай съ хозяина, а не съ меня.

— А! Ну ладно. Вези же ты меня къ нему. Я покажу, какъ смѣяться надо мной.

Я пріостановилъ лошадь; дѣдъ поднялся и сѣлъ какъ слѣдуетъ, лошадь шла шагомъ. Отъ мороза дѣдъ скоро успокоился, а на мое счастье по дорогѣ какой то господинъ попросилъ меня прислать съ биржи извозчика. Я и говорю господину:

Я и самъ бы васъ свезъ, коли бы вы уговорили моего дѣдушку подождать, пока я васъ отвезу и посидѣть на этомъ крыльцѣ,—указалъ я на ближайшій домъ.

А я бы за нимъ потомъ пріѣхалъ и выручки бы своей не упустилъ. Господинъ обратился къ дѣду съ просьбой и тотъ не посмѣлъ ему отказать, сошелъ съ саней и сѣлъ на ступеньки крыльца, а я быстро уѣхалъ съ господиномъ и такъ спасся отъ битья и отъ безпутнаго дѣда. Отъ его безпутства я и квартиру то свою скрывалъ. Пустя я его къ себѣ, онъ сдѣлалъ бы съ прислугой тоже, отъ чего разбѣжались его собственные дѣти и внуки.

Такимъ родомъ я всячески избѣгалъ встрѣчи съ дѣдомъ и съ другими родными. Ёду и, какъ заяцъ, смотрю по сторонамъ. Проработалъ я такъ зиму и заработалъ рублей двѣсти.

Прошлый годъ одинъ извозчикъ надумалъ охотой итти на войну съ Китаемъ. Воевалъ онъ съ турками. Надо быть, ему понравилась война и онъ захотѣлъ умереть на полѣ сраженія солдатомъ, какъ онъ говорилъ, а не бабой дома на печкѣ. Была у него жена и сынъ подростокъ. Онъ и ихъ не пожалѣлъ и рѣшилъ уѣхать на войну.

Купилъ я у него пару лошадей, сбрую, лѣтній и зимній экипажи и заплатилъ двѣсти рублей наличными, а на двѣсти далъ подписку уплатить его женѣ и, окромя того, до уплаты держать ее съ сыномъ у себя на квартирѣ.

Баба она оказалась хорошая и сынъ ея смирный и работающій. Сиротка моя съ нею занималась прачешной, а я съ ея сыномъ ѣздили извозчиками. Такъ мы и зажили семьей. Четыре



насъ человѣка въ домѣ, четыре лошади въ конюшнѣ, а пятая корова на дворѣ подъ навѣсомъ.

Лошади у насъ дружныя, какъ одна; ну, и мы всѣ дружимъ и мирно живемъ, чтобы нестыдно было передъ ними. Я завсегда въ примѣръ ихъ людямъ ставлю, чтобы они отъ нихъ понятіе брали, какъ надо жить, а не отъ собакъ, что изъ за кости грызутся. Вѣдь, намъ некогда смотрѣть на птицъ небесныхъ, — вотъ мы и учимся у лошадей.

Оттого то, баринъ, мнѣ и необходимо было, когда вы лошадыю меня назвали“.

Мы пріѣхали на вокзалъ. Я щедро заплатилъ своеобразному философу, но уже лошадыю мнѣ стыдно было его назвать и я на его „прощайте, баринъ!“ отвѣтилъ: „прощай Фролъ, покровитель лошадей“.

Есть власть земли надъ мужикомъ, какъ это доказалъ Г. И. Успенскій, а не Золя; есть и власть лошади надъ извозчикомъ, какъ убѣдился въ этомъ я.

Д. Со—въ.

13 іюля 1901 г.

## Ангелъ ночи.

(Посвящается С. И. Васюкову).

Въ прозрачной одеждѣ путемъ огневымъ,  
Съ вѣнцомъ лучезарнымъ на блѣдномъ челѣ,  
Онъ сходитъ на землю въ полуночной мглѣ  
Ко всѣмъ равнодушный—и къ добрымъ, и къ злымъ.

\* \* \*

Но чудная власть ему небомъ дана:  
Онъ взглядомъ могучимъ смерть съ жизнью мирить  
И людямъ блаженство забвенья дарить—  
Блаженство покойнаго сладкаго сна.

\* \* \*

Съ заката къ востоку звѣздой пролетѣвъ,  
Онъ тамъ до зари остается и ждетъ,  
И міру затихшему пѣсню поетъ...  
То грустенъ, то радостенъ дивный напѣвъ.

\* \* \*

И близкій, и чуждый желаньямъ земнымъ,  
Поетъ онъ про счастье и горе людей,  
Поетъ про любовь, про оковы страстей;  
Но самъ равнодушенъ—и къ добрымъ, и къ злымъ.

А. Рославлевъ.



## О патронатѣ.

(Продолженіе, — см. кн. 8 текущего года).

Наше дѣйствующее право знаетъ нѣсколько видовъ полицейскаго надзора, а именно: 1) надзоръ по судебному приговору, какъ добавочное наказаніе, 2) надзоръ, какъ мѣра пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія и скрыть слѣды преступленія, 3) надзоръ, какъ мѣра для охраненія общественнаго спокойствія, порядка, благочинія и безопасности, 4) негласный полицейскій надзоръ и 5) полицейскій надзоръ по отношенію къ лицамъ, политически неблагонадежнымъ. Для насъ важно обратить вниманіе на первый видъ надзора, о которомъ трактуется въ статьяхъ 245, 251, 1050, 1052 уложенія о наказаніяхъ и въ законѣ 12 іюня 1900 г. А III, 4, 5 и 6. В I, 14. Изъ этихъ статей мы усматриваемъ, что полицейскій надзоръ есть рядъ ограниченій, налагаемыхъ на личность наказаннаго съ цѣлью болѣе удобнаго наблюденія за дѣятельностью его и предупрежденія возможной съ его стороны опасности для общества. Поднадзорнымъ воспрещается жить въ губернскихъ городахъ и ихъ уѣздахъ на разстояніи 25 верстъ отъ города и въ мѣстностяхъ, въ коихъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ не разрѣшается водворенія поднадзорныхъ. Если у поднадзорныхъ нѣтъ средствъ къ существованію, то имъ выдается пособіе отъ казны. (ст. 972 Уст. Уг. Суд.). Полицейскій надзоръ по судебному приговору по содержанію своему представляетъ собою пораженіе правъ личности, а по юридической природѣ является дополнительнымъ наказаніемъ къ лишенію свободы. По продолжительности своей полицейскій надзоръ бываетъ пожизненный и срочный. Пожизненный надзоръ съ замѣною ссылки на житье и на поселеніе въ Сибирь и съ сохраненіемъ ссылки на поселеніе лишь за преступленія, особо указанные въ законѣ, сохраняется по отношенію къ преступникамъ, отбывшимъ каторжные работы и водвореннымъ на мѣста, и сосланнымъ на поселеніе, въ видѣ различныхъ ограниченій, указанныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ, на примѣръ — въ статьяхъ 323, 324, 375, 381, 382, 319, 331, 361. Срочный же полицейскій надзоръ отъ 4 до 1 года примѣняется къ лицамъ, отбывшимъ наказаніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, тюрьмахъ и крѣпостяхъ. (Законъ 12 іюня 1900 г. А III, 4). Иногда полицейскій надзоръ назначается какъ самостоятельное наказаніе (318—324 и 122 ст. Улож. о Нак.).

Полицейскій надзоръ за освобожденными имѣетъ за собою много недостатковъ и не достигаетъ цѣли. Онъ совершенно не носитъ характера опредѣленности. На примѣръ, изъ статьи 319



т. II Св. З. видно, что онъ долженъ быть съ одной стороны бдителенъ, а съ другой—не обременителенъ для лицъ надзирающихъ и не стѣснителенъ для поднадзорныхъ. Какъ это устроить, дѣло большой мудрости. Полицейскій надзоръ, какъ мѣра принудительная, налагающая рядъ стѣсненій на личность, стѣсняетъ ее и въ частной дѣятельности, затрудняетъ полученіе честнаго заработка, а потому способенъ самъ стать новымъ факторомъ преступности, не обезпечивая безопасности и спокойствія. Въ самомъ дѣлѣ, — отбывшій наказаніе приковывается къ какому-либо опредѣленному мѣсту жительства. Но въ настоящее время свобода передвиженія пріобрѣтаетъ понемногу все болѣе правъ гражданства (5 лѣтнія паспортныя книжки), и въ городахъ, на примѣръ, находится много лицъ податныхъ сословій, ведущихъ постоянную городскую жизнь; дѣти этихъ лицъ, а можетъ быть, — и сами они и въ глаза не видали мѣста своей приписки. Поэтому какой-либо изъ этихъ обывателей, отбывши наказаніе и будучи выдворенъ изъ города, можетъ не найти мѣста, чтобы приложить свой трудъ и умѣнье, свою опытность и ремесло. Чѣмъ, на примѣръ, можетъ заняться въ деревнѣ поваръ, кондитеръ, приказчикъ и ремесленникъ и т. п.? Одинъ исходъ для этихъ лицъ простой физическій трудъ, который не для всѣхъ изъ нихъ привыченъ, да и не всѣ изъ нихъ способны къ такому перерожденію. Ясно, что такіе люди будутъ стремиться искать легкой наживы и легко могутъ снова вступить на путь преступности, или лица эти будутъ стремиться обратно въ города, гдѣ, не имѣя законнаго права проживанія, пополнять ряды городского пролетаріата и будутъ не безопасны для общества. Кромѣ того, въ самомъ существѣ своемъ полицейскій надзоръ не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ въ качествѣ добавочнаго наказанія въ силу судебного рѣшенія онъ сопряженъ съ извѣстнаго рода наказаніями; слѣдовательно, примѣненіе и срокъ его опредѣляется не тяжестью или свойствомъ содѣяннаго, а тяжестью и видомъ наказанія, и лицо, отъ котораго всего менѣе можно ожидать рецидива, подвергается надзору, а воръ, даже и рецидивистъ не лишенный правъ, надзору не подвергается, хотя съ его стороны можно было-бы скорѣе ожидать рецидива. Составители проекта новаго уложенія, признавъ, что полицейскій надзоръ есть мѣра стѣснительная, сопряженная съ неудобствами, предположили значительно измѣнить постановку и содержаніе этого института, сохранивъ его, какъ послѣдствіе только важнѣйшихъ наказаній: каторги, поселенія, исправительнаго дома и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ тюрьмы (2-ая редакція проекта ст. 29 и 30).

Возложить-же на полицію попечительную дѣятельность объ освобожденныхъ едва-ли возможно, ибо полиція есть органъ



принужденія; она не въ силахъ выполнить функціи попеченія и особенно такую деликатную функцію, какъ возрожденіе преступника. Кромѣ того, подобная функція требуетъ людей съ иными качествами и она отвлекла бы полицію отъ ея прямыхъ обязанностей, которыя и безъ того очень обширны и многочисленны.

На основаніи всего изложеннаго, естественно возникаетъ мысль о патронатѣ, какъ совершенно естественная стадія указаннаго историческаго развитія отношенія общества къ преступнику. На какомъ-же основаніи можетъ оказываться помощь преступникамъ, отбывшимъ наказаніе, и можетъ быть объяснено какъ-бы привилегированное ихъ положеніе въ сравненіи съ тѣми, которые еще ничѣмъ преступнымъ себя не запятнали?

Въ настоящее время основаніемъ помощи осужденнымъ является прежде всего христіанская любовь къ ближнему, состраданіе къ участи лицъ, впавшихъ въ преступленіе. Это, надо замѣтить, великая черта русской исторіи. Она дѣлаетъ намъ понятнымъ и нищелюбіе древнихъ князей, и посѣщеніе тюремъ, и раздачу подаяній арестантамъ благочестивыми людьми, какъ дѣло милости христіанской, обязательное для каждаго вѣрующаго, и то, что Московскіе цари наканунѣ большихъ праздниковъ, ночью, почти безъ свиты, скромно выходили изъ своихъ покоевъ, обходили тюрьмы и раздавали деньги, одежду и прочее (Сергѣевскій. Учебникъ Рус. Угол. Пр. стр. 17). Сюда присоединяется и отдаленность наказанія отъ преступленія значительнымъ промежуткомъ времени и растянутость наказанія. Въ силу этихъ послѣднихъ обстоятельствъ преступникъ въ воззрѣніяхъ народныхъ массъ перестаетъ быть нарушителемъ закона, а разсматривается какъ несчастный человѣкъ, который страдаетъ за что-то прошлое, давно забытое,—когда при видѣ сопровождаемыхъ конвоемъ арестантовъ, гремящихъ кандалами, на глазахъ у насъ только наказаніе, а дѣяніе давно сокрыто въ судебныхъ архивахъ, по выраженію проф. Н. Д. Сергѣевского. Но это еще не все. У общества назрѣла мысль, что оно на ряду съ правительствомъ должно принять участіе въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Общество посмотрѣло при этомъ на свою задачу нѣсколько глубже; оно поняло, что для удержанія человѣка отъ новаго преступленія недостаточно ни одного милосердія, ни одного надзора; оно поняло, что освобожденному преступнику еще мало одной свободы, что ему нужна прежде всего пища матеріальная и въ такой-же мѣрѣ духовная. Общество задается цѣлью возродить преступника къ новой порядочной жизни, даже больше: сдѣлать изъ него нѣчто лучшее, чѣмъ онъ былъ до своего паденія, восполнить пробѣлы недостаточнаго или плохого воспитанія и тѣмъ самымъ, содѣйствуя личному благу преступника, охранить общественную безопасность.



Теперь спрашивается: какъ-же примирить споспѣшествованіе личному благу преступника съ наказаніемъ? Какъ казалось-бы ни страннымъ, однако, причиненіе зла преступнику и содѣйствіе его личному благу въ цѣляхъ его исправленія уживаются въ наказаніи, ибо наказаніе имѣетъ двѣ стороны. Особенно ярко выступаютъ эти двѣ стороны въ наказаніяхъ дисциплинарныхъ, имѣющихъ педагогическое значеніе. Дѣйствительно въ жизни мы наблюдаемъ, что когда въ семьѣ, въ школѣ и т. д. наказываютъ дѣтей, учениковъ, причиняютъ имъ извѣстное страданіе за проступки, то вмѣстѣ съ этимъ надѣются на исправленіе, ожидаютъ его отъ наказаннаго и не лишаютъ его дальнѣйшихъ заботъ и попеченій. Причиненіе-же страданія является памятной запиской, чтобы наказанный впередъ не совершалъ проступковъ. То-же самое мы видимъ и въ уголовныхъ наказаніяхъ. Когда преступникъ совершитъ, не взирая на угрозу, дѣяніе противозаконное, государство реагируетъ противъ преступника, какъ врага общественнаго порядка и закона, и казнить его; этой казни, отвѣчающей ожиданіямъ общества, требуетъ и само общество. Но разъ преступникъ схваченъ, такъ сказать, плѣненъ, когда опасность съ его стороны для общества миновала, когда безстрастное правосудіе выполнить свою задачу и примѣнить должное наказаніе, которое есть страданіе, тогда гнѣвъ предлагается на милость, тогда къ преступнику проявляютъ состраданіе, сожалѣніе, благотворительность, тогда принимаютъ по отношенію къ преступнику мѣры педагогическаго воздѣйствія. Такимъ образомъ, въ наказаніи къ общей задачѣ уголовного права и правосудія, состоящей въ поддержаніи авторитета величій законодателя и охраненіи права порядка, достигаемой путемъ неуклоннаго осужденія и порицанія дѣяній, ихъ нарушающихъ, присоединяются еще задачи уголовной политики, которыя состоятъ въ правильной организаціи карательныхъ мѣръ, въ наилучшей ихъ выработкѣ и ихъ цѣлесообразности, въ борьбѣ съ преступностью, вообще, и съ рецидивомъ—въ частности. Патронатъ и есть одна изъ мѣръ уголовно-политическихъ; онъ связанъ съ идеей исправленія преступника, какъ съ одною изъ цѣлей наказанія.

Международный тюремный конгрессъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, состоявшійся въ 1846 году, призналъ, что организація попеченія надъ освобожденными изъ тюремъ арестантами составляетъ необходимое дополненіе всякой тюремной реформы, а на Лондонскомъ конгрессѣ въ 1872 г. представители Сѣверо-Американскихъ штатовъ заявили, что никакія усовершенствованныя тюрьмы не помогутъ дѣлу борьбы съ преступностью, если не будетъ организованъ патронатъ и если исправленный, можетъ быть, совершенно въ нравственномъ отношеніи виновникъ иску-



пленнаго наказаніемъ преступленія при выходѣ изъ тюрьмы будетъ встрѣчать не поддержку, а враждебное и недовѣрчивое отношеніе, лишающее его возможности найти честный заработокъ (Ск. Гѣбель—Докладъ рус. группѣ междунар. Съѣзда криминалистовъ). Кромѣ того, тюремное заключеніе есть лишеніе свободы, а въ одну изъ задачъ патроната входитъ научить отбывшаго наказаніе пользоваться этой свободой, что, разумѣется, невозможно сдѣлать въ тюрьмѣ.

Такъ какъ патронатъ у насъ есть дѣло новое, то мы познакомимся съ постановкой его въ Западной Европѣ, на примѣръ, въ Германіи.

Въ Германіи въ 1828 г. основано Берлинское тюремное общество, принявшее на свою обязанность также попеченіе объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ. Главнѣйшіе и существенные пункты Устава этого общества дадутъ намъ вѣрное представленіе о цѣляхъ, задачахъ и средствахъ этого общества, въ основныхъ своихъ чертахъ сходныхъ съ таковыми-же прочихъ попечительныхъ обществъ какъ въ Германіи, такъ и въ остальной Европѣ. Вотъ эти пункты: \*) Наше общество, говорится въ уставѣ, поставившее себѣ также задачею содѣйствовать нравственному гражданскому улучшенію освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ и, такимъ образомъ, способствовать устраненію того недовѣрія, которое встрѣчаетъ бывшихъ преступниковъ при возвращеніи ихъ въ гражданское общество, и тѣхъ препятствій къ ихъ дальнѣйшему усовершенствованію, которыя приходится при этомъ испытывать даже самымъ лучшимъ изъ нихъ, тогда только можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда его дѣятельность будетъ имѣть во всѣхъ отношеніяхъ воспитательный характеръ. Въ его дѣятельности, какъ и въ дѣятельности воспитательной, должна быть оказываема одновременно и помощь тѣлесная, и помощь духовная: первая—для устраненія препятствій, мѣшающихъ нравственному исправленію, а послѣдняя—какъ непосредственно дѣйствующее цѣлебное средство. Заботясь о бывшихъ преступникахъ, общество должно тщательно слѣдить за ними и руководить ими; между обществомъ и находящимися на его попеченіи бывшими преступниками должны существовать такія-же отношенія, какія существуютъ между отцомъ и сыномъ, между опекуномъ и опекаемымъ. Оказываемая обществомъ освобождаемымъ преступникамъ тѣлесная или матеріальная помощь никакъ не должна имѣть характера раздаванія милости, дабы нельзя было упрекнуть общество, что оно людямъ, дошедшимъ до крайности вслѣдствіе совершенныхъ ими преступленій, отдаетъ то, что должно было-бы

\*) „Патронатъ въ Россіи и за границей“ И. Я. Фойницкаго—Вѣстникъ Европы 1878 г., февраль.



принадлежать столь-же нуждающимся, но ничѣмъ не запятнав-  
 шимъ себя людямъ. Отнюдь не должно забывать, что оказыва-  
 ніе матеріальной помощи не составляетъ цѣли общества, но  
 только служить средствомъ для цѣли, т. е. для того, чтобы  
 поставить освобождаемыхъ преступниковъ на путь исправленія  
 и держать ихъ на этомъ пути; необходимо постоянно помнить,  
 что эта помощь должна имѣть мѣсто только при увѣренности  
 или, по крайней мѣрѣ, достаточной вѣроятности, что освобож-  
 денный твердо намѣренъ исправиться, и никакъ не должна  
 преступать за предѣлы своей цѣли. Вообще-же, эта помощь  
 должна заключаться только въ доставленіи освобожденному  
 честнаго заработка посредствомъ соотвѣтствующей его склонно-  
 стямъ и умѣнью работѣ. Поэтому тѣ изъ освобожденныхъ,  
 которые не хотятъ работать, точно также не могутъ и не  
 должны пользоваться подобною помощью, какъ и тѣ, которые  
 не могутъ работать по тѣлесной неспособности: первые должны  
 быть передаваемы въ вѣдѣніе полиціи, а послѣдніе въ вѣдѣніе  
 попечительства о бѣдныхъ. Болѣе чѣмъ о тѣлесной помощи,  
 въ видахъ истиннаго исправленія бывшаго преступника, обществу  
 слѣдуетъ заботиться объ оказаніи ему духовной помощи, т. е.  
 о томъ, чтобы онъ живо сознавалъ не столько свою тѣлесную,  
 сколько свою духовную безпомощность или свою грѣховность  
 и неліцемерно стремился-бы выйти изъ такого бѣдственнаго  
 состоянія. Общество должно находиться въ постоянномъ сноше-  
 ніи съ начальствомъ мѣстъ заключенія и получать отъ него за  
 нѣсколько времени до освобожденія того или другого преступника  
 свѣдѣнія: 1) объ его имени и фамиліи, 2) о возрастѣ, 3) о вѣ-  
 роисповѣданіи, 4) о происхожденіи и прежнемъ образѣ жизни,  
 5) о его родителяхъ, 6) объ его будущемъ мѣстопребываніи,  
 7) о совершенномъ преступленіи, 8) о судебномъ мѣстѣ, приго-  
 ворившемъ его къ тюремному заключенію, 9) о продолжитель-  
 ности его заключенія, 10) о днѣ освобожденія его изъ тюрьмы,  
 11) о прежней его судимости, 12) объ его поведеніи во время  
 нахожденія его въ тюрьмѣ въ послѣдній разъ и о томъ, насколько  
 можно надѣяться на дальнѣйшее его исправленіе, 13) объ его  
 познаніяхъ и 14) объ общественныхъ предположеніяхъ на  
 счетъ предстоящей ему по освобожденіи жизни. Если заключен-  
 ный въ тюрьму успѣлъ заработать себѣ тамъ нѣкоторую сумму  
 денегъ, то, по освобожденіи его оттуда, ему выдается изъ этой  
 суммы лишь столько, сколько ему необходимо для того, чтобы  
 добраться до избраннаго имъ самимъ или назначеннаго ему  
 обществомъ мѣста будущаго его жительства; остальная-же часть  
 его заработка отдается въ распоряженіе общества, которое и  
 снабжаетъ освобожденнаго на счетъ этой суммы всѣмъ необхо-  
 димымъ ему обзаведеніемъ въ новой его жизни. Общество всту-



паетъ въ непосредственное сношеніе съ полицейскими властями и чрезъ ихъ посредство провѣряетъ и дополняетъ полученныя имъ изъ мѣстъ заключенія свѣдѣнія о преступникахъ. Опредѣляя освобожденнаго преступника на какое-нибудь мѣсто или отдавая его въ обученіе какому-нибудь мастерству, общество съ тѣмъ вмѣстѣ непременно должно сообщить будущему хозяину освобожденнаго все, что ему извѣстно о прошедшей жизни послѣдняго. Общество должно употребить всѣ зависящія отъ него средства къ тому, чтобы помѣшать возобновленію связей освобожденнаго съ товарищами его прежней порочной жизни и отстранить отъ него, по возможности, всѣ тѣ внѣшнія побужденія, при которыхъ было совершено уже искупленное имъ преступленіе. Если освобожденный, побуждаемый искреннимъ раскаяніемъ и угрызеніями совѣсти, самъ пожелаетъ быть помѣщеннымъ сколь можно далѣе отъ мѣста, въ которомъ онъ совершилъ преступленіе, то обществу слѣдуетъ удовлетворить, по возможности, такому желанію. Берлинское общество успѣло пріобрѣсти въ Пруссіи всеобщую извѣстность и въ числѣ своихъ членовъ имѣетъ императора и императрицу Германіи. Для преступниковъ, выпускаемыхъ изъ тюремъ Рейнской провинціи и Вестфалии, въ Дюссельдорфѣ въ 1826 г. основано попечительное общество. Уставъ его въ общемъ сходенъ съ уставомъ Берлинскаго общества, въ частности-же отличается тѣмъ, что Дюссельдорфское попечительное общество еще ближе приближается къ цѣли: оно начинаетъ свою дѣятельность еще въ тюрьмѣ, гдѣ еще до выхода преступника изъ тюрьмы члены общества начинаютъ знакомство съ будущими своими кліентами, изучаютъ ихъ тюремную жизнь, узнаютъ ихъ склонности, способности и предположенія на счетъ будущей жизни (въ Англіи это дѣлаютъ особые агенты общества), даютъ имъ читать книги религіозно-нравственнаго содержанія и доставляютъ, по возможности, имъ работу. Ясно, что такія мѣры кладутъ болѣе прочное основаніе для дальнѣйшихъ успѣховъ общества въ достиженіи цѣли. Въ крайнемъ случаѣ отбывшимъ наказаніе дается временное помѣщеніе въ особомъ убѣжищѣ, содержимомъ на средства общества. Лица, не подающія надежды на исправленіе, въ убѣжищѣ могутъ оставаться не болѣе 6 мѣсяцевъ, а если принятый въ убѣжище своимъ трудолюбіемъ и поведеніемъ внушить къ себѣ довѣріе, то его помѣщаютъ на какое нибудь частное мѣсто, при чемъ въ день его выхода изъ убѣжища устраивается небольшое празднество. Кромѣ главнаго Дюссельдорфскаго попечительства, въ провинціяхъ по образцу его устроены вспомогательныя общества, представляющія главному ежегодно отчеты о своей дѣятельности. Затѣмъ Дюссельдорфское попечительство при осуществленіи своихъ задачъ встрѣ-



часть большую поддержку со стороны мѣстнаго духовенства. Такъ, тюремнымъ пасторамъ вмѣнено въ обязанность сообщать приходскимъ пасторамъ фамиліи тѣхъ освобожденныхъ, которые будутъ проживать въ ихъ приходѣ; этимъ же пасторамъ предлагается посѣщать поселившихся въ ихъ приходѣ бывшихъ преступниковъ, содѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами нравственному улучшенію, а также не оставлять безъ покровительства и семействъ этихъ людей. Заслуживаетъ еще вниманія то обстоятельство, что одиннадцатый провинціальный синодъ Вестфалии, имѣя въ виду недовѣріе, питаемое обыкновенно обществомъ къ бывшимъ преступникамъ, вообще, и состоящимъ подъ надзоръ полиціи въ особенности, — недовѣріе, служащее препятствіемъ въ дѣлѣ перевоспитанія этихъ лицъ, постановилъ просить министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, значительномъ смягченіи полицейскаго надзора для лицъ, состоящихъ подъ покровительствомъ попечительства и даже не состоящихъ подъ нимъ, но отличающихся безупречною нравственностью. Въ Германіи за послѣднее время выдвинутъ вопросъ объ устройствѣ работныхъ домовъ, куда могутъ поступать и освобожденные изъ мѣстъ заключенія. Основаніемъ для доставленія помощи въ работныхъ домахъ служить идея нужды, уравнивающая всѣхъ. Что касается опасности, которая можетъ произойти отъ соприкосновенія лицъ, отбывшихъ наказаніе, съ неопороченными людьми, то она можетъ быть устранена посредствомъ цѣлесообразнаго надзора и дѣятельностью тѣхъ-же попечительныхъ обществъ, направленною на возрожденіе преступниковъ. Въ такъ называемыхъ „колоніяхъ рабочихъ“ (*Arbeiter Kolonie*), куда поступаютъ отбывшіе наказаніе преступники, прошлое держится въ тайнѣ; оно извѣстно только директору колоніи, и выходящіе изъ нея получаютъ патенты, какъ и незапятнанные преступленіемъ.

Въ *Анліи* въ настоящее время считается до 112 обществъ патроната; изъ нихъ 10 посвящаютъ свою дѣятельность исключительно каторжнымъ тюрьмамъ, а всѣхъ тюремъ въ *Анліи* 56 мѣстныхъ и 5 каторжныхъ. Комитеты обществъ патроната приглашаютъ особыхъ агентовъ, которые принимаютъ активное участіе при оказаніи помощи освобожденнымъ и знакомятся съ ними въ тюрьмахъ; комитеты эти также избираютъ въ своихъ округахъ корреспондентовъ для выдачи пособія и надзора за освобожденными въ мѣстахъ ихъ жительства, завязываютъ сношенія съ другими обществами патроната и, входя съ ними въ соглашеніе, являются агентами другъ другу при необходимости устройства освобожденнаго внѣ своего округа. Гарантіей увѣренности въ томъ, что покровительство оказывается лицамъ, достойнымъ его, является рекомендація директора тюрьмы въ



добропорядочномъ поведеніи, а вторая гарантія состоитъ въ томъ, чтобы желающій воспользоваться покровительствомъ тотчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы явился въ агентство общества и представилъ секретарю всѣ заработанныя имъ деньги въ тюрьмѣ. Эта гарантія служитъ вещественнымъ ручательствомъ въ томъ, что освобожденный искренно намѣренъ исправиться, и лишаетъ его возможности непроизводительно расходовать деньги. Вся эта сумма, или часть ея, передается тому лицу, которое пожелаетъ принять къ себѣ на работу или въ услуженіе освобожденнаго, при чемъ принявшему сообщается по секрету все прошлое освобожденнаго. Въ случаѣ неисполненія принятыхъ на себя обязанностей покровительствуемый лишается переданной суммы денегъ (Римское *pignoris captio*). Мѣра эта на практикѣ оказывается весьма цѣлесообразною.

Подобныя-же общества патроната имѣютъ широкое распространеніе во всей Западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.

Павель Рязановъ.

(До слѣдующей книжки).

## ИЗЪ БУРСКИХЪ МОТИВОВЪ.

(Переводъ).

Облетѣли крылья,—  
Крылья облетѣли...  
Предъ лицомъ насилья  
Пѣсню не допѣли.

\* \*  
\*

Былъ мотивъ чудесенъ  
Этой пѣсни чудной.  
Но ужъ не до пѣсенъ  
Стало въ долѣ трудной.

\* \*  
\*

Врагъ не зналъ пощады  
Даже для святыни,  
И его громады  
Рушили твердыни.

\* \*  
\*

Тамъ, гдѣ, не смолкая,  
Жизнь ключемъ кипѣла,  
Групами до края  
Вся земля чернѣла...

И отъ взмаха стали  
Раздавались стоны;  
Матери рыдали,  
Проклинали жены...

\* \*  
\*

Врагъ лишь—не печаленъ!  
Совѣсть позабыта.  
Грудами развалинъ  
Пусть страна покрыта.

\* \*  
\*

Пусть вокругъ мученья,—  
Но достичь-бы цѣли...  
Хищныя стремленья  
Все преодолѣли!

\* \*  
\*

Облетѣли крылья...  
Оперимся снова  
И отпоръ сурово  
Мы дадимъ насилью!

Всевол. Сибирскій.



# Тюменская ярмарка.

(Очеркъ).

Прежде, чѣмъ сказать нѣсколько словъ о тюменской ярмаркѣ нынѣшняго года, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе и кинуть взглядъ въ прошлые года за 55 лѣтъ тому назадъ, когда послѣдовало открытіе тюменской ярмарки. Это, по моему мнѣнію, необходимо для того, чтобы дать читателямъ понятіе какъ о постепенномъ прогрессѣ, такъ и упадкѣ торговли на ярмаркѣ.

Тюменская ярмарка открылась впервые въ 1845 году, нѣсколькими десятками лѣтъ позже Ирбитской, и, начинаясь 15 января, заканчивалась 15 февраля, съ каковаго времени открывалась ярмарка въ г. Ирбитѣ, продолжавшаяся по 15 марта.

Сибирская администрація тѣхъ временъ—раннимъ противъ г. Ирбита открытіемъ ярмарки въ Тюмени предполагала „оттянуть“ центръ торговли изъ Ирбита и тѣмъ привести дававшую милліонные обороты Ирбитскую ярмарку къ упадку.

Основанія \*), на которыхъ отдавалось преимущество Тюмени предъ Ирбитью, изложенныя въ ходатайствѣ администраціи „тѣхъ временъ“, были слѣдующія: Тюмень, находясь при судоходной рѣкѣ Турѣ, имѣетъ свои пристани и пароходное сообщеніе съ Томскомъ, тогда какъ доставка кладей чрезъ Ирбитѣ, находящуюся въ сторонѣ отъ большого тракта, возвышаетъ фрахтъ отъ Нижняго къ Томску до 30 коп. съ пуда; кромѣ того, Ирбитѣ, заключаая въ себѣ лишь до 1000 домовъ, въ продолженіи 11 мѣсяцевъ въ году лишенъ не только торговаго, но даже и обыкновеннаго жизненнаго движенія; тогда какъ Тюмень, заключаая въ себѣ до 3000 домовъ, имѣетъ, при значительныхъ собственныхъ капиталахъ, свою самостоятельную торговлю и обладаетъ промышленностію, оборотъ которой простирается до 1.500.00 рублей. На основаніи этихъ данныхъ нельзя было не признать, что ярмарка въ Тюмени, кромѣ общихъ коммерческихъ выгодъ, оказала бы значительное вліяніе и на развитіе самого города, тогда какъ столѣтній опытъ доказалъ, что Ирбитская ярмарка не принесла никакой пользы своему городу, остающемуся по сіе время безжизненнымъ и пустыннымъ. При этомъ обращено было вниманіе и на то обстоятельство, что съ учрежденіемъ ярмарки въ Тюмени многіе товары, не подвергаясь излишней перевозкѣ, понизились бы въ цѣнѣ, какъ, напр. сало, масло, бухарскіе товары и предметы Семипалатинскаго ввоза. Наконецъ, сибирскіе купцы не дѣлали бы лишнихъ 360 верстъ

\*) См брошюру К. Голодникова „Города Тобольской губ.“.



отъ Тюмени до Ирбити въ передній и обратный путь, что, разумѣется, также падаетъ на цѣнность товаровъ.

Ходатайство сибирской администраціи было уважено и Тюменская ярмарка открылась 15 января 1845 года. Успѣхъ первой ярмарки превзошелъ всякія ожиданія: привезено было товаровъ на 3.860.000 руб. и продано на 1.030.000 рублей. Ирбитская же ярмарка въ этомъ году прошла замѣтно тише минувшихъ лѣтъ, причиною чему, несомнѣнно, было неудобное сопоставленіе для открытія ярмарки съ днемъ окончанія таковой въ Тюмени.

Тотчасъ же послѣ Ирбитской ярмарки 1845 года — губернская Пермская администрація внесла ходатайство начальству о переносѣ срока ярмарки: съ 15 февраля на 1 февраля до 1 марта, мотивируя его всевозможными резонами и доводами. Ходатайство было уважено.

Измѣненіе срока Ирбитской ярмарки въ 1846 году тотчасъ же отразилось на Тюменской: — привозъ товаровъ въ этомъ году былъ только на 1.677.236 рублей.

Многіе купцы, издавна вѣздившіе на Ирбитскую ярмарку и вошедшіе уже тамъ во взаимныя обязательства, по невозможности быть въ одно и тоже время и въ Ирбитѣ, и въ Тюмени, должны были или вовсе отказаться отъ поѣздки въ послѣднюю, или же, прибывъ туда и недождавшись конца ярмарки, спѣшить въ Ирбитъ. Тюменцамъ это страшно не понравилось и они опять обратились къ „своему“ начальству съ ходатайствомъ. Сибирскія власти вновь ходатайствуютъ о возобновленіи для Ирбитской ярмарки прежде существовавшаго срока съ 15 февраля по 15 марта, совершенно игнорируя интересы „Россійскихъ“ торговцевъ.

Въ 1848 году Ирбитская ярмарка распоряженіемъ властей переносится снова на прежніе сроки: съ 15 февраля по 15 марта, но это длится недолго. Въ 1850 году Московское купечество представляетъ мотивированное ходатайство, опирающееся крѣпко на „Россійскіе интересы“, прося видоизмѣнить сроки ярмарки опять на 1 февраля по 1 марта. Большую переписку возбудилъ этотъ вопросъ, — въ концѣ концовъ все же рѣшившійся въ пользу московскаго купечества, и съ 1852 года Ирбитская ярмарка вновь открылась 1 февраля по 1 марта, каковой и существуетъ по настоящее время.

Тюменская же ярмарка съ 1852 года начинаетъ падать, представляя собою не ярмарку, а лишь небольшой торжокъ предметами мѣстнаго производства.

Съ этого же 1852 года тюменцы опять начинаютъ годъ за годомъ хлопотать о перенесеніи ярмарки на болѣе удобное время, мотивируя неудобства срока ярмарки съ 1 января по 1 февраля слѣдующимъ: 1) Въ Восточной Сибири, послѣ осенней распутицы, зимній путь устанавливается довольно поздно и потому отправленные оттуда въ Тюмень товары къ 1 января большею частію прибыть не имѣютъ возможности: 2) Замерзаніе рѣкъ, особенно Иртыша, не рѣдко задерживаетъ товары, идущіе изъ киргизской степи, и 3) пушной товаръ, вымѣниваемый



у сѣверныхъ инородцевъ, также не можетъ быть доставленъ къ 1 января въ Тюмень, потому что въ это же самое время бываетъ и Обдорская ярмарка. Затѣмъ, надобно принять во вниманіе и то неудобство, что при настоящемъ измѣненіи срока Тюменской ярмарки торговцы изъ средней Азіи положительно уже не могутъ доставить къ 1 января въ Тюмень свои товары, а вслѣдствіе того—и лишаются Высочайше дарованныхъ преимуществъ торговать на ярмаркѣ безъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ. Наконецъ, къ причинамъ упадка Тюменской ярмарки, вслѣдствіе измѣненія срока ея, надобно отнести и то, что московскіе и прочіе Россійскіе купцы, торгуя на довольно значительной Мензелинской ярмаркѣ въ Оренбургской губерніи съ 1 по 11 января, не имѣютъ никакой возможности въ теченіе двухъ мѣсяцевъ быть на трехъ большихъ ярмаркахъ“.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ эти ходатайства терпѣли фіаско и лишь въ 1868 году срокъ ярмарки перенесенъ на 20 іюля по 15 августа. Первые два года пріѣздъ торговцевъ былъ значительный и многіе возлагали надежды на „прогрессъ“ тюменской ярмарки. На дѣлѣ же оказалось иначе: съ третьяго же года ярмарка начинаетъ прогрессивно идти къ упадку, давая ничтожные обороты, что вновь побудило Тюменское городское управленіе хлопотать о перенесеніи срока ярмарки на 15 января по 5 февраля. Это ходатайство было уважено и съ 1880 года тюменская ярмарка офиціально была открыта съ 15 января по 5 февраля; но и этотъ новый срокъ оказался только иллюзіей празднаго мечтателя, каковымъ явилась Тюменская городская управа, олицетворивши собою бѣлку въ колесѣ въ постоянной погонѣ за новыми и новыми сроками... Ярмарки семидесятыхъ годовъ, со сроками съ 20 іюля по 15 августа, давали хоть какіе ни на есть обороты; въ новые же сроки, т. е. съ 15 января по 5 февраля, кромѣ дефицита торговцамъ, ничего не давали...

Опять новое ходатайство, но на этотъ разъ Тюменская городская управа возвращается почти къ срокамъ семидесятыхъ годовъ, излагая въ мотивированномъ ходатайствѣ просьбу о срокахъ съ 20 іюня по 20 іюля. Губернская администрація и на этотъ разъ согласилась съ доводами Тюменской городской думы, разрѣшивши съ 1894 года открывать ярмарку 20 іюня и заканчивать ее 20 іюля

Дѣла теперь пошли, какъ будто, лучше. Открытіе ярмарки совпадало съ самымъ разгаромъ навигаціи и съ тѣмъ ея временемъ, когда рѣки Западной Сибири, а главное—Тура и Тоболъ не успѣвали измелчать. Благодаря этому, наблюдался значительный притокъ товаровъ и пріѣздъ торговцевъ и покупателей изъ Восточной Сибири и Степныхъ областей.

Привозились предметы мѣстнаго производства: издѣлія тобольскихъ кустарей; пушнину везли скупщики отъ инородцевъ; сырье—кожи свозили чуть-ли не со всей Сибири. Много наѣзжало торговцевъ и покупателей и изъ Европейской Россіи и даже изъ за границы. Торговля шла бойка, давая значительные обороты. Неудобство являлось только въ томъ, что срокъ окончанія Тюменской ярмарки совпадалъ съ открытіемъ таковой въ Нижнемъ-Новгородѣ; поэтому торговцамъ приходилось *volens-nolens* собираться ранѣе окончанія Тюменской ярмарки и ѣхать въ Нижний. Эта ненормальность особенно отражалась на торговлѣ сырьевыми кожами



въ таборѣ: съ одной стороны—не своевременная доставка ихъ изъ Степныхъ областей,—невозможность регулировать цѣны, по причинѣ неодинаковаго спроса и предложенія, наконецъ—продажа въ убытокъ въ виду неустойчивости цѣнъ и невозможности вывезти остатокъ въ Нижегородскую ярмарку къ сроку; неустойчивость же цѣнъ большинство торговцевъ объясняло съ одной стороны позднимъ открытіемъ Тюменской ярмарки, а съ другой—ея кратковременностью. Продавцы-кожевники и покупатели—кожевники, обыкновенно, пріѣзжаютъ недѣли за двѣ до открытія ярмарки и выжидаютъ возможности начать сдѣлки, теряя понапрасну время и вмѣстѣ съ тѣмъ истрачивая деньги...

Г. Н. Кгаевскій.

(До слѣдующаго номера).

## Воспоминаніе о С. Я. Надсонѣ<sup>\*)</sup>.

Я поступилъ въ Павловское военное училище въ первой половинѣ августа 1880 года. Поѣхало насъ изъ разныхъ корпусовъ около 200 человекъ. Раздѣлены мы были на 4 роты,—я попалъ во вторую. Приблизительно такое-же количество было и юнкеровъ, перешедшихъ на 2-й курсъ, такъ что въ ротѣ у насъ было около 100 человекъ. Рота дѣлилась на 2 взвода: старшій курсъ составлялъ 1-й взводъ, а младшій—второй.

Каждый взводъ имѣлъ своего взводнаго командира; старшій курсъ имѣлъ поручика Кинарѣва; младшимъ командовалъ капитанъ Огарковъ. Ротой командовалъ капитанъ Ожеровскій.

Отдѣльной—жизнь каждого изъ взводовъ была только на занятіяхъ какъ строевыхъ, такъ и классныхъ. Остальная жизнь всей роты была общая: спали мы въ общей спальнѣ и въ перемѣшку оба курса.

Общій ротный строй былъ тоже смѣшанный; всѣ мы были выстроены по росту. Обѣдали рядомъ съ тѣми, съ кѣмъ стояли въ строю.

Такимъ образомъ, каждый изъ насъ, новичковъ, попалъ въ незнакомую среду изъ 100 человекъ. Надо было со всѣми перезнакомиться. И, вотъ, знакомство началось. Намъ мало было знать фамилію товарища,—необходимо было узнать, какого онъ корпуса (тогда еще—военной гимназіи), какой товарищъ, не выдастъ ли онъ начальству наши грѣхи, по большей части заключавшіеся въ куреніи въ недозволенномъ мѣстѣ, лежаніи на кровати въ недозволенное время и тому подобныхъ мелочахъ.

<sup>\*)</sup> Семенъ Яковлевичъ Надсонъ—высокодаровитый поэтъ, рано похищенный смертью. Род. 14 декабря 1862 г., умеръ 14 января 1887 г. Настоящая статья г. Иванова, товарища Надсона по юнкерскому училищу, содержитъ, намъ кажется, свѣдѣнія, не лишенныя интереса, изъ жизни Н. въ училищѣ. *Примѣч. Редак.*



Бояться у насъ было основаніе, ибо надъ нами было начальство изъ тѣхъ же юнкеровъ — въ видѣ портупей-юнкеровъ и фельд-фебеля. Случалось, что эти отличенныя господа разыгрывали изъ себя начальство и, кого не взлюбятъ, о томъ всегда и все докладывали. Результаты этихъ докладовъ выражались въ резолюціяхъ ротнаго командира: „оставить безъ отпуска на столько то дней“, „назначить на столько то лишнихъ дежурствъ“ или „дневальствъ“; а иногда и „посадить подъ арестъ на столько-то сутокъ“. Все это было, конечно, очень непріятно, и потому раньше, чѣмъ съ кѣмъ нибудь подружиться, мы всегда старались узнать, какой онъ „товарищъ“.

Въ училищѣ у насъ не полагалось выраженій „ябеды“, „доносчика“ и другихъ, которыми мы окрещивали не любимыхъ товарищей въ корпусахъ; здѣсь мы говорили „хорошій товарищъ“ и „дурной товарищъ“. Этимъ говорилось все и всѣ понимали значеніе этихъ выраженій.

Знали мы про своихъ товарищей, кто къ чему способенъ; знали, что такой то хорошій математикъ и плохой словесникъ, — что этотъ, наоборотъ; знали, что у того страсть къ химіи, а у этого большія способности къ рисованію и чертенію, и пр., и пр.

Словомъ, до открытія учебнаго сезона, т. е. до 1-го сентября, каждый изъ насъ думалъ, что изучилъ другого. Иногда имя корпуса ручалось за человѣка. Такъ, кадеты корпусовъ Кіевскаго, Воронежскаго и Псковскаго у насъ заранѣе считались людьми надежными. Остальные корпуса, за исключеніемъ С.-Петербургскихъ, считались средними. Тамъ были разные люди и ихъ надо было узнавать.

Петербургскіе же корпуса были у насъ въ сильномъ подозрѣніи. Петербургскихъ кадетъ мы считали „маменькиными сынками“, неспособными на товарищескія жертвы; мы считали ихъ зараженными столичнымъ духомъ, негодными на что либо серьезное. — Они, въ свою очередь, какъ столичные жители, смотрѣли на насъ, провинціаловъ, свысока и какъ бы съ сожалѣніемъ за наше невѣжество и незнаніе столичныхъ правилъ и обычаевъ.

Такимъ образомъ, юнкера изъ Петербургскихъ корпусовъ почти всегда жили особнякомъ и составляли свой кружокъ.

Узнавая все возможное — узнали мы, что среди насъ, новичковъ, есть „писатель“ Надсонъ изъ 2-й Петербургской военной гимназіи.

Одно то, что Надсонъ петербуржецъ заставило бы насъ отнестись къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, а тутъ еще человѣка величаютъ „поэтомъ“ и „писателемъ“, когда, по нашему мнѣнію, онъ могъ быть развѣ только небольшимъ „писакой“; вдобавокъ еще взводный командиръ благосклонно относится къ Надсону.



— Ну, попалъ петербуржець въ любимчики къ начальству, значить, путнаго ничего не выйдетъ, говорили мы и сторонились Надсона.

Надсонъ былъ невысокаго роста, тщедушный брюнетъ, ходилъ втянувъ грудь въ себя и склонивъ голову немного направо; онъ какъ-то бочкомъ смотрѣлъ черезъ очки и почти всегда улыбался. Улыбка его была какая-то добродушная, взглядъ какой-то добрый. Такъ не могъ улыбаться, такъ не могъ смотрѣть человекъ, который былъ бы въ состояніи выдать товарища.

Время шло. Надсонъ казался намъ уже не дурнымъ малымъ. Со всѣми онъ былъ одинаково простъ, со всѣми любезенъ и охотно помогалъ товарищамъ, чѣмъ могъ.

Мнѣ довелось спать рядомъ съ Надсономъ (у насъ былъ одинъ общій шкапикъ между кроватями). Поэтому я раньше другихъ сошелся съ нимъ. Мы стали хорошими друзьями; но полюбили другъ друга за разные качества; я вѣрилъ въ его талантъ, мнѣ нравились его произведенія; но говорить съ нимъ о поэзіи я не могъ: ибо мало ее понималъ Надсонъ же во мнѣ видѣлъ недурного математика. Дружба наша началась съ того, что мы заключили союзъ—работать другъ за друга—каждый по своей специальности.

Бывало, задастъ намъ профессоръ Незеленовъ писать сочиненія. Надсонъ успѣетъ написать ихъ два. Одно для себя, а другое за меня. Я всегда за написанное имъ для меня сочиненіе получалъ 12 балловъ. Придется же рѣшать задачу по математикѣ или физикѣ,—ну, тутъ Надсонъ совсѣмъ пасъ:—въ этихъ случаяхъ, обыкновенно, нашъ поэтъ подавалъ работу, сдѣланную мною.

Помню одинъ курьезъ съ французомъ. Собственно говоря у насъ не было никакого преподаванія французскаго языка, а дѣло велось такъ: каждый изъ юнкеровъ получалъ въ началѣ года французскую книгу (у всѣхъ книги были разнаго содержанія) и обязанъ былъ въ свободное время переводить свою книгу. (Письменнаго перевода не требовалось).

Когда былъ урокъ французскаго языка, то преподаватель вызывалъ юнкеровъ по списку, подъ рядъ, и спрашивалъ, до какого мѣста прочли книгу. Вызываемый поворачивалъ на угадъ нѣсколько листовъ и говорилъ:—„до сихъ поръ“. Французъ указывалъ какое нибудь мѣсто изъ прочитанаго куска и юнкеръ долженъ былъ писать на классной доскѣ переводъ съ указаннаго мѣста. Въ классѣ у насъ было три доски и, обыкновенно, сразу вызывалось и по 3 ученика.

Задавъ работу, французъ вызывалъ четвертаго человека, по преимуществу—говорящаго по французски, и бесѣдовалъ съ нимъ, пока кто нибудь изъ вызванныхъ переводить не испи-  
сы-



валъ всей доски. Тогда преподаватель подходилъ къ доскѣ, бралъ книгу и, просмотрѣвъ переводъ на доскѣ, ставилъ отмѣтку и вызывалъ слѣдующаго по списку.

Никакихъ разговоровъ вызваннаго съ учителемъ не происходило. Пользуясь такой постановкой преподаванія, мы устраивали разныя продѣлки.

Классъ у насъ былъ довольно тѣсный; отъ переднихъ скамѣекъ до классныхъ досокъ было не болѣе трехъ шаговъ, такъ что стоящему у доски и сидящему на первой скамѣ переговариваться было очень удобно.

Однажды я былъ вызванъ къ доскѣ. По уговору съ Надсономъ раньше, чѣмъ подойти къ доскѣ, я подошелъ къ нему и, положивъ свою книгу съ отмѣткой, откуда переводить, — взялъ его книгу и сталъ къ доскѣ. Надсонъ же сѣлъ на 1-ю скамейку и сталъ тихонько мнѣ диктовать переводъ. Случилось такъ, что мой сосѣдъ по доскѣ окончилъ переводъ раньше меня; къ нему подошелъ французъ. Я оказался въ затруднительномъ положеніи: Надсонъ не могъ продолжать диктовать и я не могъ обмѣнять обратно книгу, ибо преподаватель стоялъ ко мнѣ лицомъ.

Видя мое критическое положеніе, Надсонъ нашелся: онъ закрываетъ платкомъ носъ и, держа въ одной рукѣ книгу за спиной, подходитъ къ учителю и становится между мной и учителемъ, такъ что я могъ помѣнять книжки.

Надсонъ сказалъ, что у него пошла кровь носомъ, и, будучи отпущенъ изъ класса, вышелъ со своей книгой. Такимъ образомъ, я, благодаря его находчивости, остался незамѣченнымъ въ продѣлкѣ.

Этотъ, самъ по себѣ, незначительный случай рѣшилъ участь Надсона, какъ товарища. — Сеня Надсонъ, какъ стали его звать съ тѣхъ поръ, былъ признанъ хорошимъ товарищемъ, который не только можетъ помогать другимъ, но и выручать, когда нужно.

Надсона полюбили почти всѣ; ему стали довѣрять всѣ тайны, не боясь, что онъ выдастъ ихъ кому либо.

Къ Рождеству, т. е. черезъ четыре мѣсяца послѣ поступленія, Надсонъ завоевалъ себѣ общую любовь и общее уваженіе. Имъ стали интересоваться не только какъ человѣкомъ, но и какъ писателемъ. Стихи С. Я. каждому хотѣлось прочесть, но не всѣмъ это удавалось.

Вообще, своихъ стихотвореній Надсонъ не давалъ читать, пока они не выходили въ печать. Только самымъ близкимъ друзьямъ прочитывалъ онъ иногда то, что писалъ. Если случались стихи на злобу дня и не предназначенныя къ печати, то таковыя сейчасъ же расходились по рукамъ. — Ихъ переписывали другъ у друга. Особенно нравились тѣ, въ которыхъ фигурировало наше училищное начальство. Однажды во время лекціи по



химіи у нашего преподавателя капитана Б. взорвало резервуаръ съ водородомъ. Водородъ былъ приготовленъ для опыта съ друмандовымъ свѣтомъ и, какъ послѣ оказалось, изъ резервуара не былъ удаленъ весь воздухъ, почему и образовалась гремучая смѣсь, давшая взрывъ при поджиганіи.

Б. немного оцарапало руку. Виноватымъ оказался солдатъ, служившій при химической лабораторіи и кое чему научившійся у своего начальника, который и приказалъ доморощенному химику приготовить на завтра водородъ. Очень комиченъ былъ видъ растерявшагося послѣ взрыва лектора. Эпизодъ этотъ въ тотъ же день былъ описанъ Надсономъ.

Вещица вышла очень живая и надѣлала среди юнкеровъ много шума.

Въ другой разъ былъ описанъ нашъ училищный брадобрей Муха. Какъ было его настоящее имя и фамилія—никто не зналъ. Муха чуть-ли не полъ-столѣтія состоялъ въ училищѣ брадобреемъ. Онъ зналъ всю исторію училища; зналъ всѣхъ и cadaго. Муха отличался замѣчательной памятью и рассказы его бывали очень интересны.

Брадобрей имѣлъ и изъ юнкеровъ своихъ любимцевъ, которыхъ онъ брилъ чуть-ли не каждый день и стригъ „по модному“.—Кого-же Муха не любилъ, тѣхъ стригъ не иначе, какъ подъ гребенку, т. е. по казенному положенію. Не любилъ-же Муха многихъ,—почти всѣхъ курящихъ. Если кто садился бриться и отъ него пахло табакомъ, то начиналась лекція. Если говорившему не возражали, то Муха побранить немного за куреніе и замолчить; но, какъ только бывали возраженія, брадобрей воодушевлялся и, бросивъ бритъ, начиналъ доказывать, что грѣхъ курить табакъ.

— Табакъ произрастаетъ на чревѣ дѣвицы блудницы, — зелье оно грѣховное; а вы его употребляете, а еще люди ученые. Грѣха не бойтесь и Бога не помните, говорилъ Муха съ убѣжденіемъ.

Бывало, ктонибудь захочетъ подшутить надъ старовѣромъ (мнѣ кажется Муха былъ старовѣръ) и, закуривъ папиросу, пустить ему въ носъ клубъ дыму. Ну, тогда бѣда: стрижка и бритье приостанавливается, и Муха бѣгалъ за обидчикомъ, желая его поймать и „выдрать мальчишку за уши“.

— Ты мальчишка меня опаскудилъ--кричалъ брадобрей, переходя на ты, когда бывалъ сердитъ.

Кончалось тѣмъ, что молодой всегда убѣжитъ отъ старика и тотъ, ворча, возвращался къ своимъ занятіямъ, угрожая жалобой начальству. Но, впрочемъ, никогда ни на кого не жаловался.

Муха былъ общій любимецъ и на его воркотню никто никогда не сердился.



Этого-то Муху и описалъ Надсонъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Одинъ экземпляръ былъ переписанъ на картонъ и въ видѣ адреса торжественно преподнесенъ Мухѣ.

Сначала старикъ обидѣлся, что надъ нимъ смѣются, но когда его увѣрили, что и про вельможъ пишутъ стихи, онъ успокоился и принялъ стихотвореніе, обѣщавъ его вставить въ золотую рамку и повѣсить на стѣну.

Вообще, не проходило недѣли, чтобы Надсонъ не написалъ чего нибудь, касающагося нашей внутренней жизни. Его произведенія признавались за произведенія поэта, и это слово уже произносилось безъ насмѣшки.

Однажды Надсонъ написалъ большую эпиграмму на наше начальство, гдѣ очень мѣтко описалъ какъ нашихъ офицеровъ, такъ и преподавателей. Эпиграмма эта переписывалась на расхватъ и чуть-ли не въ одинъ день ее переписало все училище.

Стихи вышли очень удачны въ литературномъ отношеніи; но, по моему, не совсѣмъ справедливы по содержанію. Лица, которыя были Надсону симпатичны—были описаны только съ хорошей стороны, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли и дурныя качества и смѣшныя стороны; наоборотъ—лица, которымъ С. Я. не могъ угодить, какъ, напр., преподаватели математики, механики, химіи и физики, были описаны только въ нѣсколькихъ словахъ. Все хорошее было оставлено въ покоѣ и схвачены были только нѣкоторые недостатки, искусно подмѣченные поэтомъ.

Стихотвореніе это, между прочимъ, попало въ руки капитана О., который отъ души смѣялся надъ нимъ; но былъ настолько неостороженъ, что показалъ стихи ротному командиру, который былъ обрисованъ не особенно симпатичнымъ. Насмѣшка надъ ротнымъ командиромъ обошлась Надсону не дешево: Надсонъ былъ плохой фронтовикъ и когда у насъ были ротныя ученія, на которыхъ присутствовалъ самъ ротный командиръ, то Надсону всегда доставалось больше другихъ, хотя были лица, которыя дѣлали ружейные приемы и маршировали не лучше поэта. Употребляю это слово, ибо ротный командиръ очень часто напоминалъ Надсону, что онъ поэтъ. Не разъ мы слышали восклицанія:

— Надо дѣлать что нибудь одно: или стихи сочинять, или маршировать. Теперь маршируйте, а сочинять будете потомъ, когда, вмѣсто отпуска, оставлю васъ дежурить“.

Такія, и въ этомъ родѣ, нападки сдѣлали то, что Надсонъ хотѣлъ уйти изъ училища. Онъ мнѣ говорилъ, что просилъ А. Плещеева \*) найти ему какую нибудь службу, и что если служба

\*) А. А. Плещеевъ—извѣстный поэтъ, оказавшій особое участіе и вниманіе къ Надсону при первыхъ его шагахъ на литературномъ поприщѣ. *Примѣч. Редак.*



найдется, то онъ постарается забыть военную карьеру. Вообще, Надсонъ никогда не относился съ любовью въ военной карьерѣ.

Немного успокоило Надсона отношеніе къ нему взводнаго командира капитана О. Этотъ все время очень симпатично относился къ юношѣ-поэту и дѣлалъ ему всевозможныя поблажки. Если, напримѣръ, во время гимнастики или строевыхъ занятій, Надсонъ скажетъ, что у него что-нибудь болитъ, то О. всегда освобождалъ его отъ занятій, чего не дѣлалось для другихъ. Другіе должны были представлять записку отъ доктора въ доказательство своего нездоровья. Мнѣ кажется, что О. видѣлъ, что Надсонъ здоровъ и только тяжело ему заниматься военными артикулами, когда къ этому не лежитъ сердце, да и физически онъ былъ неспособенъ для военной службы.

Не смотря на удобу, у Надсона отъ всякой физической работы являлась отдышка; носить ружье ему было, очевидно, тяжело, а къ гимнастикѣ онъ былъ окончательно неспособенъ.

Единственно, что у него кое какъ выходило, — это прыганіе черезъ веревку; но и тутъ онъ прыгалъ очень смѣшно и часто, перепрыгнувъ, падалъ, что вызывало единодушный, но не злой, смѣхъ товарищей.

Иногда, впрочемъ, на Надсона находила охота быть хорошимъ фронтовикомъ; тогда онъ съ увлеченіемъ дѣлалъ ружейныя приемы и *печаталъ*. Такъ называлась у насъ медленная маршировка; при чемъ надо было, поднявъ ногу впередъ, сразу поставить ее на полъ всей подошвой, какъ бы приложить печать.

Обыкновенная походка Надсона была характерна. Онъ ходилъ, ставя ногу сначала на каблукъ и, затѣмъ, становился на носокъ; такъ что при каждомъ его шагѣ получалось какъ-бы два удара. Но фронтальная лихорадка у Надсона скоро проходила, и онъ опять ненавидѣлъ строй.

Каждый изъ юнкеровъ обязанъ былъ держать въ чистотѣ свое ружье, и если офицеръ, завѣдывающій оружіемъ, усматривалъ на ружьѣ малѣйшую ржавчину, то наказаніе было не миновемо. Болѣе состоятельные юнкера нанимали прислуживающихъ намъ солдатъ и тѣ обязаны были имъ постоянно чистить ружья. Стоило это въ мѣсяцъ 50 копѣекъ. Надсонъ, жалѣя денегъ, такъ какъ у него ихъ почти никогда не было, — порѣшилъ чистить свое ружье самъ; но, попавъ два раза на лишнее дежурство за то, что ружье было не въ порядкѣ, все таки, въ концѣ концовъ нанялъ солдата, и тогда уже былъ спокоенъ, что изъ за ружья онъ не понесетъ наказанія.

Чистить свое платье, пуговицы и сапоги юнкера должны были сами; но не возбранялось также желающимъ нанимать тѣхъ-же солдатъ. Это стоило тоже 50 копѣекъ въ мѣсяцъ и потому Надсонъ всегда самъ занимался чисткой своей амуни-



ціи, что ему не всегда удавалось; особенно часто у него не были вычищены задники у сапогъ. Къ костюму, вообще, Надсонъ относился очень небрежно. Галстукъ почти всегда у него вылазилъ изъ за воротника. На костюмѣ было всегда множество пятенъ; брюки отрепаны сзади (тогда еще у насъ была старая форма—брюки на выпускъ).

Въ шкапикѣ, который стоялъ у кровати, былъ страшный беспорядокъ. Не только свои, но и мои вещи всегда были имъ перекопаны.

Въ ящикѣ столика, вмѣстѣ со щеткой, гребенкой и мыломъ, въ поэтическомъ беспорядкѣ валялись огарки стеариновыхъ свѣчей, спички, карандаши, кусокъ недоѣденной булки, корка черного хлѣба, превратившіеся въ камень, и черновыя тетради стихотвореній.

Несмотря, однако, на внѣшнюю неакуратность, Надсонъ былъ очень чистоплотенъ. Баню онъ любилъ очень и никогда ее не пропускалъ, хотя париться не могъ—не переносилъ сильнаго жара. Нѣкоторые изъ юнкеровъ заказывали себѣ собственные сапоги и мундиры; Надсонъ же всегда носилъ все казенное, говоря, что если на немъ что-нибудь нехорошо, то стыдно—казнѣ, а не ему.

Иногда, выведенный изъ терпѣнія, я замѣчалъ Надсону, что буду съ нимъ ссориться, если онъ не будетъ содержать въ порядкѣ шкапикъ.

— Теперь у меня нѣтъ охоты возиться съ казенными вещами; но ты увидишь, какое славное гнѣздышко я себѣ устрою, когда буду жить самостоятельно.

— Воображаю! какъ будетъ деньщикъ содержать твою квартиру, такъ и будетъ хорошо, возражалъ я.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Въ кабинетъ я деньщика не буду и впускать. Тамъ все буду убирать самъ. Кабинетъ—это будетъ моя святая-святыхъ, куда, кромѣ писателей, никто входить не будетъ.

— Значить, я не увижу твоего гнѣздышка, ибо, не имѣя чести быть писателемъ, не буду допущенъ въ твою святая-святыхъ.

— Нѣтъ, ты другое дѣло. Ты старый товарищъ и тебя пущу, хотя бы для того, чтобы ты убѣдился, что и у меня можетъ быть порядокъ.

При этомъ Надсонъ скорчитъ такую гримасу, что я замолчу, и опять терплю, пока онъ не выведетъ меня изъ терпѣнія снова чѣмънибудь особеннымъ.

Чего не любилъ Надсонъ всей душой—это верховой ѣзды, и происходило это, главнымъ образомъ, отъ боязни лошадей. Было у насъ нѣсколько смирныхъ коней и съ ними нашъ поэтъ ми-



рился, но если его сажали на рѣзвую лошадь, то случались комичныя сцены: лошадь поведетъ ухомъ и Надсонъ уже хватается за гриву, воображая, что лошадь его сейчасъ понесетъ.

Сидѣль на лошади С. Я. очень некрасиво: голову, по обыкновенію, держалъ бочкомъ, грудь втягивалъ въ себя, животъ выставлялъ впередъ, а ноги держалъ крючками, разогнувъ носки въ разныя стороны.

Нечего говорить, что при ѣздѣ рысью онъ болталъ локтями и не умѣлъ ихъ держать спокойно.

Ротмистръ Н., учившій насъ верховой ѣздѣ, очень часто заставлялъ Надсона снимать шапку и класть ее подъ локоть, предваряя, что если шапка выпадетъ, то ѣздокъ будетъ наказанъ. Но, при первой попыткѣ ѣхать рысью, Надсонъ терялъ шапку. Н. ругался, но наказывать, всетаки, не наказывалъ. И, окончивъ училище, Надсонъ такъ и не научился ѣздить верхомъ.

Зато фектовать Надсонъ любилъ и хотя фигура его не была создана для виднаго бойца на рапирахъ, но фектовалъ онъ очень недурно. Любилъ поэтъ и стрѣльбу, хотя, стрѣляя, почти никогда не попадалъ въ цѣль и при выстрѣлѣ всегда закрывалъ глаза. Промахи Надсонъ объяснялъ тѣмъ, что его ружье невѣрно бьетъ, а глаза закрывалъ для того, „чтобы невидѣть предсмертной агоніи врага“, какъ онъ въ шутку объяснялъ эти свои манеры на обращенные къ нему вопросы.

П. Ивановъ.

(До слѣдующей книжки).

## Шутка.

Умъ идетъ за свѣтомъ смѣло,  
Глупость прячется въ тѣни;  
Умъ зоветъ на трудъ, на дѣло,  
Глупость шепчетъ лишь: „усни“.

\* \*  
\*

Умъ враждуетъ вѣчно съ тьмою  
И не терпитъ умъ оковъ;  
Глупость хочетъ быть рабою  
И рождаетъ въ міръ рабовъ.

Всеv. Сибирскій.



# Томскій бунтъ.

1637—1638 г.г.

(Историческій Вѣстникъ. Іюнь, 1901 годъ).

Жизнь сибиряка въ XVII вѣкѣ была крайне неприглядна... Населеніе терпѣло отъ взятотничества чиновниковъ, необузданность и жадность которыхъ не имѣла границъ.

Время управленія Сибирью Пестелемъ и Трескинымъ было ознаменовано крупными злоупотребленіями.

Даже въ началѣ XIX вѣка эти злоупотребленія не прекратились и Сперанскій въ 1819 году пишетъ изъ Томска Салтыкову: „если-бы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ, что и можно было сдѣлать, то здѣсь (въ Томской губ.) оставалось бы всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя“.

При такомъ управленіи краемъ немудрено тутъ и тамъ вспыхивали возстанія и, вотъ, на одномъ изъ нихъ, какъ на болѣе характерномъ и останавливается Н. Оглоблинъ въ своей статьѣ „Томскій бунтъ“, помѣщенной въ „Истор. Вѣстн.“ за іюнь текущаго года.

Бунтъ этотъ, какъ говоритъ авторъ статьи, возникъ на почвѣ воеводскихъ злоупотребленій и стремленія мѣстной администраціи порадовать о государевой прибыли...

Въ тѣ отдаленныя времена земледѣліе въ Сибири было въ зачаточномъ состояніи. Собственнаго хлѣба не хватало; онъ доставлялся водою изъ Руси и раздавался служилымъ людямъ.

Это было очень обременительно для казны и въ 1637 г. московское правительство рѣшило не выдавать хлѣбное жалованіе тѣмъ, у кого... есть деревни и пашни паханныя немалыя, а выдавать и то въ значительно меньшей мѣрѣ тѣмъ, у кого пашни „малыя“.

Слухъ объ этомъ проникъ въ народъ еще лѣтомъ 1637 года, когда воевода стольникъ князь Иванъ Ромодановскій составилъ комиссію для описанія земель служилыхъ людей.

Въ комиссію эту входилъ, между прочими, и казацкій пятидесятникъ Андрей Губа.

Этотъ-то Андрей Губа, человекъ безъ сомнѣнія умный и энергичный, первый опротестовалъ эту мѣру, которая могла такъ плохо повліять на экономическое благосостояніе народа.

Всѣ служилые люди, имѣвшіе „малыя“ и „немалыя пашни“, предводительствуемые Губою, объявили воеводамъ, что „имъ съ



пашень своихъ безъ государеваго хлѣбнаго жалованія не служить и изъ Томскаго бѣжать всѣмъ“.

Пока дѣло ограничивалось только угрозой; но когда въ сентябрѣ 1637 г. прибыли суда съ хлѣбомъ и воевода князь Иванъ Ромодановскій распорядился никому его не выдавать, то бунтъ принялъ серьезный характеръ...

Андрей Губа и единомышленники его напрямикъ заявили князю, что возмутъ себѣ хлѣбъ съ судовъ „своимъ произволомъ, а не по царскому указу“, говорили воеводѣ „непослушныя и многія невѣжливыя слова“, окружили его и дьяка Анисима Трофимова, грозя убить ихъ...

Этотъ бунтъ характеренъ еще тѣмъ, что всѣ дѣйствовали „міромъ“ единодушно, не выдавали товарищей и другъ за друга стояли горой.

Когда князю Ивану удалось захватить немногихъ казачьихъ пятидесятниковъ и посадить ихъ въ тюрьму, то болѣе 150 человекъ „пошли въ тюрьму своимъ насильствомъ и сѣли въ тюрьму собою“.

Испугавшись такого, еще небывалаго возстанія, воеводы пошли, было, на уступки и рѣшили раздать часть хлѣба людямъ, не имѣвшимъ пашень, но они отказались, требуя, чтобы хлѣбъ былъ розданъ всѣмъ безъ исключенія, по примѣру прошлыхъ лѣтъ.

И когда ихъ требованіе не было уважено, они порѣшили, на мірской сходкѣ, отправить къ царю съ челобитной Андрея Губу и Ивана Володимерца.

Посадскіе люди Томска и ясачные уѣзда также вручили гонцамъ свои челобитныя.

Въ челобитныхъ этихъ они просили объ отмѣнѣ новаго закона „о службѣ съ пашень“, жаловались на вопіющія злоупотребленія воеводъ, указывая на то, что во всѣ времена, начиная съ кн. Петра Пронскаго, „опричь тѣхъ лѣтъ, когда былъ въ Томскомъ воеводою князь Иванъ Татевъ, учало быти въ Томскомъ всякимъ служилымъ людямъ смутное и тѣсное житіе и изгоня немѣрная. Николи-де они государева денежнаго хлѣбнаго жалованія изъ государевой казны безъ посуловъ и безъ выкупу выдокучить не могутъ“... О воеводѣ Никитѣ Егуповѣ сказано, что онъ „чинилъ во всемъ бѣду и тѣсноты и оскорбленіе великое“.

Послѣ долгаго утомительнаго странствованія А. Губа съ товарищемъ, 28 января 1638 г., прибыли, наконецъ, въ Москву.

Здѣсь они били челомъ государю о томъ, что имъ отъ воеводы князя Ивана Ромодановскаго чинятся „обида и налоги, и утѣсненія всякаго рода....



Московское правительство было сильно озабочено этимъ народнымъ возстаніемъ Томска и, естественно, боялось, чтобы оно не охватило всю Сибирь.

Москва поспѣшила отозвать Ивана Ромодановскаго и его клевретовъ, а „воеводскіе шишиморы“ (совѣтники) были разосланы по другимъ городамъ Сибири.

Ихъ замѣнили кн. Семень Клубковъ-Масальскій, Ив. Рубльскій и дьякъ Дмитрій Жеребиловъ; имъ поручено было произвести „сыскъ“ о бунтѣ.

Не смотря на то, что розыскъ велся пристрастно, съ явнымъ намѣреніемъ облить прежнихъ воеводъ, московское правительство не рѣшилось наказать бунтовщиковъ и предало дѣло забвенію...

Дмитрій Вольфсонъ.

## Кузнецкій Алатау.

(Физико-географическій обзоръ. — Продолженіе, — см. 5—7 книжки текущаго года).

Надо сказать, что опредѣленія высотъ по правому берегу имѣются только для узкой полоски этого района, заключеннаго между границей Томской и Енисейской губерній и теченіемъ Кіи (отъ 10 до 40 верстъ \*). Перевалы между верхними правыми притоками Кіи — Бобровой, Тунсказомъ, Кійскимъ Шалтыремъ имѣютъ высоты отъ 996 до 776 метровъ. Гора Кійская (между теченіемъ Кіи, Тулуюла и Бирикуля) имѣетъ 710 метровъ высоты. По ту сторону Кіи высоты меньше: пунктъ находящійся между верховьями Шалтыржака и М. Кундата имѣетъ 542 м. Еще сѣвернѣе мы видимъ на лѣвыхъ берегахъ Кіи гору Черничную въ 314 метр. (вершина Б. Тайгадата, лѣваго притока Б. Кожуха), а на правомъ берегу даже золотоносныя площади имѣютъ большую абсолютную высоту, не говоря уже о перевалахъ и вершинахъ, высоты которыхъ намъ неизвѣстны. Такъ — видимъ, что въ верховьяхъ р. Тисуля Александровскій пріискъ Жилль, Попова и К<sup>0</sup> имѣетъ 340 м., Воскресенскій — Иваницкаго 395, Весело-Андреевскій — Новикова 415. — Р. Кія, пробѣжавъ по гористой мѣстности въ сѣверномъ направленіи, на этомъ пространствѣ только разъ измѣняетъ свое теченіе, повернувъ близъ вершинъ Тисуля подъ прямымъ угломъ къ западу, но послѣ впаденія Б. Кожуха опять принимаетъ прежнее направленіе. Около села Чумайскаго

\*) Все на той-же геол. картѣ Реут. и Зайц.



(около 130 в. отъ вершины) рѣка утрачиваетъ горный характеръ и становится спокойнымъ равниннымъ потокомъ. Уже на равнинѣ отъ устья Серти рѣка измѣняетъ сѣверное направленіе въ сѣверо-западное. Правые притоки Кіи въ предѣлахъ горъ всѣ незначительны, но всѣ золотоносны. Верхніе лѣвые притоки тоже не велики и только ниже Кія принимаетъ Кундаты, имѣющій почти параллельное съ нею теченіе, также какъ и правый притокъ Кундата—Кундустуюль—богатѣйшая золотомъ рѣка въ сѣверной части Алатау. Ниже Кундата въ Кію впадаетъ еще болѣе значительный притокъ Б. Кожухъ, сходящійся верхними своими притоками Шалтыремъ, Кожухомъ и Сѣвернымъ Кожухомъ съ Тайдономъ и Осиповой. Вершины Б. Кожуха почти сплошь изрыты золотоискателями, какъ и вся вообще Кійская тайга, колыбель сибирской золотопромышленности, такъ какъ въ ней по рч. Бирикулю были открыты первые золотые прииски Ѳедотомъ Поповымъ.—Р. Урюпъ \*) беретъ въ одной мѣстности съ Кіей и течетъ сначала на сѣверъ параллельно Кіѣ на разстояніи 20—30 верстъ отъ нея, но затѣмъ постепенно уклоняется вправо къ сѣверо-востоку и, пробѣжавъ около 80 верстъ, впадаетъ въ Чулымъ. Эта рѣка составляетъ границу Томск. и Енисейской губерній. Слѣва, т. е. въ предѣлахъ Томск. губ., въ нее впадаютъ незначительныя рѣчки, а справа она принимаетъ (уже въ нижнемъ теченіи) Бережъ, (до 50 в. длины), въ который впадаетъ р. Парна, текущая изъ Божьяго озера. Урюпъ, до впаденія въ него справа р. Бережа, протекаетъ въ лѣсистой и гористой мѣстности; отъ устья Бережа Урюпъ течетъ по лѣсистой равнинѣ до своего устья. Долина р. Урюпъ до 200 верстъ, ширина въ низовьяхъ до 10 саж., глубина отъ 1 до 3 ар. Ложе рѣки каменистое, теченіе быстрое, порожистое, берега утесистые, отъ устья же Бережа низменные, покрытые покосами, лугами и перелѣсками. По верховьямъ Урюпа и впадающимъ въ него рѣкамъ находятся золотоносныя, но небогатыя розсыпи. Долина Бережа плодородна и заселена. Та часть Алатау, которая заключена между теченіями Урюпа, Бережа и Чернаго Юса, носитъ названіе Урала. Озеро Божье состоитъ изъ 2-хъ бассейновъ Большаго и Малаго Божьихъ озеръ. Большое имѣетъ 12 верстъ длины и до 5 в. и болѣе ширины. Западный берегъ гористый, восточный—отлогій. Озера богаты рыбою Божье озеро, кажется, самое большое на Алатау, послѣ Телецкаго. Иностранческое названіе большаго бассейна Тигерь-Голь (небесное оз.) или Улу-Голь, перешейка и ручья между обоими бассейнами—Боось (рождающій). На западъ отъ Малаго озера (Кычи-Голь) возвышается гора около 40 саж. высотой, а на ней находится въ глубокомъ, крутоберегомъ провалѣ еще маленькій бассейнъ—Келинъ-голь, имѣющій около версты въ окру-

\*) Латкинъ—Енис. губ. стр. 26; дополн. къ Риттеру—548 стр.



ности. Стѣнки провала изъ темнокраснаго хрящеваго грунта, а самое озеро очень глубоко—бездонно по словамъ Кизильцевъ <sup>1)</sup>.

Въ бассейнѣ Урюча же на правомъ его берегу находится небольшое озеро Инголь изливающее свои воды въ эту рѣку посредствомъ небольшого потока Обь-юль. Длина его около  $3\frac{3}{4}$  в., ширина  $1\frac{3}{4}$  в. Высота надъ уровнемъ моря 312 метровъ. Отличаясь живописнымъ мѣстоположеніемъ, прекраснымъ воздухомъ, изумительно чистою и прозрачною водою, оно еще раньше, лѣтъ 30—40 тому назадъ, пользовалось славою цѣлебнаго у сосѣднихъ инородцевъ и русскихъ, а въ 1891 году было изслѣдовано проф. Томскаго Университета Залѣскимъ и усердно рекомендуется имъ какъ прекрасная климатическая лечебная станція, а иль озера какъ бальнео-терапевтическое средство <sup>2)</sup>.

Мы видѣли, что по лѣвому берегу Кіи высоты менѣе значительны, чѣмъ по правому. Но если мы подадимся далѣе къ западу въ систему правыхъ притоковъ р. Яи (впадаетъ въ Чулымъ)—Золотога Китата, Кельбеса и Барзаса, то найдемъ, что мѣстность здѣсь выше. Пріиска здѣсь расположенные имѣютъ отъ 210 (Кларо-Моисеевскій—Буткевича по среднему теченію Зол. Китата), до 348 (Успенскій—Федорова, системы В. Суеты притока Барзаса) <sup>3)</sup>. И это окончаніе Алатау, гдѣ хребетъ нисходитъ на нѣтъ, тянется еще дальше къ сѣв.-западу почти до Томска, придавая, какъ мы еще говорили выше, горный характеръ рѣкамъ Басандайкѣ и Ушайкѣ и образуя скалистыя обнаженія какъ на этихъ рѣкахъ, такъ и на Томи. На рч. Ушайкѣ въ вершинахъ обнаружено даже присутствіе золота. Близъ станціи Тайга желѣзная дорога пересѣкаетъ этотъ понизившійся отрогъ Алатау на высотѣ около 210 м. Дальше желѣзно-дорожный путь постепенно понижается и достигаетъ до 144 метровъ у города Мариинска, затѣмъ снова повышается и между станціями Тяжинъ и Итатъ имѣетъ въ одномъ пунктѣ около 300 метровъ.

Но хотя въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ абсолютная высота больше, чѣмъ у станціи Тайга, мѣстность не носитъ горнаго характера, а представляетъ равнину и только за Чулымомъ начинается невысокій Гремячихинъ хребетъ или Арга, который представляетъ начало плоской возвышенности, простирающейся отсюда къ востоку. Томская же вѣтка желѣзной дороги представляетъ одинъ изъ участковъ „горнаго характера“ <sup>4)</sup>. Но мѣстность орошаемая правыми притоками Яи уже далеко не похожа на тотъ Алатау, который мы

<sup>1)</sup> Корниловъ. Воспоминанія о Вос. Сибири. Магазины землевѣд. и путешествій, издаваемый Н. Фроловымъ, т. III, 1854 г.—Допол. къ Риттеру стр. 548.

<sup>2)</sup> Залѣскій. Озеро Инголь. Томскъ 1891 г.

<sup>3)</sup> Геолог. карта Зайц. и Реут.

<sup>4)</sup> См. статью „Средне-Сиб. жел. дорога“ въ Сиб. Торг.-пр. календарѣ за 1899 г. изд. Романова. ст. 422.



разсматривали до сихъ поръ. Р. Яя беретъся близъ линіи желѣзной дороги между станціями Литвиново и Тайга и течетъ сначала параллельно Томи, но въ обратномъ направленіи, т. е. къ юго-востоку. Разстояніе между руслами обѣихъ рѣкъ отъ 30 до 40 верстъ. Встрѣтившись съ Барзасомъ, текущимъ прямо ей на встрѣчу, Яя получаетъ сѣверное направленіе и принимаетъ справа же Кельбесъ и Золотой Китатъ. Эти три притока извѣстны по своимъ золотымъ промысламъ и текутъ всѣ параллельно другъ другу и параллельно Томи. Мѣстность, орошаемая ими, и сами рѣки характеризуются Реутовскимъ слѣдующимъ образомъ: „Характеръ всѣхъ трехъ рѣкъ и омываемыхъ ими долинъ почти одинаковъ; рѣки эти со слабымъ паденіемъ (8—10 верш. на 100 саж.), всѣ мелководны и берутъ начало во множествѣ болотъ и мочаговъ, находящихся въ вершинахъ ихъ. Долины, омыаемыя ими, очень не широки (отъ 30 до 100 саж.) и ограничиваются крайне пологими увалами. Даже водораздѣлы рѣкъ часто такъ незначительны, что только при внимательномъ отношеніи можно надѣяться различить одну падь отъ другой. Мѣстность носитъ характеръ слабохолмистый, общая высота ея не превышаетъ 317 метровъ надъ уровнемъ моря. Обнаженія горныхъ породъ и выдающіяся скалы здѣсь рѣдки: въ верхней и средней частяхъ рѣкъ ихъ нѣтъ совершенно, появляются же онѣ только въ самомъ нижнемъ ихъ теченіи, но и здѣсь внѣшній видъ поверхности носитъ характеръ низменной мѣстности“ \*).

**М. Самохваловъ.**

(Продолженіе будетъ).

## Смѣсь.

### Замѣтки наблюдателя.

(Наше время. Бумажный прогрессъ. Толки объ отсталости и причины ея. Проектъ устава о службѣ гражданской. Кое-что о чрезмѣрномъ увеличеніи чиновниковъ. Бюрократизмъ и постановка дѣла. Два слова о чиновникахъ и проектируемомъ законѣ. Увольненіе учительницы.

Остановливаясь на нѣкоторыхъ явленіяхъ русской общественной жизни, двигающейся въ своемъ руслѣ, въ сравненіи съ прошлымъ, нѣсколько ускореннымъ темпомъ, невольно иногда приходишь къ грустнымъ размышленіямъ и ищешь причину всѣхъ причинъ тѣхъ контрастовъ между жизнью и дѣйствительностью, которые блестящимъ образомъ характеризуютъ нашу неподвижность и отсталость, наше вялое слѣдованіе позади

\*) Реутовскій—Золотоносный районъ Томск. Горн. Окр., стр. 1—2.



жизни, такъ сказать, на буксиръ ея, но при этомъ—на достаточно приличномъ разстояніи.

Мы не торопимся, не спѣшимъ, а часто съ невозмутимымъ равнодушіемъ даже игнорируемъ самые жгучіе запросы жизни, висящіе надъ нами то въ видѣ дамоклова меча, то въ формѣ „настойчивыхъ требованій“ и, безъ сомнѣнія, сами-же отъ этого много теряемъ. Надо помнить, что въ безконечномъ движеніи впередъ жизнь никого не ждетъ, а, являясь властелиномъ интересовъ людей, предъявляетъ свои требованія и суммою удовлетворенныхъ требованій ея измѣряется прогрессъ. Чѣмъ меньше разлада между дѣйствительностью и жизнью, тѣмъ лучше, такъ какъ отъ этого, прежде всего, выигрываютъ интересы людей, а затѣмъ—и страны.

Но, увы, эта прописная истина насъ мало трогаетъ и смущаетъ. Намъ, повидимому, всегда дороже насъ возвышающій обманъ, а истины? Гм... истины спокойно лежатъ себѣ подъ зеленымъ сукномъ, или-же подъ тяжеловѣстными „пресъ-папье“ изъ бронзы или мрамора, и ждутъ случая.

То есть того „классическаго грома“, который когда грянетъ, то всѣ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ. По мѣткому и довольно ядовитому выраженію одного провинціала, русская общественная жизнь прогрессируетъ только на бумагѣ. По разнымъ отчетамъ, памятнымъ запискамъ, журналамъ и протоколамъ, мы, дѣйствительно, далеко ушли впередъ. Взвѣсивая данныя бумажнаго прогресса, и сердце радуется, и даже слеза прошибаетъ; но за то—если посмотрѣть на окружающую обстановку, такъ сказать, *vol d'oiseau*, то можно лопнуть отъ разочарованій. Сказано зло и ядовито. И нельзя сказать, чтобы ядовитый провинціаль былъ далекъ отъ истины. Кой-какая правда выглядываетъ изъ-за этихъ острыхъ словъ. Въ общемъ мы отстали и корень зла нашей отсталости, по мнѣнію газеты „Россія“, слѣдуетъ видѣть въ неудовлетворительномъ и недостаточномъ воспитаніи насъ, какъ націи.

Что за проклятiе тяготѣетъ надъ нами?—спрашиваетъ газета. Фактъ остается фактомъ: отсталость на лицо. Низшіе слои населенія мало привязаны къ землѣ со всѣми ея радостями и удовольствіями; идеаль ихъ еще гдѣ-то внѣ ея. Руководящіе классы страдаютъ такой-же, по своимъ послѣдствіямъ, болѣзнию. Последняя выражается въ объективизмѣ мысли, воспитанной на западно-европейскихъ идеяхъ и идеалахъ, и отсюда—въ ея полной безпочвенности: Другими словами великороссійская интеллигенція, являясь первой въ мірѣ по безпристрастію и широтѣ взглядовъ, въ то-же время не воспитана въ своихъ общественныхъ чувствахъ и характерѣ; она не имѣетъ опредѣленныхъ и твердыхъ общественныхъ симпатій и антипатій и попадаетъ, вслѣдствіе этого, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью, часто въ трагическое или комическое положеніе со своими позаимствованными идеями. Замѣтимъ кстати, что она въ то-же время слишкомъ много вѣритъ въ теоріи, въ абсолютность чуждыхъ ей по существу принциповъ. Она страстно предается борьбѣ за тѣ или иные изъ этихъ принциповъ и, въ то-же время, быстро мѣняетъ ихъ на новые, безъ всякаго внѣшняго, жизненнаго повода.



Таково мнѣніе газеты „Россія“. Впрочемъ, собственно говоря, не газеты, а автора этихъ замѣтокъ прив. доц. Чистякова. Но такъ-ли это? Мы немножко сомнѣваемся. Есть много и другихъ причинъ, которые задерживаютъ ростъ и развитіе нашей общественной инициативы, и, несомнѣнно, не менѣе, чѣмъ бозотчетное преклоненіе предъ *гнилымъ* западомъ. Можетъ быть, тамъ изъ окошка въ Петербургъ, кромѣ гнилаго запада, и ничего не видно, но это уже вина автора. Загляните въ „медвѣжьи уголки“, даже и въ тѣ, до которыхъ три года скачи и, все-таки, не доскачешь; опуститесь до самаго дна въ провинціальную тину;—посмотрите, какими узкими и эгоистическими интересами живетъ общество; познакомьтесь съ его идеалами и традиціями, и вы убѣдитесь, что есть что-то такое, что гнететъ и давитъ общественную жизнь. Этимъ мы нисколько не умаляемъ значенія взглядовъ автора. Все сказанное имъ оригинально, свѣжо и правильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ --и односторонне...

Намъ думается, что „дымомъ пахнетъ“ вовсе не съ этой стороны. Преклоненіе предъ западомъ—это только одна фальшивая нота, въ цѣлой гаммѣ, тоже фальшивой и рѣзкой. По нашему мнѣнію, гвоздь нашей отсталости заключается въ томъ, что въ нашей внутренней жизни установился взглядъ—не идти рука объ руку съ жизнью, а слѣдовать по пятамъ ея. Назрѣваютъ самые жизненные вопросы, вопіютъ о себѣ, жизнь настойчиво и неумолимо проситъ отвѣта на нихъ, а мы проходимъ мимо или подальше прячемся въ свои скорлупы, высовывая голову только тогда, когда громъ грянетъ.

Какъ-же послѣ этого не будетъ отсталости?

И въ малыхъ и крупныхъ дѣлахъ мы не измѣняемъ своей привычки. Такимъ образомъ, не будетъ-ли правильнѣе искать „зло“ вокругъ себя, въ своей инертности, неподвижности и равнодушіи.

Впрочемъ, блаженны вѣрующіе.....

Но начнемъ бесѣду по другому вопросу. Въ газеты проникъ слухъ о предстоящемъ пересмотрѣ устава о службѣ гражданской. Вопросъ этотъ давно ждетъ своего разрѣшенія и, какъ касающійся одной изъ главныхъ отраслей государственной жизни, представляетъ собою жгучій интересъ. Еще-бы! Онъ обнимаетъ собою интересы „громадной арміи“, стоящей у главнаго колеса сложнаго механизма, которымъ регулируется государственная жизнь.

Начнемъ поэтому—*ob ovo*.

Прежде всего скажемъ, что чиновники—это кажется единственное сословіе, которое находится какъ-бы въ забвеніи и которое терпѣливо ждетъ смѣны отжившихъ традицій болѣе выдержанными взглядами, отвѣчающими условіямъ современной



жизни. Кругомъ и всюду вы можете замѣтить частичныя реформы, видоизмѣненія и дополненія—и только тутъ, въ сферѣ чернильнаго царства, если не считать кой-какихъ, вызванныхъ крайнею необходимостью, измѣненій, все осталось въ своей, покрытой пылью, патріархальной неприкосновенности. Казалось-бы, то, что было хорошо въ прошломъ, приходилось тогда въ пору, врядъ-ли теперь можетъ имѣть ту-же цѣнность. Во всякомъ случаѣ, хотя мы и отстали отъ жизни, но, всетаки, въ сравненіи съ пережитыми годами немного двинулись впередъ,—прозрѣли умственно, перемѣнили идеалы и даже отказались отъ многихъ традицій, иначе говоря,—подросли. А при такихъ условіяхъ—перемѣнились и интересы наши. Другими словами уже переоцѣнили прожитое: чему преклонялись—сожгли и на мѣстѣ пепелища создали нѣчто новое.

Отсюда ясно, что и уставъ самъ собою устарѣлъ и для регламентаціи интересовъ службы и населенія уже почувствовалась необходимость въ созданіи болѣе соотвѣтствующихъ нормъ.

Исходя изъ этого положенія, мы думаемъ, что въ настоящее время именно было-бы своевременно произвести реформу гражданской службы, такъ какъ частичныя поправки и дополненія мало помогутъ дѣлу и все равно, рано или поздно, все-таки, придется разрубать этотъ своего рода „гордіевъ узелъ“.

Сама по себѣ задача не легкая.

Она распадается на двѣ части. Съ одной стороны необходимо упростить системы дѣлопроизводства, съ другой—согласовать на почвѣ права и строгой законности интересы общества, служилаго сословія и власти. Надо имѣть въ виду, что число чиновниковъ у насъ растетъ съ неимоверной быстротою, и если оно будетъ возрастать въ теперешней прогрессіи, то въ недалекомъ будущемъ мы станемъ лицомъ къ лицу съ неразрѣшимой диллемою: *какъ быть?* Несомнѣнно, жизнь государства, развиваясь, требуетъ и большаго числа работниковъ. Такимъ образомъ, увеличеніе числа штатныхъ и сверхштатныхъ чиновниковъ является какъ-бы необходимостью, но это казуистика. До извѣстной степени отчасти это вѣрно, а далѣе—росту служилаго сословія мы обязаны своимъ взглядамъ и своимъ устарѣвшимъ системамъ, благодаря которымъ рычагъ государственной дѣятельности вращаетъ колесо жизни. Если мы развернемъ страницы исторіи развитія Пруссіи, то сейчасъ-же увидимъ, что эта страна въ послѣдніе годы, послѣ реформъ, блестяще развивалась, росла и подняла свою общественную жизнь; но все это произошло безъ увеличенія чиновниковъ, безъ расширенія штатовъ и наполненія департаментовъ и канцелярій лишними *людьми*. Правда, въ Пруссіи ослабленію чиновничества способствовали и соціальныя условія; но, главнымъ образомъ, причину слѣдуетъ искать въ системахъ постановки канцелярскаго дѣла.

Въ нашихъ-же канцеляріяхъ масса времени затрачивается, въ силу установившихся системъ, совсѣмъ непроизводительно, а это естественно вызываетъ необходимость привлеченія свѣжихъ силъ и только для того, чтобы справиться съ „бумажною дѣятельностью“, которая такъ чрезмѣрно развита у насъ. И какая масса труда, времени и силъ были-бы сохранены, въ интересахъ государства и дѣла, если-бы мы выработали другую систему, если-бы мы отказались отъ многихъ *пріемовъ*, направленныхъ только къ тому, чтобы создать лишнюю работу, лишнее *трение* и лишнее дѣло.

Посмотрите, какъ у насъ ведется дѣло. Нерѣдко простое копеечное дѣло разрастается въ огромные *фоліанты*, безцѣльно странствуетъ по учрежденіямъ и, на-



конецъ, совершенно неизвѣстно для чего и какой цѣли попадаетъ въ архивъ. Отношенія, донесенія, надписи, запросы и всякое прочее по самому пустому поводу сыплются, какъ изъ рога изобилія. Дѣло доходитъ до того, что въ порывахъ неизъяснимаго усердія, полученный циркуляръ (это практикуется въ одномъ управленіи и сейчасъ) передаютъ въ смежную комнату, гдѣ возсѣдаетъ другое отдѣленіе, не иначе, какъ при отношеніи, съ просьбою не отказать извѣстить въ полученіи. Другое отдѣленіе, получивъ, прочитавъ и снявъ копію, препровождаетъ его при отношеніи обратно, также съ просьбою не отказать въ полученіи. Этотъ безцѣльный формализмъ, само собою разумѣется, тоже безцѣльно вызываетъ и лишній трудъ, и время. Аналогичныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно.

Въ смыслѣ продуктивности время и трудъ не цѣнятся. И такъ какъ государственная жизнь растетъ, нужды и потребности увеличиваются, а вмѣстѣ съ этимъ расширяется и сфера дѣятельности того или другого учрежденія, то и понятно, почему и отчего непомѣрно разрастается у насъ и число чиновниковъ. Рѣшительно было-бы крайне интересно, если-бы какой нибудь статистикъ потрудились-бы учесть, сколько труда уходитъ на одни только слова: „имѣю честь“, „покорнѣйше просить“ и прочія выраженія, которыя, составляютъ лишь лишній балластъ въ официальной перепискѣ и какъ-то странно рѣжутъ слухъ. Въ военномъ вѣдомствѣ прямо таки воспрещено употреблять въ официальныхъ бумагахъ подобныя слова и выраженія, а въ гражданскомъ—безъ „имѣю честь“ ни одна бумага не пройдетъ.

Такова ужъ рутина.

И мы думаемъ, что, одновременно съ пересмотромъ устава о службѣ гражданской, слѣдовало-бы подвергнуть критической оцѣнкѣ и постановку вообще канцелярскаго дѣла у насъ. Что-же касается существа устава, имѣющаго цѣлью нормировать обязанности, отношенія и права чиновниковъ, то вопросъ этотъ настолько жизнененъ, что скорѣйшее разрѣшеніе его крайне желательно. Главнымъ образомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на служебное положеніе чиновниковъ. У девяти десятыхъ „арміи чиновниковъ“ положеніе въ высшей степени шатко...

Судьба ихъ находится въ безотчетномъ распоряженіи начальниковъ; захотѣлъ—выбросилъ за бортъ; не пожелалъ—оставилъ на службѣ. Съ точки зрѣнія права—это разительный анахронизмъ. Хорошо было-бы, если-бы возможно было допустить, что всѣ начальники ни что иное, какъ идеальные люди. Но, вѣдь, это абсурдъ. Всѣ мы подвержены и внѣшнимъ вліяніямъ, и своему личному взгляду. Страсти, неудачи, озлобленіе, болѣзни—все это въ большинствѣ случаевъ играетъ незамѣтную роль въ тѣхъ или иныхъ нашихъ поступкахъ, рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Справедливо-ли послѣ этого судьбу многихъ труженниковъ, несущихъ на своихъ плечахъ всю черную работу, вручать отдѣльнымъ личностямъ. Въ этой области опытъ жизни далъ намъ цѣлый рядъ траги-комическихъ картинокъ и нѣкоторыя изъ нихъ даже увѣковѣчены корифеями нашей литературы. Конечно, были и бываютъ и исключенія, но въ общей массѣ они незамѣтны. Обыкновенно же обстоятельства складываются такъ, что подчиненнымъ приходится считаться со всѣми перипетіями интригъ, а съ другой стороны и съ собственнымъ „я“ начальника. Вотъ тутъ-то вся соль и горечь вопроса. Шаткость положенія и полная зависимость отъ одного слова начальника убиваютъ въ чиновникѣ энергію, любовь къ дѣлу и починъ личной инициативы, такъ какъ приходится „плыть по желаніямъ“ начальника и съ искусствомъ лопмана обходить всякія наслоенія. Нерѣдко поэтому лучшіе люди бѣгутъ со службы, очищая мѣста для посредственностей.

Нормально-ли все это? Конечно, нѣтъ. Люди служатъ дѣлу, государству, а не лицамъ. За ихъ спинами, къ тому-же, находится и другая „армія“—семья. Не будетъ-ли поэтому справедливымъ втиснуть въ строго опредѣленныя рамки „собственное я“ начальниковъ, предоставивъ право распоряжаться судьбою труженника только министерствамъ и особымъ дисциплинарнымъ судамъ. Пусть начальники принимаютъ и опредѣляютъ на службу чиновниковъ, но и только. Что-же касается проступковъ по службѣ и внѣ службы, нерадѣнія, оцѣнки способностей и т. п. то лучше всего право это предоставить дисциплинарнымъ судамъ, которые легко учредить по образцу офицерскихъ судовъ. Преступленія-же по службѣ квалифицированы общими законами и говорить объ этомъ не приходится.



Такая реформа, по нашему мнѣнію, помимо торжества справедливости, принесетъ и огромную пользу дѣлу. Два историческихъ зла: протекція и фаворитизмъ потеряютъ свое значеніе и наши департаменты и канцеляріи мало-по-малу очистятся отъ ненужныхъ имъ элементовъ...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы считаемъ, что главный фундаментъ, на которомъ можетъ незыблимо покоится новый уставъ—это упроченіе служебнаго положенія каждаго служащаго. Безъ осуществленія этой настойчивой потребности, подсказанной жизнью, новый уставъ не достигнетъ своей цѣли. Мы опять очутимся внѣ интересовъ жизни. . . . .

Уставу слѣдуетъ направлять свои усилія противъ того, что не въ мѣру разрослось, а не противъ крайне рѣдкихъ исключеній. Касаясь нѣкоторыхъ частныхъ проекта устава, газета „Нед.“ совершенно справедливо не вполне соглашается съ тѣмъ значеніемъ, которое новый уставъ намѣренъ дать диплому. По мнѣнію газеты, безоглядочное поклоненіе диплому какъ-бы исходитъ изъ предположенія, что человѣкъ застываетъ въ томъ состояніи, въ какомъ находился въ юношескомъ возрастѣ, ничего новаго не усваивая и ничего не забывая. Придавая значеніе десятку лѣтъ обученія въ дѣтствѣ и юношествѣ, это поклоненіе слѣпо въ отношеніи къ ряду лѣтъ болѣе самостоятельной жизни, которыя различными людьми проводятся очень различно. Между тѣмъ, жизнь даетъ массу примѣровъ, какъ одни, пройдя формальную школу, предаются потомъ праздности и все выученное забываютъ, а другіе и не пройдя, почему либо, этой школы,—все свое время посвящаютъ пріобрѣтенію знаній; и такія самостоятельныя усилія бываютъ иногда плодотворнѣе подневольнаго ученія въ раннемъ возрастѣ. Кромѣ того, значеніе дипломовъ можетъ перевѣшиваться умомъ и другими личными способностями.

Не вдаваясь въ оцѣнку другихъ статей проекта, мы думаемъ, что они, во всякомъ случаѣ, такъ или иначе совпадутъ съ интересами службы, власти и населенія, но при условіи упроченія служебнаго положенія чиновниковъ.

Это гвоздь жизни, съ которымъ необходимо считаться, такъ какъ въ противномъ случаѣ долго ожидаемая реформа своею неполнотою не разрубитъ „гордіева узла“, тормозящаго въ настоящее время интересы труженниковъ.

Впрочемъ—поживемъ и увидимъ, что скажутъ время и опытъ и что принесетъ съ собою новый проектируемый законъ. Обращаясь отъ словъ къ жизни, мы позволимъ себѣ привести здѣсь маленькую иллюстрацію того, какъ иногда маленькому человѣку, отличающемуся даже образцовою добросовѣстностью къ обязанностямъ службы, трудно устоять на своемъ посту.

Въ пос. Дубовка, по словамъ „Церковн. Вѣстника“, недавно злобою дня служило увольненіе изъ дубовскаго женскаго учи-



лица учительницы г-жи Васильевой. Но за что? Вот тутъ-то и заковыка и, прибавимъ отъ себя, „заковыка экстраординарная“. Г-жа Васильева, видите-ли, сдѣлалась жертвой „политики“.

Тонкой, но не остроумной!

А тамъ—гдѣ тонко, тамъ и рвется. Прорвалась въ наружу и «политика» дубовскихъ дипломатовъ. И газета открыла эту „политику“. По ея словамъ, „политика“ эта заключается въ томъ, что уволенная учительница не захотѣла выйти замужъ за одного педагога, считавшаго все время ее своей невѣстой. И, вотъ, когда педагогъ получилъ категорическій отказъ, на сцену выступили обиженные сватья, кумовья, знакомые и разные „власть имѣющіе“ политиканы, ратовавшіе когда-то за ту же Васильеву и думавшіе въ недалекомъ будущемъ развернуться на учительской свадьбѣ во всю ширь „ивановскую“.

Такъ вотъ—какова вина образцовой учительницы. Она, съ одной стороны, лишила удовольствія кой-кого поплясать, съ другой—ослушалась начальства.

Бываетъ и хуже....

Мелкаго человѣка рѣдко и не вездѣ—за человѣка считаютъ.

**Гвидонъ.**

## Библиографія.

Сибирскій Сборникъ. Выпускъ I за 1901 годъ. Приложение къ газетѣ „Восточ. Обозрѣніе“. XVI годъ изданія. Подъ редакціей И. И. Попова. Иркутскъ. Типографія газ. „Восточное Обозрѣніе“. 1901 г., въ 1/8 д. л. малаго формата, 207 стр.

„Сибирскій Сборникъ“ выходитъ въ качествѣ приложенія къ издающейся въ Иркутскѣ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“. 1-й выпускъ „Сборника“ за текущій годъ составленъ весьма интересно. Въ началѣ „Сборника“ помѣщена статья Г. Б. Битова „Нѣсколько словъ памяти Н. М. Ядринцева“, составляющая очеркъ его литературныхъ и научныхъ трудовъ и дающая характеристику его дѣятельности. Статья—небольшая, но написана толково. Авторъ относится съ большимъ уваженіемъ къ личности Ядринцева, достойно признаетъ его заслуги и заканчиваетъ статью слѣдующими прочувствованными словами: „горячая преданность къ Сибири и ея разноплеменному народу являлась отличительной чертой личности покойнаго писателя (т. е. Ядринцева). Гуманизмъ и идеализмъ 60-хъ годовъ горѣли въ немъ тѣмъ свѣтомъ, въ лучахъ котораго онъ представлялъ читателямъ судьбы своей родины, для высокихъ благъ которой онъ отдалъ лучшую пору своей жизни, свой свѣтлый умъ вы-